

ISSN 2782-6139

***АЗИАТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ***

№1(13) – 2025 г.

Научный журнал

АЗИАТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
№ 1 (13), 2025

Редакционный совет журнала:

Март-оол Вячеслав Донгакович	-	директор ТИГПИ, председатель
Басангова Тамара Горяевна	-	зав. сектором Международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на Евразийском пространстве» ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова», доктор филологических наук, доцент;
Берсенёв Владимир Леонидович	-	ведущий научный сотрудник Центра экономической теории Института экономики Уральского отделения РАН, доктор исторических наук, профессор;
Дацышен Владимир Григорьевич	-	профессор кафедры всеобщей истории Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева, доктор исторических наук;
Монгуш Марина Васильевна	-	ведущий специалист Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук;
Султанов Казбек Камилович	-	зав. отделом литературоведения Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, доктор филологических наук;
Цендина Анна Дамдиновна	-	профессор Института классического Востока и античности Российского государственного гуманитарного университета, доктор филологических наук.

Редакционная коллегия журнала:

Моллеров Николай Михайлович	- научный руководитель ТИГПИ при Правительстве РТ, доктор исторических наук, главный редактор;
Натсак Органа Доржуевна	- ученый секретарь ТИГПИ при Правительстве РТ, кандидат философских наук, заместитель главного редактора;
Иргит Оттук Юрьевич	- заместитель директора ТИГПИ при Правительстве РТ, кандидат исторических наук, ответственный секретарь;
Донгак Светлана Чондан-ооловна	- ведущий научный сотрудник ТИГПИ при Правительстве РТ, кандидат исторических наук;
Кужугет Айлана Калиновна	- главный научный сотрудник ТИГПИ при Правительстве РТ, доктор культурологии, кандидат искусствоведения;
Кунгаа Маргарита Базыр-ооловна	- ведущий научный сотрудник ТИГПИ при Правительстве РТ, кандидат педагогических наук;
Мижит Людмила Салчаковна	- ведущий научный сотрудник ТИГПИ при Правительстве РТ, кандидат филологических наук;
Самдан Аяна Анай-ооловна	- ведущий научный сотрудник ТИГПИ при Правительстве РТ, кандидат исторических наук;
Симчит Кызыл-Маадыр Авый-оолович	- ведущий научный сотрудник ТИГПИ при Правительстве РТ, кандидат филологических наук.

© Азиатские исследования: история и современность.

ASIAN STUDIES: HISTORY AND MODERNITY

Academic Journal

No. 1 (13), 2025

EDITORIAL COUNCIL

1. Mart-ool Vyacheslav Dongakovich – Director of Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Chairman

2. Basangova Tamara Goryayevna – Head of the Department of the International Research Center "Oirats and Kalmyks in the Eurasian Space," Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Dr. of Sci. (Philosophy)

3. Bersenev Vladimir Leonidovich – Leading Researcher of the Center for Economic Theory of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Dr. of Sci. (History), Professor

4. Datsyshen Vladimir Grigoryevich – Professor of the Department of General History of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, Dr. of Sci. (History)

5. Mongush Marina Vasilyevna – Leading specialist of the State Archive of the Russian Federation, Dr. of Sci. (History)

7. Sultanov Kazbek Kamilovich – Head of the Department of Literary Studies of A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Dr. of Sci. (Philology)

8. Tsendina Anna Damdinovna – Professor of the Institute of Classical East and Antiquity of the Russian State University for the Humanities, Dr. of Sci. (Philology)

EDITORIAL BOARD

Mollerov Nikolay Mikhailovich – Editor-in-Chief, Research Director, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Dr. of Sci. (History)

Natsak Organa Dorzhuyevna – deputy Editor-in-Chief, Academic Secretary, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (Philosophy)

Irgit Ottuk Yurievich – Deputy Director, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (History), Executive Editor

Dongak Svetlana Chondan-oolovna – Leading Researcher, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of

the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (History)

Kuzhuget Ailana Kalinovna – Chief Researcher, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Dr. of Sci. (Cultural studies)

Kungaa Margarita Bazyr-oolovna – Leading researcher, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (Pedagogy)

Mizhit Lyudmila Salchakovna – Leading Researcher of Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (Philology)

Samdan Ayana Anay-oolovna – Head of the History Department, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (History)

Simchit Kyzyl-Maadyr Avyy-oolovich – Leading Researcher of Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (Philology)

АЗИАТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Научный журнал

Цели и область

«Азиатские исследования: история и современность» - научный журнал, посвящённый актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам тувиноведения, востоковедения, экономики, политики, социального развития Тувы и сопредельных регионов.

Миссия журнала - содействие междисциплинарным и межрегиональным исследованиям.

Главный редактор: Н. М. Моллеров, доктор исторических наук, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, г. Кызыл, Российская Федерация

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель: Государственное бюджетное научно-исследовательское и образовательное учреждение «Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-80690 от 23.03.2021 г.;

Адрес редакции: 667000, г. Кызыл, ул. Кочетова, 4, Тел: 8-39422-2-39-36, электронный адрес: tigpi@asvestnik.ru.

ASIAN STUDIES: HISTORY AND MODERNITY

Academic Journal

Goals and research fields

"Asian Studies: History and Modernity" is a scientific journal devoted to topical theoretical and scientific-practical problems of Tuvan studies, Oriental studies, economics, politics, social development of Tuva and adjacent regions.

The mission of the journal is to promote interdisciplinary and interregional research.

Editor-in-chief: N. M. Mollerov, Dr. of Sci. (History), Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia

Founder and Publisher: State budgetary Research and Educational Institution «Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva»

Published quarterly (4 issues per year)

Asian Studies: History and Modernity is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.

Certificate on registration: PI No. FS77-80690 of 23.03.2021

Editorial staff office: 4, Kochetov str., Kyzyl, 667000, phone: +739422 23936,
E-mail: tigpi@asvestnik.ru

© Asian Studies: History and Modernity

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Морфологические маркеры жанров тувинского фольклора

Байлак Ч. Ооржак 8

Фольклор как источник пополнения экспрессивной лексики в тувинском языке

Эллада К. Аннай 27

Названия мастей домашних животных в речи цэнгэльских тувинцев

Баярсайхан Б. 43

Синтагматические связи в лексико-семантическом поле с ядерным словом *кара* ‘черный, темный’ (по материалам тувинских народных песен)

Оюмаа М. Саая 60

Об орониме *Туглуга* и микропонимике его окрестностей

Кызыл-Маадыр А. Симчит 80

Актуальное членение предложений с именным сказуемым в тувинском языке

Чойган Г. Ондар, Салбак Р. Чалбак 95

ПЕРСОНАЛИИ

К 70-летию Моллерова Николая Михайловича

Аяна А. Самдан 105

CONTENT

PHILOLOGY

Morphological Markers of the Genres of Tuvan Folklore <i>Bailak Ch. Oorzhak</i>	8
Folklore as a Source of Replenishment of Expressive Vocabulary in the Tuvan language <i>Ellada K. Annai</i>	27
The Names of the Colors of Domestic Animals in the Speech of the Tsengel Tuvinians <i>Bayarsaikhan B.</i>	43
Syntagmatic Relations in the Lexico-Semantic Field Centered Around the Word <i>Kara</i> ‘Black, Dark’ (Based on Tuvan Folk Songs) <i>Oyumaa M. Saaya</i>	60
On the Oronym of <i>Tugluga</i> and Microtoponymy of its Surroundings <i>Kyzyl-Maadyr A. Simchit</i>	80
The Actual Division of Sentences with a Nominal Predicate in the Tuvan Language <i>Choigan G. Ondar, Chalbak R. Salbak</i>	95

PERSONALITIES

To the 70th Anniversary of Nicolay Michailovich Mollerov <i>Ayana A. Samdan</i>	105
---	-----

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 811.512.156

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ЖАНРОВ ТУВИНСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Байлак Ч. Ооржак

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, доктор филологических наук, Кызыл, Республика Тыва, Россия, oorzhak.baylak@mail.ru

Аннотация. Язык и специфика произведений устного народного творчества показывают, что фольклор представляет собой сложную в своей организации языковую систему. Эта система существует и функционирует как особая подсистема, не похожая на ни одну другую. При этом она входит в общую систему тувинского языка, обогащая ее, питая своим внутренним стилистическим разнообразием. В ней отражаются лингвокультурные особенности фольклорных произведений и различные фольклорные жанры отражают свои собственные стилистические особенности своего языка. В статье рассматриваются грамматические формы, присущие для различных жанров произведений тувинского фольклора, использование которых связано непосредственно с их коммуникативными задачами.

Ключевые слова: тувинский язык, фольклор, грамматические формы, фольклорные жанры, коммуникативные задачи.

Для цитирования: Ооржак Б. Ч. Морфологические маркеры жанров тувинского фольклора // Азиатские исследования: история и современность. 2025. № 1(13). С. 8–25. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-1-13-8-25

MORPHOLOGICAL MARKERS OF THE GENRES OF TUVAN FOLKLORE

Bailak Ch. Oorzhak,

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Dr. of Sci. (Philology), Kyzyl, Republic of Tuva, Russia, oorzhak.baylak@mail.ru

Abstract. The language and specifics of the oral folk show that folklore is a complex linguistic system in its organization. This system exists and functions as a special subsystem unlike any other. At the same time it enters into the general system of the Tuvan language, enriching and nourishing it with its internal stylistic diversity. It reflects the linguistic and cultural features of folklore and various folklore genres reflect their own stylistic features of their language. The article examines the grammatical forms inherent in various genres of Tuvan folklore works, the use of which is directly related to their communicative tasks.

Keywords: Tuvan language, folklore, grammatical forms, folklore genres, communicative tasks.

For citation: Oorzhak, B.Ch. (2025) "Morphological Markers of the Genres of Tuvan Folklore" // Asian Studies: History and Modernity, no. 1(13), p. 8–26. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-1-13-8-26

Введение

Культурная, эстетическая, этико-воспитательная, информационная ценность фольклора велика. Он служит средством коммуникации между поколениями: через него передается информация о традиционных идеях, нравственных ценностях, жизненном опыте и, в целом, о восприятии мира наших предков, тем самым задает ценностные и жизненные ориентиры для потомков. Произведения тувинского фольклора были и являются объектом исследования фольклористов и литературоведов [Гребнев 1960; Калзан 1964; Куулар 1976; Кыргыз 1992, 1997; Орус-оол 1987, 2001, 2010; Самдан 2001, 2016; Донгак 2010 и др.].

В последнее время становится актуальной также исследование языка фольклора. Эта тема большая, многогранная и интересная; относится к области лингвофольклористики, касается лингвокультуры и когнитивной лингвистики. С точки зрения особенностей языка тувинский фольклор рассматривался в научных работах тувинских языковедов последних лет. Исследователи в большинстве своем обращают внимание на лексические особенности этих произведений. К ним мы относим

лексический анализ [Татаринцев 2009; Ондар 2016; Хертек Лид. 2015а, 2017; Хертек Люб. 2017], рассмотрение отдельных концептов в текстах героических сказаний [Хертек Лид. 2015б, 2018б]. Комплексному исследованию лексических и структурно композиционных особенностей построения текстов тувинских героических сказаний в сравнительно-сопоставительном плане была посвящена монография М. В. Ондар [2022].

Сравнительно менее изучены фольклорные произведения с точки зрения их грамматического устройства. Особенности отдельных грамматических явлений эпических текстов были объектом исследований Л. А. Шаминой [2013], А. В. Байыр-оол [2013], Лид. Хертек [2018а], Б. Ч. Ооржак [2021].

Язык и специфика произведений устного народного творчества показывают, что фольклор представляет собой сложную в своей организации языковую систему. Она существует и функционирует как особая подсистема, не похожая на ни одну другую; входит в общую систему тувинского языка, обогащая и питая ее своим внутренним стилистическими разнообразием. В соответствии с коммуникативными задачами различных фольклорных жанров в их передаче используются определенные маркеры – лексические и грамматические средства. Целью данной статьи является выявление грамматических средств, присущих различным жанрам тувинских фольклорных произведений, использование которых соответствует их коммуникативным задачам и отражают собственные стилистические особенности языка тувинского фольклора. Материалом исследования послужили тексты произведений тувинского фольклора. В исследовании использовался метод описания.

Морфологические особенности тувинских фольклорных жанров

Исследователи тувинского фольклора выделяют следующие жанры: тувинский героический эпос, повествующий о подвигах богатырей; сказки, по содержанию делящиеся на волшебные, бытовые и сказки о животных; мифы, легенды, предания, песни, обрядовая поэзия, пословицы, поговорки, загадки, скороговорки [Орус-оол 2010: 311]. Каждый из этих жанров в соответствии со своими коммуникативными задачами использует определенные грамматические средства – морфологические формы, которые служат маркерами.

1. **Пословица** (тув. *үлгөр домак*) – образное, афористически сжатое изречение в форме законченного предложения, содержащее некую житейскую мудрость и имеющее назидательный смысл для адреса-

та. Коммуниктивная задача пословиц предполагает императив, который достигается использованием глагольной формы собственно императива 2 лица ед. числа и формы настоящего-будущего времени на $=p / =бас$. Форма императива 2 лица ед. числа в тувинском языке в положительном значении совпадает с основой глагола (примеры 1, 2), в негативе – присоединением к основе формы негатива на $=ба / =ва / =ма / =па$, $=ба / =ва / =ма / =па$ (примеры 3, 4):

(1) *Кымчыны эдиле,*

Кунчууңну хүндүле.

Аьдыңны эдиле,

Адыңны хүндүле [Дарыма, 14].

кымчы=ны эдиле=Ø кунчу=ун=ну

кнут=ACC пользуйся=IMP/2Sg

свекровь=POSS/2Sg=ACC

хүндүле=Ø аьд=ың=ны эдиле=Ø

уважать=IMP/2Sg конь=POSS/2Sg=ACC

пользуйся=IMP/2Sg

ад=ың=ны хүндүле=Ø

имя=POSS/2Sg=ACC уважать=IMP/2Sg

‘Пользуйся кнутом, уважай свою свекровь. Пользуйся своим конем, уважай свое имя’.

(2) *Бай мен дээш, бардамнава.*

Ядыы мен дээш, муңгарава [Дарыма, 14].

бай мен дэ=эш бардам=на=ва

богатый я говорить=CV наглый=VBLZ=NEG

ядыы мен дэ=эш муңгара=ва

бедный я гоорить=CV печалиться=IMP/NEG/2Sg

‘Из-за своего богатства не наглей. Из-за своей бедности не грусти’.

(3) *Суг көрбейн, идиң ужулба.*

Эчизинге четпейн, далаша [М, 114].

суг көр=бейн иди=ин ужул=ба

вода видеть=NEG/CV обувь=POSS/2Sg снимать=IMP/NEG/2Sg

эчизи=н=ге чет=пейн далаш=па

конец=INFIX=DAT достигать=NEG/CV

торопиться=IMP/NEG/2Sg

‘Не видя воды, не снимай обувь. Не достигнув конца, не торопись’.

Пример 4 демонстрирует оформление императивом аналитической конструкции, образованной при помощи негативного деепричастия на =байн, =вайн, =пайн, =майн и вспомогательных глаголов бытия тур=, чор=, олур=, чыт= с бытийным значением. Данная конструкция здесь в формальном плане выступает как омонимичная аналитической форме настоящего актуального времени на =n/=байн тур (чор=, олур=, чыт=) =Ø. Их семантические различия обнаруживаются контекстуально.

(4) Эки эжиң утпайн чор.

Эки аьдың кагбайн чор [М, 114].

эки	эж=иң	{ут=пайн	
чор=Ø}			
хороший	друг=POSS/2Sg	{забывать=NEG/CV	
AUX=IMP/2Sg}			
эки	аьд=ың	{каг=байн	чор=Ø}
хороший	конь=POSS/2Sg	{о с т а в л я т ь = N E G / C V	
AUX=IMP/2Sg}			

‘Хорошего друга не забывай. Хорошего коня не оставляй’.

Форма настоящего-будущего времени на =р (негативная форма =бас) в тувинском языке является полисемантической. Кроме своего собственно временного значения, которое относит то или иное действие к конкретному моменту времени (настоящему общему или будущему) на временной оси, она способна передавать значения вневременного действия и модального значения необходимости.

Вневременное действие предполагает выражение значения актуальности того или иного действия или состояния вне зависимости от времени, что соответствует коммуникативным задачам пословиц, передающих ту или иную житейскую мудрость как результат жизненного опыта, актуальный всегда вне зависимости от времени. Рассмотрим примеры:

(5) Чаашкын келирге, тон одер,

Чаңгы келирге, чаргы үнер [Дарыма, 11].

чаашкын	кел=ир=ге	тон	өд=ер
дождь	приходить=PF=DAT	тон	

промокать=FUT/2Sg

чаңгы кел=ир=ге

чаргы үн=ер

цзангыприходить=PF=DAT тяжба выходить=FUT/2Sg

‘В дождь промокает тон, когда приходит цзангы, начинается тяжба’.

(6) *Ыт чараазын чылгангаи, тотпас,*

Дүжүмет үндүт алгаи, пөкпес [Дарыма, 11].

ыт чараа=зы=н

чылга=н=гаи

собака слюна=POSS/3Sg=ACC

лизать=RFL=CV

тот=пас

дүжүмет

үндүт

ал=гаи

насыщаться=NEG/FUT/2Sg

чиновник

налог

брат=CV

пөк=пес

не.насыщаться=NEG/FUT/2Sg

‘Собака своими слюнями не насыщается, чиновник не насыщается налогами’.

На основе модального значения необходимости формируется значение назидательности, присущей пословицам (см. примеры 7, 8),

(7) *Шугум чазаарда, шыгаар,*

Шуугаар бетинде, боданыр [Дарыма, 20].

шугум чаза=ар=да

шыга=ар

шууга=ар

бетинде

линейка

тесать=PF=LOC

метиться=PF болтать=PF

до

бода=н=ыр

думать=RFL=FUT/3Sg

‘Прежде чем изготовить (тесанием) линейку, нужно хорошенько проверить на ровность (материала), прежде чем, болтать, нужно подумать’.

(8) *Далаш чорбас, таваар чоруур.*

Дүрген чорбас, дүүгей чоруур [М, 115].

далаш чор=бас

таваар чору=ур

торопливо ехать=PF/NEG

спокойно

ехать=FUT/3Sg

дүрген чорбас

дүүгей

чоруур

быстро

быть=PF/NEG

спокойно

быть=FUT/3Sg

‘Не нужно быть торопливым, нужно быть спокойным. Не нужно быть вспыльчивым, нужно быть уравновешенным’.

Отрицательной формой на =бас в пословицах выражается принятый нормами общества запрет на те или иные действия (примеры 9, 10) или упрек (пример 11):

(9) *Аът бажы какпас,
Ат багы сүрбес.
Кижен колаа үспес,
Кижси багы сүрбес* [Дарыма, 19].

аът баж=ы как=пас ат баг=ы
 конь голова=POSS/3Sg ударять=PF/NEG и м я
 плохой=POSS/3Sg
 сүр=бес кижен колаа¹ үс=пес кижси
 гнаться=PF/NEG путы ??? рвать=POSS/3Sg
 человек
 баг=ы сүр=бес
 плохой=POSS/3Sg гнаться=FUT/NEG/3Sg
 ‘Нельзя бить коня в голову, нельзя все время упоминать о бесславии человека. Нельзя рвать путы коня, нельзя все время упоминать о слабости человека’.

(10) *Алыксак болбас.
Аржаанын төкпес* [М, 115].

ал=ыкса=к бол=бас аржаан=ы=н
 төк=пес
 братъ=IMP=NOMZ быть=PF/NEG аржаан=POSS/3Sg=ACC
 лить=FUT/NEG/3Sg
 ‘Нельзя быть жадным (до чужого). Нельзя проливать аржаан’.

(11) *Улууун хүндүлээрин билбес.
Бичезин азыраарын билбес* [М, 116].

улу=у=н хүндүлэ=эр=и=н
 большой=POSS/3Sg=ACC уважать=PF=POSS/3Sg=ACC
 бил=бес биче=зи=н
 знать=PF/NEG маленький=POSS/3Sg=ACC
 азыраар=ы=н бил=бес
 ухаживать=POSS/3Sg=ACC знать=FUT/NEG/3Sg
 ‘Не умеет уважать старших. Не умеет ухаживать за младшими’.

¹ Колаа – неизвестное слово, которое встретилось только в данном контексте.

2. **Частушка** (тув. *кожамык*). Характерной особенностью частушек является использование особой формы сказуемого – причастия прошедшего времени в формах поссесива и винительного падежа ($V=ган=POSS/ISg=ACC$), которая ни в каком другом контексте не используется. Нужно заметить, что этот типичный случай в частушках еще не был объектом анализа в тувинском языке. Рассмотрим примеры:

(12) *Кара-ногаан Хаңгай сынын*

Харап көрүп турганымны,

Каш-ла чүстүг дуран-биле

Кайган, танып алганымны [Дарыма, 39].

кара.ногаан Хаңгай сын=ы=н

{хара=п

темно.зеленый Хангай х р е б е т = P O S S / 3 S g = A C C

{смотреть=CV

көр=үп тур=ган=ым=ны} каш=ла

чүс=түг

смотреть=CV AUX=PP=POSS/3Sg=ACC} сколько=PTCL

дуран=биле {кайга=п тан=ып сустав=POSSV

бинокль=INSTR

{смотреть=CV знакомиться=CV

ал=ган=ым=ны}

AUX=PP=POSS/3Sg=ACC}

‘Я смотрел издали на темно-зеленый горный хребет Хангай, при помощи подзорной трубы в несколько сложений его я рассмотрел и запомнил’.

3. **Обрядовый фольклор.** Императив является регулярным специализированным средством выражения внеязыковых смыслов в шаманских текстах (тув. *алгыш*), благословениях и благопожеланиях (тув. *йөрээл*), также проклятиях (тув. *каргыш*) и заклинаниях (тув. *чалбарыг*). В рассматриваемых фольклорных текстах участвуют формы императива 2-го лица ед. и мн. числа в передаче значения совета и наставления в благословениях (пример 13); 3-го лица ед. числа в значении просьбы в заклинаниях (пример 14); 2-го лица мн. числа так же в значении просьбы в шаманских текстах; формы 3-го лица ед. и мн. числа в проклятиях (пример 15), а также формы 1-го лица мн. и двойственного числа в значении призыва в шаманских текстах (пример) (см. подробнее об этом в [Ооржак 2017]).

(13) *Азыраан малын карактап,
Алдай таңдызындан аңнап,
Оран-делегейинге чалбарып,
Омак-хөглүг чурттап чорзун!* (М, 29)

азыра=ан мал=ы=н карак=та=п
алдай
выращивать=PP скот=POSS/3Sg=ACC глаз=LOC=CV
алтай
таңды=зы=н=дан аң=на=п оран.делегей=и=н=ге
тайга=POSS=INFIX=ABL зверь=VBLZ край=POSS=INFIX=DAT
чалбар=ып омак.хөглүг {чуртта=п чор=зун}
просить.милости=CV весело {ж и т ь = C V
AUX=IMP/3Sg}

‘...Пусть выращивает свой скот, Пусть охотится в тайге, Пусть просит милости у земли, Пусть живет счастливо!’.

(14) *Орук-чириим
Оргу-дески болзун!
Кежер хемим
Кежи сыык чытсын!
Ажар артым
Ажык-чаагай турзун!* (МЭ, ӨЧ, 20).

орук.чири=им оргу-дески бол=зун
дорога=POSS/1Sg ровный быть=IMP/3Sg
кеж=ер хем=им кежи=и сыык
переходить=PF река=POSS/1Sg брод=POSS/3Sg мелкий
чыт=сын аж=ар арт=ым
быть=IMP/3Sg перевалить=PF перевал=POSS/1Sg
ажык.чаагай тур=зун
открытый быть=IMP/3Sg

‘Пусть моя дорога будет ровной! Брод реки, через которую я буду переходить, будет мелким! Перевал, который я буду переходить, будет открытым!’

(15) *Чайгы хүндүс аңнавазын,
Чалым үнзе, чуглуп өлзүн!
Көргөн караа хөмүрлензин!
Көшке дашка бастырзынам!* (ОД, ТХА, 107).

чайгы хүндүсәң=на=ва=зын чалым
 летнийднем зверь=VBLZ=NEG=IMP/3Sg скала
 үн=зе чугл=уп өл=зүн
 восходить=IMP/3Sg скатиться=CV умирать=IMP/3Sg
 көр=ген кара=а хөмүр=ле=н=зин
 смотреть=PP глаз=POSS/3Sg уголь=VBLZ=INFIX=IMP/3Sg
 көшке даш=ка бас=тыр=зын=ам
 обвал камень=DAT давить=CAUS=IMP/3Sg=PTCL

‘Пусть летним днем он не охотится, Если он взойдет на скалу, пусть упадет и умрет! Пусть его глаза превратятся в угли! Пусть его раздавит обвалом камней!’

4. Повествовательные жанры фольклора. Отмечается использование глагольной формы на =*n-тыр*, одной из функций которой является выступать специализированным средством пересказывательности, реализуемой в текстах сказок (тув. *тоол*), преданий (тув. *төөгү чугаа*), легенд (тув. *тоолчургу чугаа*) и героических сказаний (см. об этом в [Монгуш 1963: 125–128; Ооржак 2014: 87–95]. Употребление формы на =*n-тыр* «продиктовано и самой спецификой сказок, в которых речь идет о событиях необыкновенных, неправдоподобных, волшебных. Мотивная семантика =*n-тыр* служит и прагматическим целям: значение неожиданного обнаружения создает «эффект присутствия» рассказчика в повествуемых событиях, оно передают живость, красочность речи рассказчика, поддерживает тем самым внимание и интерес слушателя, читателя» [Байыр-оол 2013: 5]. Рассмотрим примеры:

(16) *Шарызының орнунда, инек ышкаш кулактарлыг, Чылбыга кадай олуруп-тур* (АА, 55)

шары=зы=ның орнунда инек ышкаш
 вол=IMP/3Sg=GEN вместо корова как
 кулак=тар=лыг Чылбыга кадай олур=уп-тур
 ухо=PL=POSSV Чылбыга женщина сидеть=PAST/3Sg
 ‘На месте его бычка сидела старуха Чылбыга с ушами, как у коровы’.

(17) *Чоруп олурарга, мал-маганның ис-дажсы көстүп кээп-тир* (ББ, 36)

{чор=уп олур=ар=га} мал.маган=ның ис.даж=ы
 {ехать=CV AUX=PF=DAT} скот=GEN след=POSS/3Sg
 {көст=үп кээ=эп-тир}
 {виднеться=CV AUX=PAST/3Sg}
 ‘Когда он ехал, показались следы (его) скота’.

В текстах сказок широко используются частицы *эвеспе*, *иргин*, *чүвең иргин* и междометное слово *оо*. Частица *эвеспе* ‘смотри’, ‘учти’, ‘запомни’, ‘имей в виду’ [TPC: 603; Монгуш 1989: 125] (‘букв. не так ли’) выступает в сочетании с формой на *=n-тыр*, тем самым, мнению А. В. Байыр-оол, она способствует усилению значения миративной семантики формы на *=n-тыр*. «... с *=n-тыр эвеспе*, как правило, оформляются необычные моменты и явления, активные действия героев, яркие и особенные события, которым, казалось бы, удивляется и сам сказитель: ‘смотрите-ка, вот что произошло, оказывается’, ‘знайте, так вот было, оказывается’. Так «рассказчик еще более притягивает внимание слушающего или читателя, а также поддерживает и мотивирует их интерес» в повествовательном [Байыр-оол 2013: 6].

(18) *Алышкылар-даа чаңгыс аъдынга ушкажып алгаш чоруп-тур эвеспе* (АА, 55).

алышкы=лар=даа чаңгыс аъд=ы=н=га
братья=PL=PTCL один
конь=POSS/3Sg=INFIX=DAT
{ушкаж=ып ал=гаш чор=уп-тур} эвеспе
{сажать.верхом.рядом=CV AUX=CV AUX=PAST/3Sg}
PTCL
‘А братья сели верхом на своего единственного коня, поехали’.

(19) ... *чип-чиге Барыын-башкы чүкче ... чоруп каап-тырлар эвеспе* (БТ, 42).

чип.чиге Барыын башкы чүк=че
прямо Запад начальный сторона=LAT
{чор=уп ка=ап-тыр=лар} эвеспе
{ехать=CV AUX=PAST/3Sg} PTCL
‘(они) направились прямо на начальную западную сторону’.

Пример 19 демонстрирует оформление формой множественного числа показателя *=n-тыр* при множественности субъектов действия.

Исследователи отмечают, что частица *иргин* /*эргин* выполняет пересказывательную функцию, ею привносится оттенок смягчения смысла высказыванию и придается «сказочный колорит» [Монгуш 1998: 135]. Она часто используется часто со словом *чүве* ‘вещь’, ‘предмет’, ‘нечто’ в форме генитива (*чүвең иргин*), сочетается в составе сказуемого с причастиями настоящего-будущего времени на *=р* и прошедшего вре-

мени на =ган.

(20) *Даштыгаар үнгеш көөргө, аг шериг ... диңмиреп чоруп орган иргин* (М, 65).

даштыгаар үн=геш кө=өр=ге
аг
на.улицу выходить=CV смотреть=PF=DAT народ
шериг {диңмире=п чор=уп ор=ган} иргин
армия {греметь=CV AUX=CV AUX=PAST/3Sg} PTCL
'Когда вышел на улицу, посмотрел (и увидел), (что) ... армия двигалась (в их сторону)'.

(21) *... дөнен инек дег кара дашты чууй тырткаш, ... аьттанып турган эр чүвең иргин* (БТ, 45)

дөнен инек дег кара даш=ты
четырёхгодовалый корова как черный камень=ACC
{чу=уй тырт=каш} {аьт=тан=ып тур=ган}
{скатывать=CV AUX=CV} {конь=RFL=CV AUX=PAST}
эр чүвен иргин
мужчина PTCL PTCL
'... свалив, большой черный камень, (величиной) как четырёхгодовалая корова, (богатырь) сел верхом на коня'.

Сочетание форм на =n-тыр и =ган с междометным словом *оо*, как правило, встречается в концовке повествования. М. В. Ондар отмечает, что междометное слово *оо* «произносится с восходящей интонацией и достаточно протяжно, что является сигналом завершения сказки» [Ондар 2022: 239].

(22) *... азыраан малы ораныга сыңмас кылдыр өзүп, чурттап чорууй барып-тыр оо!* (ТТ, 522)

азыра=ан мал=ы оран=ы=н=га
выращивать=PP с к о т = Р О S S / 3 S g
край=POSS/3Sg=INFIX=DAT
сың=мас кылдыр {өз=үп чурт=та=п
помещаться=PF/NEG так {расти=CV
жить=VBLZ=CV
чор=уй бар=ып-тыр} оо
AUX=CV AUX=PAST/3Sg} PTCL

‘... он зажил, что скот его так разросся, что не помещался в его месте проживания’.

(23) *Токтагана кадайның тос оглу улуг чуртун чурттап, улуг малын малчыдып, ... чурттап чоруй барган-дыр-ла оо!* (БТ, 175)

Токтагана кадай=ның тос огл=у
улуг

Токтагана женщина=GEN девять сын=POSS/3Sg
большой

чурт=у=н чурт=та=п улуг
страна=POSS/3Sg=ACC страна=VBLZ=CV большой

мал=ы=н мал=чыд=ып {чурт=та=п

скот=POSS/3Sg=ACC скот=VBLZ=CV {страна=VBLZ=CV

чор=уй бар=ган-дыр=ла} оо

AUX=CV AUX=PAST=PTCL=PTCL} PTCL

‘Девять сыновей женщины Токтагана зажили в своем краю, ухаживая за своим многочисленным скотом’.

Заключение

Коммуникативные задачи различных жанров фольклорных произведений предполагают использование определенных грамматических форм – маркеров (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Морфологические средства, актуальные в жанрах тувинского фольклора.

Жанры тувинского фольклора	Морфологические средств
1. Пословицы (<i>үлегер до-мактар</i>)	1) императив 2 лица ед. числа; 2) настоящее-будущее время на =р/=бас
2. Частушки (<i>кожамыктар</i>)	причастие прошедшего времени на =ган + поссесив + винительный падеж.
3. Обрядовый фольклор	
- благословение (<i>йөрээл</i>)	императив 2-го лица ед. и мн. числа;
- заклинания (чалбарыг)	императив 3-го лица ед. числа в значении просьбы
- шаманские тексты (<i>алгыш</i>)	императив 2-го лица мн. числа
- проклятия (<i>каргыш</i>)	императив 3-го лица ед. и мн. числа

4. Повествовательные жанры фольклора	прошедшее время на =п-тыр
--------------------------------------	---------------------------

В тувинских пословицах используется императив 2 лица ед. числа и форма настоящего-будущего времени на =*p* / =*бас*, передающая ту или иную житейскую мудрость как результат жизненного опыта, актуальный всегда вне зависимости от времени. Маркером для частушек является использование совершенно особой формы, которая ни в каком другом тувинском жанре больше не используется – форма причастия прошедшего времени в поссесиве и винительном падеже. В обрядовом фольклоре находят широкое функционирование императивные формы, выступающие в функции оптата: в 3-м лице при передаче значений благопожеланий, заклинаний и проклятиях; во 2-м лице ед. и мн. ч. в значении просьбы в благословениях и шаманских текстах. В повествовательных жанрах фольклора отмечается регулярное употребление глагольной формы на =*n-тыр*, одной из функций которой является выступать специализированным средством пересказывательности.

Язык и специфика произведений устного народного творчества представляет собой сложную и специфическую в своей организации языковую систему. Она существует и функционирует как особая подсистема, которая обогащает и питает своим внутренним содержанием общую грамматическую систему тувинского языка. Проведенное исследование имеет характер постановки вопроса изучения грамматических особенностей тувинских фольклорных текстов, является первой попыткой рассмотрения фольклорных текстов под таким углом рассмотрения и предполагает дальнейшую работу в данном направлении.

Список условных сокращений

ACC – аккузатив; AUX – вспомогательный глагол; CAUZ – каузативный залог; CV – деепричастие; DAT – датив; GEN – генетив; IMP – императив; INFIX – инфикс; FUT – настоящее-будущее время; LOC – местный падеж; NEG – отрицание; NOM – номинатив; PL – множественное число; POSS – поссесив; POSSV – форма обладания; PRTCL – частица; PRON – местоимение; PF – причастие будущего времени; PP – причастие прошедшего времени; PTCL – частица; RECIP – совместно-взаимный залог; RFL – возвратный залог; Sg – ед. число; VBLZ – вербализатор; 2, 3 – лицо; Ø – “нулевая форма”.

Источники:

Дарыма – Народный ученый – Ондар Дарыма. Новосибирск, 2004. – 232 с.

М – Матпаадыр. Кызыл: Тыв. ном үндүрер чери. 1991. 270 с.

Литература:

1. Байыр-оол 2013 – Байыр-оол А. В. Семантика форм =п-тыр и =п-тыр эвеспе в фольклорных текстах тувинского языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. - № 2 (25). Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2013. С. 4 - 7.
2. Гребнев 1960 – Гребнев Л. В. Тувинский героический эпос: опыт историко-этнографического анализа. М.: Восточная литература, 1960. 145 с.
3. Донгак 2010 – Донгак А. С. Индо-тибето-монгольская «обрамленная повесть» в тувинской сказочной традиции. Абакан, 2010. 178 с.
4. Калзан 1964 – Калзан А. К. Тыва литератураның укталган дөстери // Тыва литература: допчу төөгүзү. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. Ар. 7 – 30.
5. Куулар 1976 – Куулар Д. С. Тоолдар // Тыва улустуң аас чогаалы. Кызыл, 1976. С. 44 – 65.
6. Кыргыс 1992 – Кыргыс З. К. Песенная культура тувинского народа. Кызыл, 1992. 142 с.
7. Кыргыс 1997 – Кыргыс З. К. О тувинских эпических напевах // Тувинские героические сказания (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего) / Сост. С.М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, 1997. С. 39 – 51.
8. Монгуш 1963 – Монгуш Д. А. Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке. Кызыл, 1963. 168 с.
9. Монгуш 1989 – Монгуш Д. А. О сказуемых тувинского языка, выражающих модальное значение достоверности // Предложение в языках Сибири (Сборник научных трудов). Новосибирск, 1989. С. 19 – 35.
10. Монгуш 1998 – Монгуш Д. А. Частицы как компонент аналитических сказуемых // Языки коренных народов Сибири. Вып. 4. Новосибирск, 1998. С. 122 – 152.
11. Ондар 2016 – Ондар В. С. Отражение категории пространства в тувинском языке (на материале героического эпоса «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 2 (56). С. 129 – 134. EDN: VJUIZV
12. Ондар 2022 – Ондар М. В. Особенности языка тувинских героических сказаний (в сопоставительном аспекте). Абакан: Журналист, 2022. 320 с.
13. Ооржак 2014 – Ооржак Б.Ч. Временная система тувинского языка. М.: Языки славянской культуры, 2014. 184 с. ISBN: 978-5-94456-212-7 EDN: UDIHER
14. Ооржак 2017 – Ооржак Б.Ч. Императив в обрядовой поэзии тувинцев // Филология и культура. Philology and Culture. Казань. №4 (50), 2017. С. 45 – 51.
15. Орус-оол 1987 – Орус-оол С. М. Поэтика тувинского героического эпоса. Кызыл: Тувинское книжн. издательство, 1987. 25 с.

16. Орус-оол 2001 – Орус-оол С. М. Тувинские героические сказания (текстология, поэтика, стиль). М.: Макс Пресс, 2001. 422 с. EDN: QDPWDF
17. Орус-оол 2010 – Орус-оол С. М. Жанры тувинского фольклора // Историческая энциклопедия Сибири. Т. III. Новосибирск, 2010. С. 311.
18. Самдан 2001 – Самдан З. Б. Лики тувинской словесности. I. За фольклорным жемчугом. Кызыл: Республиканская типография, 2001. 114 с.
19. Самдан 2016 – Самдан З. Б. Миф в фольклорной традиции тувинцев. Новосибирск: Наука, 2016. 178 с.
20. Татаринцев 2009 – Татаринцев Б. И. О некоторых группах монголизмов в языке тувинского фольклора (на материале сказок и героических сказаний) // Избранные научные труды. Научное издание. Кызыл: ГУП РТ «Тываполиграф», 2009. С. 68 – 82.
21. ТРС - Тувинско-русский словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1968. 646 с.
22. Хертек Лид. 2015а – Хертек Л. К. К вопросу о лингвистическом анализе эпических текстов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. I. С. 188 – 190.
23. Хертек Лид. 2015б – Хертек Л. К. Концепт «мать» в тувинских героических сказаниях // Мир науки, культуры, образования. ГорноАлтайск, 2015. - № 6 (55). С. 341 – 345.
24. Хертек Лид. 2017 – Хертек Л. К. Своеобразие эпической синонимии (на материале тувинских героических сказаний) // Филологические науки, вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 1(67): в 2-х ч. ч. I. С. 49 – 52.
25. Хертек Лид. 2018а – Хертек Л. К. Функционирование сравнений в текстах тувинских героических сказаний // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. Кызыл, 2018. №1. С. 43 – 48.
26. Хертек Лид. 2018б – Хертек Л. К. Концепт «пространство» в эпической картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. 6(84). Ч. 2. С. 402 – 407.
27. Хертек Люб. 2017 – Хертек Л. К. Иппонимы в тувинских героических сказаниях // Народы Евразии: история, культура, языки. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. - Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2017. С. 300 – 308.
28. Шамина 2013 – Шамина Л. А. Аналитические конструкции тувинского языка в записях фольклорных текстов раннего периода // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2013. № 2 (25). С. 61 – 71. EDN: UBOTFZ

References:

1. Bayyr-ool, A. V. (2013), “Semantics of the forms =p-tyr and =p-tyr evespe in folklore texts of the Tuvan language”, Languages and folklore of the indigenous peoples of Siberia”, no. 2 (25), Novosibirsk: Institute of Philology SB RAS, pp. 4–7. (In Russ.).
2. Grebnev, L.V. (1960), “Tuvinskii geroicheskii ehpos: opyt istoriko-

- ethnograficheskogo analiza" [Tuvan heroic epic: an attempt at historical and ethnographic analysis], M.: Eastern Literature, 145 p. (In Russ.).
3. Dongak, A.S. (2010), "Indo-tibeto-mongol'skaya "obramlennaya povest" v tuvinskoi skazochnoi traditsii" [Indo-Tibetan-Mongolian "framed story" in the tuvan fairy tale tradition], Abakan, 178 p. (In Russ.).
4. Kalzan, A.K. (1964), "Tyva literature uktalghan dosteri" Tyva literature: additional text, Kyzyl: Tyvanyn nom undurer cheri, pp. 7–30. (In Russ.).
5. Kuular, D. S. (1976), "Tooldar" Tyva ulustun aas chogaaly, Kyzyl, pp. 44–65. (In Tuv.).
6. Kyrgys, Z.K. (1992), "Pesennaya kul'tura tuvinskogo naroda" [Song culture of the Tuvan people], Kyzyl, 142 p. (In Tuv.).
7. Kyrgys, Z.K. (1997), "About Tuvan epic tunes", S.M. Orus-ool (Comp.), "Tuvinskie geroicheskie skazaniya" (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego), [Tuvan heroic tales (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East)], Novosibirsk: Science, pp. 39–51. (In Russ.).
8. Mongush, D.A. (1963), "Formy proshedshego vremeni iz'yavitel'nogo nakloneniya v tuvinskom yazyke" [Forms of the past tense of the indicative mood in the Tuvan language], Kyzyl, 168 p. (In Russ.).
9. Mongush, D.A. (1989), "On predicates of the Tuvan language expressing the modal meaning of reliability" Sentence in the languages of Siberia (Collection of scientific papers), Novosibirsk, pp. 19–35. (In Russ.).
10. Mongush, D.A. (1998), "Particles as a component of analytical predicates" Languages of the indigenous peoples of Siberia, Issue 4. Novosibirsk, pp. 122–152. (In Russ.).
11. Ondar, V.S. (2016), "Reflection of the category of space in the tuvan language (based on the heroic epic "Boktug-Kirish, Bora-Sheeley")" Philological sciences. Theoretical and practical issues, Tambov: Gramota, no. 2 (56), pp. 129–134. (In Russ.).
12. Ondar, M.V. (2022), "Osobennosti yazyka tuvinskikh geroicheskikh skazanii (v sopostavitel'nom aspekte)" [Features of the language of Tuvan heroic tales (in a comparative aspect)], Abakan: Journalist, 320 p. (In Russ.).
13. Oorzhak, B.Ch. (2014), "Vremennaya sistema tuvinskogo yazyka" [Temporal system of the Tuvan language], M.: Languages of Slavic Culture, 184 p. (In Russ.).
14. Oorzhak, B.Ch. (2017), "Imperative in the ritual poetry of tuvans" Philology and culture", Kazan, no. 4 (50), pp. 45–51. (In Russ.).
15. Orus-ool, S.M. (1987), "Poehtika tuvinskogo geroicheskogo ehposa [Poetics of the Tuvan heroic epic], Kyzyl: Tuvan book, publishing house, 25 p. (In Russ.).
16. Orus-ool, S.M. (2001), "Tuvinskie geroicheskie skazaniya (tekstologiya, poehtika, stil)" [Tuvan heroic tales (textual criticism, poetics, style], M.: Max Press, 422 p. (In Russ.).
17. Orus-ool, S.M. (2010), "Genres of Tuvan folklore" Historical Encyclopedia of Siberia, Vol. III, Novosibirsk, 311 p. (In Russ.).
18. Samdan, Z.B. (2001), "Likhi tuvinskoi slovesnosti. I. Za fol'klornym zhemchugom"

[Faces of Tuvan Literature. I. Behind the Folklore Pearls], Kyzyl: Republican Printing House, 114 p. (In Russ.).

19. Samdan, Z.B. (2016), "Mif v fol'klornoi traditsii tuvintsev" [Myth in the folklore tradition of the Tuvans], Novosibirsk: Nauka, 178 p. (In Russ.).

20. Tatarintsev, B. I. (2009), "On some groups of Mongolisms in the language of Tuvan folklore (based on fairy tales and heroic tales)" Selected scientific works. Scientific publication, Kyzyl: State Unitary Enterprise of the Republic of Tatarstan "Tyvapoligraf", pp. 68–82. (In Russ.).

21. Tuvinsko-russkii slovar' [Tuvan-Russian dictionary], M.: Sov. encyclopedia, 1968, 646 p. (In Russ.).

22. Khertek, L.K. (2015a), "On the linguistic analysis of epic texts" Philological sciences. Theoretical and practical issues, Tambov: Gramota, no. 12(54): in 4 parts, Part I, pp. 188–190. (In Russ.).

23. Khertek, L.K. (2015b), "The concept of "mother" in Tuvan heroic tales" The world of science, culture, education, Gorno-Altai, no. 6 (55), pp. 341–345. (In Russ.).

24. Khertek, L.K. (2017), "The Peculiarities of Epic Synonymy (Based on Tuvan Heroic Tales)" Philological Sciences, Theory and Practice, Tambov: Gramota, no. 1(67): in 2 parts, Part 1, pp 49–52.

25. Khertek, L.K. (2018), "Functioning of comparisons in the texts of Tuvan heroic tales" Bulletin of the Tuvan State University. Social and humanitarian sciences, Kyzyl, no. 1, pp. 43–48. (In Russ.).

26. Khertek, L.K. (2018), "The concept of "space" in the epic picture of the world" Philological sciences. Questions of theory and practice, Tambov: Gramota, no. 6 (84), Part 2, pp. 402–407. (In Russ.).

27. Khertek, L.K. (2017), "Hippoonyms in Tuvan heroic tales" Peoples of Eurasia: history, culture, languages. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Gorno-Altai: Gorno-Altai printing house, pp. 300–308. (In Russ.).

28. Shamina, L.A. (2013), "Analytical constructions of the Tuvan language in the records of folklore texts of the early period" Languages and folklore of the indigenous peoples of Siberia, no. 2 (25), pp. 61–71. (In Russ.).

Информация об авторе:

Ооржак Байлак Чаш-ооловна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва; 667000, Россия, Республика Тыва, Кызыл, ул. Кочетова, 4, e-mail: oorzhak.baylak@mail.ru РИНЦ AuthorID 636936, ORCID 0000-0001-8373-9107

Information about autor:

Oorzhak Baylak Chash-oolovna, Dr. of Sci. (Philology), Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of

*the Republic of Tuva; 667000, 4 Kochetov St., Kyzyl, the Republic of Tuva, e-mail:
oorzhak.baylak@mail.ru
ORCID 0000-0001-8373-9107*

© Ооржак Б. Ч., 2025

Научная статья

УДК: 81' 811.512.156

ФОЛЬКЛОР КАК ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Эллада К. Анна́й

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, кандидат филологических наук, Кызыл, Россия, eannaj@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются метафорические экспрессивы² как единицы экспрессивного лексического фонда тувинского языка. Представляются наблюдения в сфере экспрессивной лексики, образованные семантической деривацией. Известно, что язык стремится к экономии средств, поэтому функцию экспрессивной номинации в тувинском языке часто выполняет метафора, а фольклор является одним из источников пополнения экспрессивной лексики.

Многие персонажи мифов, сказок и героических эпосов, мифические существа из шаманских песнопений (алгышей) часто выступают для характеристики человека. Они не имеют формальных признаков и лексических показателей экспрессивности, но их экспрессивный потенциал интуитивно осознается носителями языка. Образ как часть коннотативного значения диктует положительную или отрицательную оценку. Метафорические переносные значения являются универсальными средствами выражения эмоционального отношения и социальных оценок говорящего к предмету речи.

В статье приводятся примеры, демонстрирующие процесс появления у слова семантически производных значений, процесс расширения семантического объёма слова, делается разбор и сравнение значе-

²Термин метафорический экспрессив впервые в научный оборот ввела Н. А. Лукьянова в работе «Экспрессивная лексика разговорного употребления русского языка» [1986: 100].

ний.

Анализ показал, что некоторые основы лексем способны быть продуктивными, образуя новые слова и словосочетания в современном тувинском языке и активно употребляются в живой речи. Употребление приводимых экспрессивных слов не всегда зависит от пола мифического существа, от названия которого они произошли. Таким образом, фольклор является богатым источником экспрессивной лексики, который демонстрирует выразительность тувинского языка.

Ключевые слова: экспрессивная лексика, фольклор, миф, героический эпос, сказка, алгыш, метафоризация, семантическая деривация, образ, метафорические экспрессивы, тувинский язык.

Для цитирования: Аннай Э. К. Фольклор как источник пополнения экспрессивной лексики в тувинском языке // Азиатские исследования: история и современность. 2025. № 1(13). С. 27–42. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-1-13-27-42

FOLKLORE AS A SOURCE OF REPLENISHMENT OF EXPRESSIVE VOCABULARY IN THE TUVAN LANGUAGE

Ellada K. Annai

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia, eannaj@mail.ru

Abstract: This article explores metaphorical expressions as part of the expressive lexicon in Tuvan. It examines how semantic derivation contributes to the expressive vocabulary. Language naturally economizes, often relying on metaphor for expressive naming. Myths, fairy tales, heroic epics, and shamanic chants (algysh), are significant source of expressive vocabulary in Tuvan. Characters and mythical creatures from these sources are frequently used to describe people. While these expressions lack explicit markers of expressivity, native speakers intuitively recognize their expressive potential. The imagery embedded in these connotative meanings can convey positive or negative assessments. Metaphorical expressions serve as versatile tools for expressing emotional attitudes and social judgments.

The article provides examples illustrating how words acquire new meanings through semantic derivation, expand their semantic scope, and are analyzed and compared. The analysis reveals that certain lexical bases are productive, generating new words and phrases in contemporary Tuvan and being actively used in everyday speech. Interestingly, the gender of the

mythical creature from which these expressive words originate does not always determine their usage. Folklore thus emerges as a rich reservoir of expressive vocabulary, highlighting the expressiveness of the Tuvan language.

Keywords: expressive vocabulary, folklore, myth, heroic epic, fairy tale, *algysh*, metaphorization, semantic derivation, image, metaphorical expressions, Tuvan language.

For citation: Annai, E. K. (2025) "Folklore as a Source of Replenishment of Expressive Vocabulary in the Tuvan Language" // *Asian Studies: History and Modernity*, no. 1(13), p. 27–42. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-1-13-27-42

Введение

В языке отражается не только окружающий мир, но и сам человек. Экспрессивы являются яркими образными средствами, передающими языковую картину мира того или иного народа. Фольклор является одним из источников пополнения экспрессивной лексики в тувинском языке. Многие персонажи мифов, сказок и героических эпосов, мифические существа из шаманских песнопений (*алгышей*) часто выступают для характеристики человека. В языке это происходит посредством семантической деривации – это процесс появления у слова семантически производных значений, процесс расширения семантического объема слова. В статье демонстрируются примеры семантической деривации – метафорические экспрессивы – как результат метафоризации.

Как считают исследователи, основой языковой метафорической универсальности являются, «во-первых, единые биологические и психологические характеристики людей, говорящих на разных языках; во-вторых, единство функции разных языков – быть средством вербальной коммуникации (через метафоризацию осуществляется вербализация даже несуществующих явлений); в-третьих, единство когнитивных механизмов людей, творящих метафоры; в-четвертых, единство самого механизма метафорообразования» [Лагута, 2003, с. 11]. Метафора всегда считается «самым продуктивным способом создания экспрессивности слов и выражений» [Телия, 1991, с. 12], поскольку с помощью него происходит ассоциативно-образное переосмысление значений.

Применительно к тюркским языкам данный вопрос рассматривался в работах Б. И. Татаринцева [1987], К. Непесова [1981], С. К. Сансымбаевой [2000], О. Ю. Кокошниковой [2004], Е. В. Тюнтешевой [2006] и мн. др. В тувинском языке метафоризация в многозначном

слове рассмотрена в работе Б. И. Татаринцева «Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке» [1987], который считает, что смысловые характеристики слов в плане синхронии и диахронии заметно различаются. Следовательно, появление переносного лексико-семантического варианта (ЛСВ) в слове в определенный промежуток времени может отличаться от предыдущего толкования, понимания. Целью статьи является описание метафорических экспрессивов в тувинской разговорной речи как результата метафоризации названий мифических образов тувинского фольклора. Материал для анализа извлечен из текстов тувинской художественной литературы, наблюдений за речью носителей тувинского языка и словарей тувинского языка. В исследовании применялись методы описания, компонентного анализа.

Метафорические экспрессивы в тувинской речи

В своем прямом значении наименования мифических существ используются в мифах, сказках, героических эпосах и шаманских песнопениях, а в качестве экспрессивных слов они употребляются преимущественно в разговорной речи.

Экспрессивное значение образовалось путем метафорического переноса наименования мифического существа на человека с целью выразить отношение говорящего к этому человеку, его действиям, дать им оценку. В семантике этих слов стоит определенный образ, который содержит зачастую отрицательную оценку.

Под метафорическими экспрессивами мы понимаем лексемы с экспрессивным значением, образованные семантической деривацией на основе метафорического переноса, служащие для передачи эмоций, чувств-отношений, оценок говорящих о лицах, предметах и явлениях. Они не имеют формальных признаков и лексических показателей экспрессивности, но их экспрессивный потенциал интуитивно осознается носителями языка. Метафорические переносные значения являются универсальными средствами выражения социальных оценок и эмоционального отношения говорящего к предмету речи в тувинском языке. Рассмотрим схему метафоризации **мифическое существо** → **человек**, относящий к персонажам фольклора.

1. *Маңгыс* ‘мангуст, вампир, чудовище’ → ‘дармояд, туня-дец’ = N^{Qual}. В тувинско-русском словаре лексема *маңгыс* в прямом значении идёт с пометой *миф*. 1) ‘мангуст, вампир, чудовище’, во втором и третьем значениях отражаются переносные значения как: 2) об-

(1) [Ол үнүп келген улустуң аразында] хавааның ортузунда кара чаңгыс карактыг Дас-Маңгыс база үнүп келген болуп-тур (Б.Ш.А.Б., 158).

Дас-Маңгыс база үн=үп кел=ген

Дас-Маңгыс тоже выходить=CV₁ идти=PASt₂

БЫТЬ=PAST₃

‘[Среди этих вышедших людей] оказалось, что вышел также Дас-Мангыс с одним глазом посередине лба.’

Лексема мангыс активно бытует в разных значениях в современном тувинском языке, о чём свидетельствуют ниже примеры. В переносном значении ‘паразит’ встречается в художественных произведениях, описывающих времена феодальной Тувы:

(2) [Адак сөөлүндө, бо-ла бай шинээлиг] ызыгууртан дүжүмет маңгыстар коргар, далдараар чүвө чок орлан-кайгал эрлерге аъдын мундурупкан... (С.С.А.д., 13).

ызыгуур=тан дүжүмет=Ø маңгыс=тар корг=ар
далдара=ар

родословный=ABL правитель=NOM паразит=PL боять-
ся=PrP скучать=PrP

чүве чок орлан-кайгал эр=лер=ге

вещь=NOM нет бойкий-удалой мужчина=PL=DAT

[illegible]

лошадь=POSS/3Sg=ACC

сесть_{верхом}=CAUS=CV₁=PAST/3SG

‘[В конце-то концов], паразиты дужуметы (правители) боятся людей из более богатых семей, поэтому они, сразу не лентясь, дали своего коня молодцам.’

В разговорной речи употребляется в качестве оскорбительного слова по отношению к ленивому, прожорливому человеку (3), встречается в речи бабушек, когда хотят усмирить внуков (4):

(3) *Кылып билир чүвең бар эвес, маңгыс!* (И-1)

	кыл=ыт	бил=ир	чүве=ң	б а р
эвес	маңгыс=Ø			
	делать=CV ₁	знать=PrP	вещь=POSS/2Sg	е с т ь
не	дармод=НОМ			

‘Да что ты умеешь, дармод!’

(4) *Кара даг артында чаңгыс карактыг маңгыс бар чүве дээни кай* (И-1).

кара	даг	артында	чаңгыс	к а -
рак=тыг				
черный	гора	сзади	одна	глаз=POSSV
маңгыс=Ø		бар	чүве	дэ=ЭН=и
кай				
чудовище=НОМ	есть	в е щ ь =	Н О М	
сказать=PP=POSS/3Sg	PTCL			

‘Говорят, за черной горой живет одноглазое чудовище.’

2. *Албыс* ‘степная дева; ведьма’ → ‘плохой человек’ = N^{Qual}. Лексема *албыс* в прямом значении в тувинско-русском словаре идёт с пометой *миф*. ‘албыс, степная дева; ведьма’ [TPC, 1968, с. 53], ее переносное номинативное значение в словаре не отмечается. Также в словаре приводятся производные слова от данной лексики: *албыстыг* ‘1) одержимый, сумасшедший’; *албыстаар* ‘1) сходиться с ума, 2) перен. неистовствовать, бесноваться’ [TPC, 1968, с. 53], что говорит о способности лексики *албыс* быть продуктивной основой и находится в активном словарном запасе у тувинцев. Рассмотрим примеры:

(5) *Албыс, Шулбус хаанның аалынга баар эвес бис бе?* (из героич. эпоса)

албыс=Ø	Шулбус=Ø	хаан=ның
аал=ы=н=га		
ведьма=НОМ	дьявол=НОМ	хан=GEN
юрта=POSS/3Sg=DAT		
ба=ар	эвес	бис
		бе

идти=PrP не мы что ли

‘А пойдем мы к дому ведьмы и дьявола.’

(6) *Албыстарның ажыг кара суунче, шулбустарның калчаа хоран суксунунче кара бажың чүге суктуң?* (МК-Л, Алг, 127)

албыс=тар=ның ажыг кара су=ун=че
ведьма=PL=GEN горький черный в о -

да=POSS/3Sg=LAT

шулбус=тар=ның калчаа хоран суксун=ун=че
дьявол=PL=GEN бешеный ядовитый н а п и -

ток=POSS/3Sg=LAT

кара баж=ың=Ø чүге

сук=ту=н

черный голова=POSS/2Sg=ACC н о ч е м у

совать=PAST₁=POSS/2Sg

‘Почему сунул свою голову в омут степных дев и в дурное питье дьяволов?’

В переносном значении в экспрессивной функции с отрицательной оценкой встречается в разговорной речи применительно к женщине, когда ей свойственны злые повадки, чаще в ссоре между женщинами.

(7) *Анаа олур сен, албыс!* (И-1)

анаа ол=ур сен албыс=Ø
нормально сидеть=PrP ты ведьма=NOM

‘Ты сиди тихо, ведьма!’

3. *Шулбус* ‘дьявол’ → ‘плохой, неуравновешенный человек’ = N^{Qual}. В прямом значении обычно встречается в сочетании со словом *албыс*:

(8) *Албыс-шулбус ораныга четкеш келдим, киргеиш келдим* (МК-Л, Алг, 120).

албыс-шулбус оран=ын=га чет=кеш
ведьма-дьявол= NOM мир=POSS/3Sg=DATидти=CV₃
кел=ди=м кир=геш к е л = -

ди=м

приходить=PAST₁=POSS/1Sg входить=CV₃

приходить=PAST₁=POSS/1Sg

‘Я заходил и был в стране ведьм и дьяволов.’

В переносном значении употребляется в разговорной речи, когда

поведение человека не соответствует норме:

(9) *Хей, шулбус, аскың тырт чүү деп орарың ол?* (И-2)

хей шулбус аск=ың тырт=Ø

чүү=Ø

INTJ дьявол=NOM рот=POSS/2Sg у д е р ж и -
вать=IMP/2Sg вещь=NOM

де=n ор=ар=ың ол

сказать=CV₁ сидеть=PrP=POSS/2Sg PTCL

‘Эй, дьявол, следи за языком, что это ты говоришь?’

4. *Чылбыга* ‘чудовище, оборотень’, ‘ведьма, баба-яга’ → ‘ведьма’ = N^{Qual}. В тувинско-русском словаре лексема *чылбыга* в прямом значении идёт с пометой *фольк*. ‘чудовище; оборотень; *чылбыга кадай* ведьма, баба-яга [TPC, 1968, с. 555], переносное номинативное значение в словаре не отмечается.

(10) *Чылбыга көөрдө, бизи-биле хап, көрбесте, арты-биле хап туруп-тур эвеспе* (А.М., 163).

чылбыга кө=өр=де биз=и-биле

ха=п

чылбыга смотреть=PrP=LOC л е з в и -

е=POSS/3Sg-PTCL бить=CV₁

көр=бес=те арт=ы-биле

смотреть=NEG=LOC задняя часть=POSS/3Sg-PTCL

ха=п тур=уп-тур эвеспе

бить=CV₁ стоять=PAST₃ PTCL

‘Когда Чылбыга видела он бил задней стороной топора, когда не видела бил лезвием, оказывается.’

В разговорной речи встречается как персонаж из сказки, с помощью которого родители пугают детей, когда они ночью не засыпают:

(11) *Удувас болзуңза, даг артында чылбыга сени атаар, оон уруу кылып алыр* (И-1).

уду=вас бол=зу=нза даг=Ø

артында

спать= NEG/CV статья= POSS/2Sg=COND гора=NOM

позади

чылбыга=Ø сени апа=ар оон

чудовище=NOM тебя забрать=PrP потом

‘Не прикасайся к моей одежде, ведьма!’

(16) *Иштин кижиргенмес бук сен бе?* (К.-Э. К. Ч. ч. I)

иш=тинц кижир=ген=мес
 бук сен бе
 живот=GEN бояться щекотки=PP= NEG/CV
 бес ты что ли
 ‘Разве ты не боишься щекотки, бес?’

6. *Аза* ‘злой дух, сатана, черт’ → ‘плохой/хороший человек’ = N^{Qual}. Часто употребляется в сочетании *аза-бук* и *аза-четкер*, выражая собирательное, обобщающее значение ‘черти, бесы’ (17). В переносном значении употребляется в отрицательном контексте и выступает ближе к своему прямому значению, когда характеризуют человека, сравнивая его с мифическим существом (18 – 20):

(17) *Азаларым! Четкелерим! Арай-ла бээр, шала-ла бээр* (МК-Л, Алг, 121)

аза=лар=ым *четкер*=лер=им *арай-ла*
 черт=PL=POSS/1Sg з л о й д у х = P L = P O S S / 1 S g
 немножко-PTCL

бээр шала-ла бээр
 сюда чуть-чуть сюда
 ‘Мои черти! Мои бесы! Прошу вас ко мне явиться и еще ближе приходите.’

(18) *Каяа тояат чордуң, черлик аза?* (И-2)

каяа тояа=п чор=ду=ң черлик
аза=∅
 где бродить=CV₁ *идти*= PAST₁= POSS/2Sg дикий
 черт=NOM

‘Где ты шлялся, черт поганый?’

(19) *Алдын-оол дээр аза-биле чордуң бе, эшти?* (СМ, АБ, 60)

Алдын-оол дэ=эр *аза-биле* чор=ду=ң
Алдын-оол сказать=PrP ч е р т - N I n s t r
 быть=PAST₁=POSS/2Sg

бе эшти
 что ли негодница
 ‘С этим чёртом Алдын-оолом была, негодница?’

(20) *Мээң караамга көзүлбес, черликишээн кара аза бо ышкажыл сен!* (СС, АД, 61)

мээң кара=ам=га көзүл=бес
 черликишээн

мой глаз=POSS/1Sg=DAT показывать=NEG о д и ч а -
 лый
 ара аза бо ышкажыл сен
 черный чёрт этот ведь ты
 ‘Ах вот ты где, одичавший чёрный чёрт, что не попался мне на
 глаза!’

В примере (20) адресата речи называют одичавшим чёрным чёртом из-за того, что, видимо, он был неуловимым, нельзя было его застать в нужное время. Он подобен чёрту, который скитается, где хочет и сколько хочет: чёрт, как существо подземного мира, не подчиняется людям.

Лексема может иметь положительное значение, когда характеризуют человека с хорошей стороны, имея в виду его везучесть и ловкость в каком-то деле (ср. мастер своего дела):

(21) *Солаңгы шыдыраа ойнап каап турда ана аза дшин моң* (И-2).

Солаңгы=Ø шыдыраа=Ø ойна=п ка=ап
 тур=да
Солаңгы=NOM шахмат=ACC и з р а т ь = C V₁
стать=CV₁ стоять=LOC
 ана аза дшин моң
 PTCL черт PTCL PTCL
 ‘Оказывается, Солангы ну просто чертовка в шахматах.’

7. *Дширең* ‘демон, бес, злой дух’ → ‘плохой/хороший человек’=N^{Qual}. Употребляется преимущественно как о реальном существе в нейтральном значении в сфере шаманизма, где большинство людей верит в неземные миры и неземных духов:

(22) *Сай черге дширеңнер чоруур чүве дээн деп хамнар аразында чугаалажыр болгай* (И-1).

сай чер=ге *дширең*=нер чору=ур
 чүве дэ=эн
 камень=NOM земля=DAT демон=PL идти=PrP
 вещь сказать=PP
де=n хам=нар аразында чугаала=ж=ыр
 бол=гай
сказать=CV₁ шаман=PL среди говорить=REC=PrP
 быть=OPT

‘Шаманы между собой говорят, что в местах, где много камней,

водятся всякого рода духи.’

(23) *Канчап барган уйгу-чыдынның чидирген кижси сен, дииреңге алыскан боор сен (И-1).*

канча=п бар=ган уйгу-чыдын=ын
чидир=ген кижси=Ø
что делать=CV₁ идти=PP сон-покой= POSS/2Sg поте-
рять=PP человек=NOM
сен диирең=ге ал=ыс=кан бо=ор
сен
ты демон=DAT брать=CAUS=PP быть=PrP
ты

‘Что это ты потерял свой сон и покой, может, в тебя вселился демон.’

В значении ‘плохой человек’ лексема диирең употребляется, когда обзывают или ругают человека, сравнивая его поведение с мифическим существом-дьяволом, который может превращаться и менять свое поведение:

(24) *Каям, аскың чыттап көрейн, диирең! (И-1)*

каям аск=ың чытта=п көр=ейн
диирең=Ø
ну-ка рот=POSS/2Sg нюхать=CV₁
смотреть=OPT/1Sg демон= NOM

‘Нука дыхни на меня, демон (плохой человек)!’

(25) *Езулуг кижси эвес, ана диирең аа! – деп, адазы алгырды (И-2).*

езулуг кижси=Ø эвес ана диирең=Ø
аа
настоящий человек=NOM не PTCL злой дух=NOM
INTJ
де=п ада=зы алгыр=ды
сказать=CV₁ отец=POSS/3Sg к р и -
чать=PAST₁/3Sg

‘Ну прямо не человек, злой дух (плохой человек)! – сказав, отец крикнул.’

(26) *Чер кулактыг диирең боор мен, даңны атсы чаалаштыңар аа, уруглар? (КК, УХ, 45)*

чер=Ø кулак=тыг диирең=Ø бо=ор м е н
даң=ны

земля=NOM ухо=POSSV бес= NOM статья= PrP я
 утро=DAT
 ат=сы чаала=ш=ты=нар а а
 уруг=лар
 наступать=REC воевать=REC=PAST₁=POSS/2PL I N T J
 девочка=PL
 ‘Я, ведь, такой слухач, вы аж до самого утра спорили, а, девчата?
 (шутливо, с упреком).’

Заключение

Таким образом, в результате метафорического переноса наименований мифических существ, персонажей фольклорных произведений на человека выражается образное, оценочное значение, проявляющееся в экспрессивных лексемах. Некоторые основы способны быть продуктивными, на базе которых образуются новые слова и словосочетания.

Особенность гендерного употребления приводимых экспрессивных слов не всегда зависит от пола мифического существа, от названия которого они произошли. Так, в мифах *чылбыга* является только женским персонажем и в качестве экспрессивного слова может характеризовать только женщину. А все остальные лексемы – *албыс, аза, бук, дишрең, четкер, шулбус, маңгыс* – употребляющиеся в своих прямых значениях по отношению к существам как мужского, так и женского пола, однако в качестве экспрессивных слов их использование закрепилось применительно к мужчинам.

Семантические дериваты от мифических существ в своем первоначальном значении очень часто употребляются в сочетании друг с другом (*аза-четкер; аза-бук; албыс-шулбус* и др.), но в качестве экспрессивных слов они встречаются только по отдельности. Рассмотренные лексемы встречаются в прямом значении в просторечии, преимущественно в речи женщин, а также в сценической речи и художественной литературе.

Список условных сокращений

ABL – исходный падеж; N^{Qual} – качественно-оценочное имя существительное; ACC – винительный падеж; CAUS – понудительный залог; COND – форма условного наклонения; CV₁ – форма соединительного деепричастия на =п; CV₃ – форма деепричастия прошедшего времени на =гаш; DAT – дательный падеж; GEN – родительный падеж; IMP –

повелительное наклонение; LOC – местный падеж; NOM – основной падеж; OPT – согласительное (желательное) наклонение; PAST₁ – форма прошедшего времени на =ды; PAST₂ – форма прошедшего времени на =ган; PAST₃ – форма прошедшего времени на =п-тыр; POSS – посессивный аффикс; POSSV – форма обладания; PTCL – частица; PP – форма причастия прошедшего времени на =ган; PrP – форма причастия будущего времени на =ар; REC – совместно-взаимный залог; RFL – возвратный залог; Sg – единственное число; миф. – мифология; фольк. – фольклор.

Источники:

- И-1 – Бегзи Ыкый Монгушевна, 1934 г.р. (с. Ак-Туруг)
И-2 – Доржу Светлана Самбуевна, 1943 г.р. (с. Суг-Аксы)
Б.Ш.А.Б. – Бора шокар аъттыг Боралдай (маадырлыг тоол) / Боралдай, имеющий коня Бора-Шокар. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1983. 308 с.
С.С.А.д. – Степан Сарыг-оол. Алдан дургун. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1987. 205 с.
МК-Л, Алг – Кенин-Лопсан «Алгыши тувинских шаманов». Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1995. 528 с.
К.-Э. К. Ч. ч. I – Кызыл-Эник Кудажи. Чогаалдар чыындызы. I том. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1979. 421 с.
А.М. – Арзылаң мерген. Тувинские народные сказки. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1974. 188 с.

Литература:

1. Кокошникова 2004 – Кокошникова О. Ю. Семантическая структура многозначного глагола в хакасском языке в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири. Новосибирск: И.Д. «Сова». 2004. 144 с.
2. Лагута 2003 – Лагута О. Н. Метафорология: теоретические аспекты: в 2 ч. Новосибирск, 2003. Ч. 1. 114 с.; Ч. 2. 208 с.
3. Лукьянова 1986 – Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления русского языка. Новосибирск: Наука, 1986. 229 с.
4. Непесов 1981 – Непесов К. Метафора в туркменском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1981. 25 с.
5. Сансызбаева 2000 – Сансызбаева С. К. Казахско-русский словарь зооморфных характеристик человека. Алма-Аты, 2000. 87 с.
6. Татаринцев 1987 – Татаринцев Б. И. Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. М.: Наука, 1987. 197 с.
7. Телия 1991 – Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 5–35.

8. Тюнтешева 2006 – Тюнтешева Е. В. Человек и его мир в зеркале фразеологии (на материале тюркских языков Сибири, казахского и киргизского). Новосибирск, 2006. 225 с.
9. Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 646 с.

References:

1. Kokoshnikova O. Yu. Semanticheskaya struktura mnogoznachnogo glagola v khakasskom yazyke v sopostavlenii s tyurkskimi yazykami Yuzhnoy Sibiri [The semantic structure of the polysemous verb in the Khakass language in comparison with the Turkic languages of Southern Siberia]. Novosibirsk: I.D. «Sova». 2004. 144 p.
2. Laguta O. N. Metaforologiya: teoreticheskie aspekty: v 2 ch. [Metaphorology: theoretical aspects: in 2 parts]. Novosibirsk, 2003. Ch. 1. 114 s.; Ch. 2. 208 p.
3. Luk'yanova N. A. Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya russkogo yazyka. [Expressive vocabulary of colloquial use of Russian]. Novosibirsk: Nauka, 1986. 229 p. (in Russian)
4. Nepesov, K. Metafora v turkmenskoy yazyke [Metaphor in the Turkmen language]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Ashkhabad, 1981. 25 p.
5. Sansyzbaeva, S. K. Kazakhsko-russkiy slovar' zoomorfnykh kharakteristik cheloveka [Kazakh-Russian dictionary of zoomorphic human characteristics]. Alma-Aty, 2000. 87 p.
6. Tatarintsev, B. I. Smyslovye svyazi i otnosheniya slov v tuvinskom yazyke [Semantic connections and relations of words in the Tuvan language]. M.: Nauka, 1987. 197 p.
7. Teliya, V. N. Ekspressivnost' kak proyavlenie sub'ektivnogo faktora v yazyke i ee pragmaticheskaya orientatsiya [Expressivity as a manifestation of a subjective factor in language and its pragmatic orientation] // Chelovecheskiy faktor v yazyke: yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti / otv. red. V. N. Teliya. M.: Nauka, 1991. Pp. 5–35.
8. Tyuntesheva, E. V. Chelovek i ego mir v zerkale frazeologii (na materiale tyurkskikh yazykov Sibiri, kazakhskogo i kirgizskogo) [Man and his world in the mirror of phraseology (based on the material of the Turkic languages of Siberia, Kazakh and Kyrgyz)]. Novosibirsk, 2006. 225 p.
9. Tuvinsko-russkiy slovar' [Tuvan-Russian dictionary]/ pod red. E. R. Tenisheva. M.: Sov. entsiklopediya, 1968. 646 p.

Информация об авторе:

Анна́й Элла́да Кан-ооловна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языкознания Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва; 667000, Россия, Республика Тыва, Кызыл, ул. Кочетова, 4,
e-mail: eanna@mail.ru

РИНЦ AuthorID: 698264, ORCID: 0000-0001-7892-0454

Information about autor:

Ellada K. Annai, Cand. of Sci. (Philology), Researcher at the Department of Linguistics, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva; 667000, 4 Kochetov St., Kyzyl, the Republic of Tuva, e-mail: eannaj@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7892-0454

© Аннай Э. К., 2025

Научная статья
УДК 811.512.156

НАЗВАНИЯ МАСТЕЙ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В РЕЧИ ЦЭНГЭЛЬСКИХ ТУВИНЦЕВ

Баярсайхан Б.

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора словарей, Кызыл, Республика Тыва, Россия, bayiraa@mail.ru

Аннотация. В статье делается попытка ознакомить с лексико-семантическими группами слов, связанных с мастями домашних животных в речи цэнгэльских тувинцев, в сопоставлении с тувинским литературным языком и его диалектами, а также с тюркскими и монгольскими языками. Результаты могут быть использованы при дальнейшем изучении лексикологии и диалектологии тувинского языка, могут служить также материалом для историко-этимологических, сравнительно-сопоставительных, диалектологических исследований, а также при составлении отраслевых словарей тувинского языка.

Ключевые слова: речь цэнгэльских тувинцев, масти, домашние животные, отметины, литературный тувинский язык, диалекты, монгольские языки, тюркские языки

Для цитирования: Баярсайхан Б. Названия мастей домашних животных в речи цэнгэльских тувинцев // Азиатские исследования: история и современность. 2025. № 1(13). С. 43–59. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-1-13-43-59

NAMES OF COLORS OF DOMESTIC ANIMALS IN THE SPEECH OF TSENCEL TUVANS

Bayarsaikhan B.

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci (Philology), Leading Researcher, Dictionary Research Group, Kyzyl, Russia, bayiraa@mail.ru

Abstract. The author attempts to introduce, as far as possible, the peculiarities of the vocabulary associated with the colors of domestic animals in the speech of the Tsengel Tuvans in comparison with the Tuvan literary language and its dialects, as well as with the Turkic and Mongolian languages. The results of the research can be used in further study of the lexicology and dialectology of the Tuvan language and can also serve as material for historical-etymological, comparative-contrastive, dialectological, and industry-specific dictionaries of the Tuvan language.

Keywords: speech of Tsengel Tuvans, colors, domestic animals, markings, literary Tuvan language, dialects, Mongolian languages, Turkic languages.

For citation: Bayarsaikhan B. (2025) “Names of Colors of Domestic Animals in the Speech of Tsengel Tuvans” // Asian Studies: History and Modernity, no. 1(13), p. 43–59. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-1-13-43-59

Введение

У тувинцев с древнейших времен, как у и других кочевых народов, основным видом хозяйства было скотоводство, наряду с земледелием, охотой и собирательством природных даров. Известно, что из домашних животных в хозяйстве этнических групп тувинцев Монголии в основном издревле были лошади, коровы, овцы и козы, меньше всего – верблюды. Общеизвестно, что масть животных непосредственно связана с биосферой территории их обитания, поэтому как результат биологического процесса она формировалась веками. Населению издавна были известны не только основные окрасы домашних животных, но и их многочисленные оттенки [Надергулов 2000, с. 51].

Названия мастей животных нашли отражение также во многих письменных памятниках тюркских языков средневековья [ДТС 1969], которые с незначительными фонетическими изменениями используются во многих современных тюркских языках. Естественно, термины, обозначающие масти домашних животных каждого народа, как и их словарный состав, в зависимости от исторических условий претерпели определенные изменения и к настоящему времени образовали свои особенности в названиях мастей скота.

В речи цэнгэльских тувинцев (далее – ЦТ) представлено значительное количество наименований для обозначения масти лошадей. Это обусловлено тем, что отдельных особей лошадей различают в основном по их масти, а также по их другим внешним физиологическим

приметам.

Спектр названий мастей верблюдов ограничен. Традиционно наиболее распространенную, основную масть верблюдов сравнивают с цветом вечерней зари или окраской песчаных пустынь. Данный окрас называют күрең (тув. *хүрең*) ‘коричневый’, *сарыг* ‘желтый’, редко встречается хара (тув. *кара*) ‘черный’.

Коров в основном содержали для получения молока и мяса, в других целях их почти не использовали. Поэтому не было необходимости различать каждую корову в стаде. Этим можно объяснить и сравнительно слабое развитие названий мастей коров. В формировании названий мастей коров в ЦТ из основного спектра цветов используются прилагательные: *күреңинек* ‘коричневая, бурая корова’, *хараинек* ‘черная корова’. Названия мастей коров несколько отличаются от наименований окраса лошадей. Так, если у лошадей имеется значительное количество названий для обозначения их различных цветовых оттенков, то у коров их почти нет. Коровы бывают с лысынами различных размеров и форм, иногда бывают с подпалинами и пятнами на ногах, как у лошадей, по этим признакам они получают разные названия.

Как известно, окрас шерсти овцы в жизни тувинцев большого практического значения не имела, из овечьей шерсти делали многие домашние изделия, войлок и одежду. Наиболее распространены масти *хара* ‘черный’, *ак* ‘белый’. Кроме таких же основных цветов, по отношению окраса коз используются сочетания көк *өшкү* ‘коза голубого цвета’ и күрең *өшкү* ‘коричневая коза’. Слово көк в литературном тувинском языке (далее – ЛТЯ) многозначно. Оно имеет значения 1. синий; 2) зеленый (о траве); 3) седой; 4) серый [ТРС 1968, с. 257]. В лексико-семантическом варианте лексемы көк в сочетании с названиями животных обозначается серая масть. Известно, что козы с чистой красной шерстью не бывает. Однако некоторые особи бывают с оттенками красного цвета. Их называют *кызыл өшкү* ‘красная коза’. Кроме этого, масти коз, как и других домашних животных, традиционно обозначаются прилагательными *сарыг* ‘желтый’, *ак* ‘белый’, *хара* ‘черный’.

В целом, в формировании названий окраса домашних животных в зависимости от его видов участвовали в различной степени все основные цвета, кроме зеленого. В тувинской мифологии есть сюжеты, где демона (беса) отправляют на поиски зеленого коня, и тот исчезает, не возвращается. Также мифический зеленый конь упоминается в стихотворных произведениях тувинских писателей (например, поэма

‘Ногаан аът’ А. Уержаа).

Целью статьи является описание лексико-семантической группы слов, связанных с мастью домашних животных в речи цэнгэльских тувинцев, в сопоставлении с тувинским литературным языком и его диалектами, а также с тюркскими и монгольскими языками. Материалом для исследования явились собственные примеры автора, т.к. он является носителем ЦТ. В исследовании применялись метод описания, сравнительно-сопоставительный и сравнительно-исторический методы. Результаты работы могут быть использованы при дальнейшем изучении лексикологии и диалектологии тувинского языка, могут служить также материалом для историко-этимологических, сравнительно-сопоставительных, диалектологических исследований, а также при составлении отраслевых словарей тувинского языка.

Общие названия масти для всех видов животных

Если обозначается цвет материальных вещей в ЦТ и ЛТЯ используют слово *өң* I. 1. ‘цвет, окраска, оттенок’; 2. ‘лицевая сторона (материи)’ [ТРС 1968, с. 336]. При обозначении масти животного как в ЦТ, так и в ЛТЯ употребляются слова *чүзүн* ‘масть, цвет’, *өң-чүзүн* ‘масть, цвет’ [ТРС 1968, с. 550]. Цветообразующие прилагательные *ак* ‘белый’, *хара* (тув. *кара*) ‘черный’, *күрең* (тув. *хурең*) ‘коричневый’, *көк* ‘голубой’, *сарыг* ‘желтый’ характеризуют масть животных непосредственно и безотносительно к другим цветам. Поэтому в тюркских языках домашних животных с чистой однородной окраской называют одномастными, а со смешанной окраской – разномастными [Надергулов 2000, с. 52].

Слово *чүзүн* скорее всего соответствует монгольскому *зүс(эн)* 1. ‘масть’ (МОТ 1957, с. 210). Ср. в калм. языке *зүсн*, *өңг* 1. масть (животных) [РКС 1964, с. 284]. В древнетюркском *өң* I. ‘цвет, масть, окраска’ [ДТС 1969, с. 385]. Это же слово фиксируется в монгольских языках (монг. *өнгө* ‘цвет, окраска’ [МОТ 1957, с. 210], бур. *унгэ* ‘цвет, окраска, краска, масть’ [БРС 1951, с. 415], калм. *өңг* ‘масть’ [РКС 1964, с. 284].

Если в половозрастных названиях домашних животных используется исключительно специализированная лексика, то в масти животных встречаются переносные значения слов. Например, у слова *көк* прямое значение ‘синий’ *көк дээр* ‘синее небо’, а переносное значение *көк өшкү* ‘серая коза’.

В ЦТ *күрең* ‘цвет, получаемый в результате смешивания черного красного цветов, - коричневый’ и ЛТЯ *хүрең* многозначны, и обозна-

чают: '1. коричневый; 2. бурый' [ТРС 1968, с. 498]. Это слово имеется также в монгольских языках: монг. *хүрэн*, бур. *хүрин*, калм. *күрң*; оно функционирует также и в других сибирских тюркских языках: хак. *күренъ* 'темно-рыжий; бурый' [ХРС 1953, с. 97], алт. *күрен* 'бурый' [РАС 1964, 39]. По нашему мнению, слово *хүрең* является монголизмом. Д. Х. Базарова и К. А. Шарипова в результате семантического анализа терминов *күрең*, *хүрең*, *көрен*, *ерән*... приходят к выводу о том, что данные названия являются фонетическими вариантами одной и той же лексемы и они находятся в генетическом родстве как между собой, так и с древнетюркским *йәгрән* и монгольским *хүрэн* [Базарова, Шарипова 1990, с. 27].

ЦТ *хара* и тув. *кара* '2. вороная (о масти лошади)' [ТРС 1968, с. 226] является общетюркским словом, имеет соответствия в монгольских и других алтайских языках. По всей вероятности его исходное значение – черный, темный (близкий к черному) [Татаринцев 2004, с. 96]. В таких тюркских языках как азерб., тат., башк., ног., каз., кирг., уйг., хак., чув. лексема *кара* имеет значение 'вороной'. В остальных же тюркских языках передает основное значение [СИГТЯ 1997, с. 593]. Информаторы считают, что в отношении верблюда слово *хара* не используется. Но в фольклорных текстах имеется упоминание *кара буура* 'черный верблюд-самец'. Например, в народной песне 'Канчалды' есть строки *хара бууралыг тевемни кадарар дээним канчалды* 'Что же случилось с моими верблюдами во главе с черным буура (верблюдом-самцом)' [Золбаяр 1993, с. 34].

В ЦТ слово *сарыг* используется при обозначении масти всех животных, кроме коров. В ЛТЯ *сарыг* '1. желтый; 2. соловая (о масти лошади)' [ТРС 1968, с. 369] используют только по отношению к лошади. Во многих диалектах тувинского языка слово *сарыг* используется, в основном, для обозначения масти мелкого рогатого скота (*сарыг хой*, *сарыг өшкү*; т.-х. *сарыг баитыг хой*, *сарыг өшкү*; *сарыг хой*, *сарыг өшкү*). Слово *сарыу* встречается в большинстве тюркских языков. Следовательно, исходное лексическое значение прилагательного следует определить как 'светло-(бледно)-желтый', что подтверждается значением слова не только в якутском 'соловый (о масти лошади)', но и общетюркскими значениями 'соловый (светло-желтый)' [СИГТЯ 1997, с. 602].

В ЦТ, кроме верблюда, все виды животных имеют масть ак. В ЛТЯ *ак* '1. белый; 2. седой; 3. сивый' [ТРС 1968, с. 49]. В дзун-хемчикском говоре тувинского языка светло-серую овцу называют *хылбаң ак хой* [Он-дар 2006, с. 12] (ср. д.-тюрк. *аг* 2. белая, серая, сивая (о масти животного)

[ДТС 1969, с. 48]. С. А. Старостин полагает, что первоначально слово *ак* имело значение ‘светлый’ и обозначало масть животного [Старостин 1991, с. 26]. Общeturкское слово имеет фонетические варианты *ак ~ ак ~ ag* [ЭСТЯ 1974, с. 118].

По мнению известного табунщика Республики Тыва Сергея Ынаалая, лошади не рождаются белыми – *ак мал*. В младенческом возрасте они бывают темных цветов, затем по мере взросления и линьки ежегодно постепенно становятся светлыми [Ынаалай 2004, с. 24]. Известно, что совершенно белые домашние животные бывают сравнительно редко. Обычно они сопровождаются какими-либо дополнительными цветовыми оттенками, то есть становятся разномастными. Например, у белой лошади грива и хвост бывают другого цвета, в основном темного или сероватого цвета, либо имеет темно-белую окраску. Тувинцы не используют прилагательное *ак* ‘белый’ по отношению к масти лошади, обычно используют вместо него *бора* или *куу* ‘серый’. Лексема *ак* зафиксирована в сочетании с усилительным словом *маңган* и применяется по отношению к молочно-белому животному [Араптан 2000, с. 11].

В ЦТ слово *көк* ‘сивый’ используется к соответствующей масти всех видов домашних животных, кроме верблюдов. В ЛТЯ *көк* ‘1. синий; 2. зелёный (о траве); 3. седой; 4. серый (серый волк)’ [ТРС 1968, с. 257]. Образуется от него сложное слово *көк-бора* ‘сиво-серый (о масти лошади)’ [ТРС 1968, с. 257]. Слово *көк* является общeturкским. Авторы СИГТЯ считают, что *көк* распространено в своем основном варианте, реже в значении ‘зеленый’, а также в некоторых других значениях, среди которых наиболее частотным является значение ‘небо’. Известно, что слово *көк* первоначально имело адъективную семантику и обозначало нерасчлененно участок спектра ‘зеленый – голубой – синий’ с целым рядом неярых оттенков преимущественно голубого цвета: ‘синий, сизый, серый’ [СИГТЯ 1997, с. 604]. Последнее многими исследователями считается первичным, а адъективная семантика цветообозначения – вторичной, производной от значения ‘небо’. По сравнению с другими окрасками данная масть имеет наибольшую цветовую гамму. Это, возможно, связано с тем, что при голубом фоне другие цветовые оттенки становятся наиболее зримыми.

Слова, обозначающие одномастный скот

Слово *өле* ‘сивый’ ЦТ употребляют по отношению к мелкому рогатому скоту, лошади и яку. В ЛТЯ: *өле* ‘1. сивый (о масти лошади)’

[ТРС 1968, с. 335]. В дзун-хемчикском говоре зафиксировано сочетание *кум хой* [Ондар 2006, с. 32]. В древнетюркском языке есть слово *öl* ‘влажный, мокрый’ [ДТС 1969, с. 383]. Сивый конь действительно выглядит как мокрый, намоченный. В словаре В. Даля слово сивый имеет толкование ‘темно-сизый, серый, седой, темный с сединой, с примесью белесоватого, либо пепельного. Сивая лошадь имеет окрас между чалой и серой’ [Даль 1991, с. 180].

В ЦТ ой и ЛТЯ ой III. ‘буланный’ [ТРС 1968, с. 315], а РТС буланный ‘*кула, хоор, ой-сарыг*’ [РТС 1980, с. 56]. Мастью ой называют лошадь однородной светло-рыжей окраски с более темной шерстью на спине [Даржа 2003, с. 55]. В д.-тюрк. языке *oj* II. ‘гнедой’ [ДТС 1969, с. 365]. Как видим, в современном тувинском языке произошло смешение семантики слова по сравнению с древнетюркским: словом ой обозначается более светлая масть, чем оно обозначало в ДТЯ.

Красновато-рыжую масть называют и в ЦТ, и в ЛТЯ шилги [ТРС 1968, с. 573]. Она встречается, в основном, у лошадей и коров. В д.-тюркском языке встречается словосочетание *čilgü at* ‘буланный конь’ [ДТС 1969, с. 146]. Как и в предыдущем случае, здесь имеем изменение семантики слова на более светлый окрас в ЛТЯ, чем в ДТЯ.

Хотя слово *ала* не относится к одномастному окрасу, нами оно рассмотрено в составе этой группы слов, так как им обозначается масть, относящаяся 4 видам скота: лошади, корове, овце и козе. В ЦТ слово *ала* имеет значение ‘пестрый, пятнистый, крапчатый; пегий (о масти животного)’. В ЛТЯ *ала* I. 1. пегий (о масти животных) [ТРС 1968, с. 51]. Встречающемуся в тюркских языках слову *ала* соответствуют монгольские и тунгусо-манчжурские параллели, морфологически усложненные суффиксом *-г* (ср. монг. *алаг*, бур. *алаг*, калм. *альг* полосатый, белобокий, пегий, разноцветный). Э. В. Севортян на основании отсутствия в тюркских языках формы *-у* считает, что ‘тюркская и монгольская формы независимы друг от друга, но имеет общий источник’ [ЭСТЯ I, с. 130]. Б. И. Татаринцев считает слово *ала* общетюркским [Татаринцев 2000, с. 87]. В древних памятниках наименование *ала* обозначало преимущественно масть лошадей и, возможно, лишь позднее это название начали употреблять по отношению к другим видам животных и предметов.

Словом в ЦТ *шоокар* ‘чубарый’ – ЛТЯ. шокар ‘1. пестрый, рябой, пятнистый (напр. *шокар бызаа* – рябой (пятнистый) теленок); 2. разрисованный, украшенный орнаментом’, как *шокар антара* – сундук, украшенный орнаментом [ТРС 1968, с. 577], собственно называют масть

животных, у которой присутствуют темные пятна на светлом фоне. В словах *шоокар* ~ *шокар* видно фонетическое соответствие долгого гласного краткому *oo* ~ *o*. В монгольском *цоохор* 2. ‘крапинки на светлом фоне’ [Цэвэл 1966, с. 791].

Названия мастей лошади

Названия лошади по масти являются самой многочисленной группой, в связи с тем, что обозначались не только однородные масти, но и выделялись их оттенки, места расположения пятен. Масть животных меняется с возрастом и по временам года. Взмывенная лошадь может выглядеть иначе, чем в обычном состоянии, поэтому информанты иногда дают разноречивые сведения.

Названия однородных мастей. Здесь рассматривается небольшая группа практически однозначных слов, используемых только для обозначения мастей, встречающихся у лошадей: *доруг* ‘гнедой, бора ‘сивый’, кула ‘саврасый’, хоор ‘каурый’, буурул ‘бурый’, дас кара ‘черный-черечерный’.

Наиболее часто встречается масть *доруг* – тув. *доруг* ‘гнедой (о масти лошади)’ [ТРС 1968, с. 174]. По словам ЦТ, данная масть похожа на рыжую, но грива и хвост лошади иссиня-черные. В д.-тюрк. языке *or* ~ *ur* ‘гнедой’ [ДТС 1969, с. 370]. Соответствия имеются в основной части тюркских языков, в некоторых из которых отмечен односложный вариант *до:p* ~ *дор* ~ *тор*..., но для большинства из них характерны двусложные – типа *до:ры* ~ *торы*... или *доруг* ~ *торуг* (последний зафиксирован в д.-тюрк. памятниках, а также в тоф. и хак. языках). В семантическом плане варианты достаточно единообразны. В частности, у всех отмечены значения ‘гнедой, бурый’, а у некоторых – ‘рыжий; коричневый’. Активно используется в сибирских тюркских языках (тув., тоф., хак). Как считает Б. И. Татаринцев, этимология этого слова не ясна [2002, с. 209].

Масть животного цвета пепла или дымки в ЦТ называется *бора*, как в ЛТЯ *бора* ‘2. сивый (о масти лошади)’ [ТРС 1968, с. 113]. В тувинском языке это слово многозначно, при обозначении масти животного используется его производное значение. Н. Ф. Катанов считает, что слово *бора* является монголизмом, и его монгольское происхождение в других тюркских языках неоднократно отмечалось исследователями [Катанов 1903, с. 126; ЭСТЯ II, с. 173]. В свою очередь Б. И. Татаринцев считает, что монгольское боро (< бора), к которому возводятся соответствующие тюркские слова, является тюркизмом, вос-

ходящим к тюрк. *боз* ‘серый’ [Татаринцев 2000, с. 253].

В ЦТ отмечается масть *хула* – тув. *кула* ‘саврасый (о масти лошади)’ [ТРС 1968, с. 268] (в анлауте видим фонетические соответствия *х ~ к*). В большинстве случаев кони этой масти имеют блеклую, светложелтую окраску корпуса и темные гриву, хвост. Соответствия (в основном *кула*) носят общетюркский характер и в большинстве своем являются названиями мастей лошади ‘саврасый, буланный’ и др., в том числе ‘лошадь с желтизной на ногах и черными полосами на крупе’; лошадь с желтыми полосами на предплечьях и черными на спине’. Другие значения – ‘светло-желтый, кремового цвета; цвет, средний между белым и желтым; желто-серый; бурый’ и под. [ЭСТЯ V-2, с. 121-122]. А также слово имеет монгольское соответствие *хул* ‘саврасый’, являющееся, скорее всего, тюркизмом [Татаринцев 2004, с. 280].

Масть лошади ‘каурая’ в ЦТ называют *хоор*, как в ЛТЯ *хоор* ‘1. каурый’ [ТРС 1968, с. 483]. Встречается в некоторых тюркских языках: хак. *хоор* ‘каурый’ [ХРС 1953, с. 287], тоф. *хоор* ‘красно-бурый; каурый’ [Рассадин 1995, с. 40]. Данное слово в форме *kiong, g(h)on* цитируется у западноханьского поэта Сыма сянь-жу, упомянутого труда Сыма Цяня. А. В. Дыбо предполагает что, скорее всего, имелась в виду масть лошади *коңур* ‘рыжевато-бурый, темно-коричневый’: як. *коңор*, тув., хак. *хōr*, ср.-уйг. *коңур*, чаг. *коңуғ*, тур. *коңғур, гоңур* и др [Дыбо 2007, с. 90]. Интересную версию происхождения слова предложил В. Даржа. Он полагает, что «возможно, название масти произошло от *хоор*- ‘жечь, палить, калить’. *Хоорар* – калить зерно в раскаленном котле, в результате получается зерно коричневатого-желтоватого цвета» [Даржа 2003, с. 58]. Этимология слова до конца не ясна. Ареалом распространения названия масти *хоор* считаем Сибирь.

В ЦТ есть название масти лошади *буурул* ‘бурый’. В ЛТЯ *буурул* – многозначное слово, которое имеет значения: 1. ‘седой’, 2. ‘бурый’ и не обозначает масти лошади. Во всех источниках, кроме тувинского, отмечена семантика ‘чалый’ (о масти лошади), иногда встречаются значения ‘серый, седой, белый с коричневым пятнами’. Э. В. Севортян не без основания склоняется к мысли о том, что в тюркских языках слово *буурул* – монголизм: ср. п.-монг. *biyural*, монг. *буурал* ‘серый, седой; чалый’ [ЭСТЯ II, с. 228]. У. Ф. Надергулов считает, что название *буурул* (ср. башк. *бурыл*, кирг. *буурул*, к.-калп. *бурыл // буврыл*, узб. *бурул* и др.) в большинстве случаев употребляется лишь в значении масти лошади и восходит по происхождению к общетюркскому *бурул* [Надергулов 2000, с. 55].

В ЦТ лошадь с блестящей черной шерстью называют *дас хара*. В ЛТЯ *дас кара* ‘черный-пречёрный’ [ТРС 1968, с. 149]. В. К. Даржа в своей работе отметил, что ‘тувинцы масть с черной блестящей шерстью называют *кусун кара* ‘черный, как ворон’ и *дас кара* ‘черный, как гриф’ [Даржа 2003, с. 57]. На наш взгляд, нет связи слова *дас* с птицей. Скорее всего, эта усилительная частица, заимствованная из монгольского языка: *мас* – усилительная частица, употребляемая в сочетании с названием черного цвета как фразеологизм П. *мас хар* [Цэвэл 1966, с. 524]. В хакасском языке также есть слово *мас-хара* [ХРС 1953, с. 220].

Смешанные масти

Для обозначения окраса животного разных цветов, за небольшими исключениями используются сложные слова, состоящие из двух компонентов. Первым компонентом таких слов выступает название той масти, которая преобладает в масти лошади. Но встречаются и слова, с простой основой.

1. Слова с простыми основами, обозначающие разноцветные масти лошадей: *калдар* ‘мухортый, доруг ‘гнедая’, *хара* ‘вороная’, *кызыл* ‘светло-бурая’, *куу* ‘серая’, *хула* ‘саврасая’, *күрең* ‘бурая’, *шавдар* ‘игрневый’, *мелдер* ‘мухортый’.

Если на морде и вокруг рта есть светло-серые пятна, то такую лошадь называют *калдар*. В очень редких случаях эта масть встречается у коз. В ЛТЯ *калдар* ‘мухортый (о масти лошади); тёмный с подпалинами (о масти домашних животных)’ [ТРС 1968, с. 222]. В монгольских языках (ср. монг. *халтар* 2. ‘мухортый, гнедой с желтоватыми подпалинами’, бур. *халтар* 1. ‘светло-гнедой’). Соответствия типа *калтар* ~ *калдар* ~ *халтар* отмечены главным образом в тюркских языках и диалектах Южной Сибири, а также в *кирг.* и *с.-югур.* со значениями ‘мухортый – гнедой с желтоватыми подпалинами; вороной’ и некоторыми другими [Татаринцев 2004, с. 80] и относятся к числу монголизмов [ЭСТЯ V-1, с. 237].

Шавдар ‘игрневый’, как в ЛТЯ (тув. *шавыдар*) основным цветовым оттенком является темно-рыжая окраска со светлой гривой и хвостом. В ЦТ, как и во многих тюркских языках, данное название масти употребляется только по отношению к лошади. Оно в различных фонетических вариантах в аналогичном значении встречается тюркских и монгольских языках: каз., к.-калп. *шабдар*, кирг., алт. *чабдар*, хак. *сабдар*, чув. *чунтар*; монг. *цавьдар*, бур. *сабидар*, тат. *чантар*. Из приведенного материала можно предположить, что происхождение *шавыдар*

восходит к периоду тюрко-монгольской языковой общности.

В ЛТЯ активно используется название масти *мелдер* ‘мухортый (гнедой с желтоватыми подпалинами – о масти лошади)’ ср. *калдар* [ТРС 1968, с. 292]. Им обозначают масть животного, у которого морда и бока светлые. В словарях слова *мелдер* и *калдар* даны как синонимы. В ЦТ такую масть называют калдар.

2. Слова *доруг*, *хара*, *кызыл*, *куу*, *хула*, *күрең* помимо своего самостоятельного употребления вместе с некоторыми названиями мастей образуют терминологические сложные сочетания. Если стан рыжий, гнедой, а хвост, грива черного цвета, то такую масть называют в ЦТ *хара-доруг* – тув. *кара-доруг* ‘темно-гнедая’; в ЦТ, тув. *кызыл-доруг* ‘рыже-гнедая’; в ЦТ *кызыл-күрең* – тув. *кызыл-хүрең* ‘рыже-буланая’; в целом окрас черного цвета, но из-за изобилия белых волос лошадь кажется серой, и такую масть называют в ЦТ *хара-бора* – тув. *кара-бора* ‘темно-серая’; если в целом окрас черный, но корни волос виднеются пепельно-дымчатыми, то такой окрас называют ЦТ *куу-хара* – тув. *куу-кара* ‘сери-черный’; если стан ярко рыжая с красным оттенком, но хвост и грива – темного окраса, то такую масть называют в ЦТ и тув. *кызыл-шилги* ‘ярко-рыжий (букв. красно-рыжий)’; если преобладает рыжий окрас, но корни волос темнее, то такую масть называют в ЦТ *күрең-шилги* – тув. *хүрең-шилги* ‘темно-рыжая’; если стан саврасый, но хвост и грива темные, то такая масть называется в ЦТ *хара-хула* – тув. *кара-кула* ‘темно-саврасая; светло-саврасую масть называют в ЦТ *куу-кула* – тув. *куу-хула*; если масть желтее, чем саврасая, а хвост и грива светло-саврасая, то такую масть называют в ЦТ *сарыг-кула* – тув. *сарыг-хула* ‘желто-саврасая’.

В ЦТ *калдар* и тув. *мелдер* также принимают участие в создании смешанных мастей: ЦТ *ак-калдар* – тув. *ак-мелдер* (более светлый окрас); ЦТ *куу-калдар* – тув. *куу-мелдер* – светлая часть более темного цвета; *хара-калдар* – тув. *кара-мелдер* – стан иссиня-черный, а около рта и крыльев носа с подпалинами.

К разномастной лошади применяют слово *ала* ‘пестрый’ как второй компонент сложного слова, а первым называется цвет основной масти: ЦТ *доруг-ала* – тув. *дорала* (< *доруг* + *ала*) ‘гнедо-пегая’; ЦТ *сарыг-ала* – тув. *сарала* (< *сарыг* + *ала*) ‘желто-пегая’; ЦТ *ой-ала* – тув. *ояла* (< *ой* + *ала*) ‘мышасто-пегая’; ЦТ *хара-ала* – тув. *карала* (< *кара* + *ала*) ‘темно-пегая’, *куу-ала* – тув. *хувала* (< *хула* + *ала*) ‘соловая’, *көк-ала* ‘голубая пятнистая – белая лошадь в крупных серых пятнах’. Как видно из представленного материала, в ЛТЯ названия масти лошадей

со вторым компонентом *ала* ‘пестрый’ составляют слитную сложную основу и оформляются как одно фонетическое слово дорала с ударением во втором слоге [*dorála*], в то время как в ЦТ каждый компонент сохраняет (хотя у первого компонента оно второстепенное) свое ударение: *доруг-ала* [*dorug`alá*].

В ЦТ *шоокар* – в ЛТЯ шокар участвуют в названиях сложных мастей: *чылдыс-шоокар* – тув. *сылдыс-шоокар* (букв. звездно-пестрый) означают наличие светлых пятен на темном фоне (русский аналог ‘снежок’), *хара шоокар* – тув. *кара-шоокар* черные пятна на светлом фоне. В ЦТ, если черный и белый цвета смешиваются в равной мере, то такую масть называют *ала-шоокар* (тув. *ала-шоокар*) или *ак-шоокар* – тув. *ак-шоокар* ‘пегая’. В этой группе лексики диалектизмы отличаются от литературных форм своим фонетическим обликом: в слове *чылдыс* первый согласный *ч* соответствует в тув. *с*; в слове *шоокар* долгий гласный первого слога соответствует краткому *о* в ЛТЯ.

В зависимости от цвета различных частей тела встречаются, хотя и редко, и такие названия, как *ак-аас* – тув. *мелдер-аас* ‘беломордная лошадь’, *ак-кулак* или *хара-кулак* ‘белоухая или черноухая лошадь’.

Названия отметин животных

Отметины могут быть у всех видов животных, кроме верблюда. У верблюда очень редко бывают отметины в виде какого-то участка шерсти другого цвета. В основном отметина, ниспадающая белой полосой ото лба к носу, называемая в ЦТ и ЛТЯ *калчан* ‘букв. лысина’. *Калчан* у животных означает ‘3. белолобый, с белой отметиной на лбу’ [ТРС 1968, с. 223]. Слово представляет собой монголизм (ср. монг. *халзан* ‘белая прядь волос на лбу лошади, белая полоса шерсти на лбу’) [Татаринцев 2004, с. 81]. Из тюркских языков слово калчан отмечено только в тувинском и тофаларском языках. Но в тофаларском *һальчаң* ‘лысый, плешивый’ [Рассадин 1995, с. 37] в значении ‘отметина’ у животных не употребляется. Таким образом, в тувинском языке монголизм халзан употребляется в значениях лысый, плешивый, отметина, а в монгольском еще имеет значение ‘площадь’ [БАМРС 2002, с. 426].

Слово калчан является первым компонентом в сложных словах со значением окраса животных: *хара-калчан* ‘черный с белой отметиной, лысиной’, *хоор-калчан* ‘каурая с лысиной’, *калчан-доруг* ‘гнедая с лысиной’, *калчан-шилги* ‘рыжая с лысиной’, *калчан хара-доруг* ‘темно-гнедая с лысиной’. Как правило, в них вторым компонентом выступает название масти животного (название масти животного часто становится

его кличкой).

Значительное количество лошадей бывают с отметинами на лбу. И в зависимости от их формы и места расположения лошадей называют: *чингши калчан* ‘с тонкой белой отметной на лбу’, *төөней* ‘белая отметина, белое пятно на лбу’, *дугуу төөней* ‘отметина круглой формы’, *шөйбек төөней* ‘отметина овальной формы’.

1. Узкая белая линия, идущая ото лба к носу в ЦТ имеет название *чингии калчан* – тув. *чинге калчан* [Даржа 2003, с. 61], а в эрзинском говоре – *судал калчан* [Ынаалай 2004]. Широкая белая линия, идущая ото лба к носу в ЦТ – *улуз калчан*, тогда как в ЛТЯ в этом случае калчан используется без всякого определения [Даржа 2003, с. 61].

2. Белая отметина неправильной формы на лбу у животных в ЦТ называют *төөней*, в ЛТЯ – *дөөней* ‘белая отметина, белое пятно на лбу (напр. у лошади (‘звезда’)) [ТРС 1968, с. 178] (ср. ч.-хол. *дөгеней*). Само животное с белой отметиной называют *дөөней=лиг* ‘с белой отметиной на лбу’ (=лиг представляет собой словообразовательный аффикс со значением обладания). Диалектная форма слова от литературного отличается соответствием согласных т ~ д в начале слова.

3. По форме отметина может быть круглой или округлой формы: *дугуу төөней* или *дугрук төөней* (ср. эрз. *дугурук*) [Ынаалай 2004, с. 13]. В ЛТЯ *дугурук* имеет значения 1) короткий и тупой (о рогах домашних животных); 2) круглый. В своем первом значении слово скорее тюркское, но второе значение, по мнению Б. И. Татаринцева, тувинской язык приобрел в результате сближения с монгольским *дугариг*. В монгольском *дугуй* ‘2. круглый’; *дугариг* ‘1. круглый’ [МОТ 1957, с. 157], отсюда очевидно, что в ЦТ и в эрзинском говоре в значении ‘круглый’ данное слово стало употребляться под влиянием монгольского.

4. Овальную или продолговатой формы отметину называют *шөйбек төөней*.

Отметины на ногах

У отдельных особей лошадей лишь ноги бывают с пятнами, преимущественно белого цвета. Таких лошадей называют: *ак-кажык* (букв. белая лодыжка) – тув. *ак-майык*, *ак майыктыг* ‘белый венчик’, если белая отметина тянется вверх от лодыжки на пядь, ее называют *ак-саксагай* – тув. *саксагайы ак* ‘белый носок’; если отметина тянется от копыта до коленного сустава, то её называют *ак-сыыргак* – тув. *сыыргаа ак* ‘чулок’ (ср. эрз. *ширээ*).

Заключение

В ЦТ и в ЛТЯ наименования мастей животных не имеет больших расхождений. В рассмотренной группе лексики отсутствуют лексические диалектизмы, отмечены только фонетические различия со звуковыми соответствиями *к~х* и долгих гласных кратким *оо~о*. Небольшая разница есть в использовании слов калдар и мелдер. Если в ЛТЯ *мелдер* отмечается в составе активной лексики, то в ЦТ не встречается, его заменяет синоним калдар.

Таким образом, в ЦТ, также в ЛТЯ и его диалектах различительные цветовые окраски домашних животных имеют точную, дифференцированную терминологию, большинство которой является общетюркской, возникшей еще в далекой древности. В целом, основная масса тувинских чистокровных лошадей имеет темную окраску, большинство из них гнедые, буланые, бурые, вороные. Небольшую группу в названиях масти животных составляют заимствования из монгольского языка: *чүзүн* (монг. < зүс), *шоокар* – тув. *шокар* (монг. < цоохор), *калчан* (монг. < халзан), *калдар* (монг. < халтар), *күрең ~ хүрең* < *хүрэн*, *бора* < *бор*, *буурул* < *буурал*, *дас* < *тас*.

Названия мастей шилги, өле, ала однозначны, остальная часть лексики используется в своих переносных значениях.

Наибольшее число названий масти отмечается у лошадей, а меньше всего у верблюдов. Смешанный окрас, как правило, обозначается сложным словом, у которого первый компонент называет основную масть.

Источники:

БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь. Т. IV: Х-Я. М.: Академия, 2002. 532 с.

БРС – Бурят-монгольско-русский словарь / Под ред. Ц.Б. Цыдендамбаева. М.: Гос изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. 852 с.

ДТС – Древнетюркский словарь / АН СССР. Институт языкознания. Л.: Наука, 1969. 676 с.

МОС – Монгол-орос толь (Монгольско-русский словарь) / Под ред. А. Лувсандэндэва. М: ГИС, 1957. 714 с.

РАС – Русско-алтайский словарь. Под ред. Н.А. Баскакова. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 876 с.

РКС – Русско-калмыцкий словарь / Под ред. И.К. Илишкина. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 804 с.

РТС – Русско-тувинский словарь / Под ред. Д.А. Монгуша. М.:

Русский язык, 1980. 664 с.

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Под. ред. Э.Р. Тенишева. М.: Наука, 1997. 798 с.

ТРС – Тувинско-русский словарь / Под ред. Э.Р. Тенишева. М.: Сов.энциклопедия, 1968. 646 с.

ХРС – Хакасско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. 487 с.

ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков. Т. V. М.: Наука, 1997. 368 с.

Литература:

1. Араптан 2000 – Араптан, А.Б. Имена прилагательные выражающие масти лошади / научн. рук. К.Б. Доржу. Кызыл. ТывГУ, 2000. 55 с.
2. Базарова 1990 – Базарова, Д.Х., Шарипова, К.А. Развитие лексики тюркских языков Средней Азии и Казахстана. Ташкент. 1990. 172 с.
3. Даль 1991 – Даль, В.И. Толковый словарь живого великого русского языка. в 4-х томах. М: Изд-во “Русский язык”, 1991. 2800 с.
4. Даржа 2003 – Даржа, В.К. Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников / отв. ред. Г.Н. Курбатский. Кызыл. 2003. 184 с.
5. Дыбо 2007 – Дыбо, А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков: Лексический фонд. Пратюркский период. М. 2007. 223 с.
6. Золбаяр 1993 – Золбаяр, Г. Алдын дагша (Золотая пиала): фольклор цэнгэлских тувинцев Монголии. Кызыл. 1993. 96 с.
7. Катанов 1903 – Катанов, Н.Ф. Опыт исследование урянхайского языка с указанием главных родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань: Тип-лит. Имп. Казанского ун-та, 1903. 926 с.
8. Надергулов 2000 – Надергулов, У.Ф. Животноводческая лексика башкир / Под. ред. Э.Ф.Ишбердина. Уфа: Гилем, 2000. 185 с.
9. Ондар 2006 – Ондар, М.Д. Лексика животноводства в речи жителей Дзун-Хемчикского кожууна / научн. рук. Е.М.Куулар. Кызыл: ТывГУ, 2006. 68 с.
10. Рассадин 1995 – Рассадин, В.И. Тофаларско-русский словарь. Русско-тофаларский словарь. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1995. 288 с.
11. Севортян 1974 – Севортян, Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межатюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.
12. Старостин 1991 – Старостин, С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М: Наука. 1991. 298 с.
13. Татаринцев 2004 – Татаринцев, Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. Т.III: К, Л. Новосибирск: Наука, 2004. 440 с.
14. Цэвэл 1966 – Цэвэл, Я. Монгол хэлний товч тайлбар толь (Краткий толковый словарь монгольского языка) / Под ред. А. Лувсандэндэв. Улаанбаатар. 1966. 912 с.
15. Ынаалай 2004 – Ынаалай, Д.-Д.С. Лексика коневодства в речи села Бай-Даг

Эрзинского кожууна / научн. рук. Е.М. Куулар. Кызыл: ТывГУ, 2004. 56 с.

References:

1. Araptan, A.B. (2000), "Imena prilagatel'nye vyrazhajushhie masti loshadi" [Adjectives expressing horse colors] / scientific adviser. K.B. Dorzhu. Kyzyl, TyvGU, 2000. 55 p. (In Tuv.).
2. Bazarova, D.H. and Sharipova, K.A. (1990), "Razvitie leksiki tjurkskih jazykov Srednej Azii i Kazakhstana" [Development of the vocabulary of the Turkic languages of Central Asia and Kazakhstan] Tashkent, 1990. 172 p. (In Russ.).
3. Dal', V.I. (1991), "Tolkovyj slovar' zhivogo velikogo russkogo jazyka" [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language] v 4-h tomah. izd-vo Moscow, "Russkij jazyk" 1991. 2800 p. (In Russ.).
4. Darzha, V.K. (2003), "Loshad' v tradicionnoj praktike tuvincev-kochevnikov" [Horse in traditional practice of Tuvan nomads] / ed. by. G.N. Kurbatskij. Kyzyl, 2003. 184 p. (In Russ.).
5. Dybo, A.V. (2007), "Lingvisticheskie kontakty rannih tjurkov: Leksicheskij fond. Praturkij period" [Linguistic contacts of the early Turks: Lexical fund. Praturkic period]. Moscow, 2007. 223 p. (In Russ.).
6. Zolbajar, G. (1993), "Aldyn dagsha" (Zolotaja piala): fol'klor cjengjel'skih tuvincev Mongolii. [(Golden Bowl): Folklore of the Tsengel Tuvans of Mongolia]. Kyzyl, 1993. 96 p. (In Tuv.).
7. Katanov, N.F. (1903), "Opyt issledovanie urjanhajskogo jazyka s ukazaniem glavnyh rodstvennyh otnoshenij ego k drugim jazykam tjurkskogo kornja" [An experiment in the study of the Uryankhai language with an indication of its main kinship relations with other languages of Turkic origin]. Kazan', Tip-lit. Imp. Kazanskogo un-ta, 1903. 926 p. (In Russ.).
8. Nadergulov, U.F. (2000), "Zhivotnovodcheskaja leksika bashkir" [Livestock vocabulary of the Bashkirs] / ed. by. Je.F.Ishberdina. Ufa, Gilem, 2000. 185 p. (In Russ.).
9. Ondar, M.D. (2006), "Leksika zhivotnovodstva v rechi zhitelej Dzun-Hemchikskogo kozhuuna" [Vocabulary of animal husbandry in the speech of the inhabitants of the Dzun-Khemchik kozhuun] / scientific adviser. M.Kuular. Kyzyl, TyvGU, 2006. 68 p. (In Tuv.).
10. Rassadin, V.I. (1995), "Tofalarsko-russkij slovar'. Russko-tofalarskij slovar'" [Tofalar-Russian dictionary. Russian-Tofalar dictionary]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo, 1995. 288 p. (In Russ.).
11. Sevortjan, Je.V. (1974), "Jetimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov: obshhetjurkskie i mezhtjurkskie osnovy na glasnje" [Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic vowel bases]. Moscow, Nauka, 1974. 768 p. (In Russ.).
12. Starostin, S.A. (1991), "Altajskaja problema i proishozhdenie japonskogo jazyka" [The Altai Problem and the Origin of the Japanese Language]. Moscow, Nauka. 1991. 298 p. (In Russ.).

13. Tatarincev, B.I. (2004), “Jetimologicheskij slovar’ tuvinskogo jazyka”. vol. III: K, L. [Etymological dictionary of the Tuvan language] Novosibirsk, Nauka, 2004. 440 p. (In Russ.).
14. Cjevjel, Ja. (1966), “Mongol hjelnij tovch tajlbar tol” [Brief explanatory dictionary of the Mongolian language] / ed. by. A. Luvsandjendjev. Ulaanbaatar, 1966. 912 p. (In Mong.).
15. Ynaalaj, D-D.S. (2004), “Leksika konevodstva v rechi sela Baj-Dag Jerzinskogo kozhuuna” [The vocabulary of horse breeding in the speech of the village of Bai-Dag, Erzin kozhuun] / scientific adviser. E.M. Kuular. Kyzyl, TyvGU, 2004. 56 p. (In Tuv).

Информация об авторе:

Баярсайхан Бадарч, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора словарей Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, 667000, Россия, Республика Тыва, Кызыл, ул. Кочетова, 4, e-mail: bayiraa@mail.ru

РИНЦ AuthorID: 971279, ORCID ID: 0000-0003-3962-1042

Information about autor:

Bayarsaikhan Badarch, Cand. of Sci. (Philology), Leading Researcher, Dictionary Research Group, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva; 667000, 4 Kochetov St., Kyzyl, the Republic of Tuva, e-mail: bayiraa@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3962-1042

© Баярсайхан Б., 2025

Научная статья
УДК 81.373

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ С ЯДЕРНЫМ СЛОВОМ КАРА 'ЧЕРНЫЙ, ТЕМНЫЙ' (по материалам тувинских народных песен)

Оюмаа М. Саая

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языкознания, Кызыл, Республика Тыва, Россия, yu5bi@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются синтагматические связи лексемы кара 'милая' в примерах, отобранных из текстов тувинских народных песен. Выявляется семантическая характеристика тувинского прилагательного кара 'чёрный' в значении 'милая' в социально-коммуникативном контексте. Основным объектом изучения является сочетаемость лексемы кара 'милая' с другими частями речи. Для анализа использованы статистический и контекстуальный методы. Источниками материала для анализа послужили тувинские народные песни, опубликованные в различных сборниках и научных трудах. В ходе анализа выявлены наиболее употребительные и малоупотребительные слова, с которыми она сочетается слово кара 'милая'. В результате анализа выявлено, что со словом кара 'милая' наиболее частотны сочетания определительные словосочетания с прилагательным кара, изафетные словосочетания с субстантивом кара, и глагольные сочетания. К средней зоне частотности относятся сочетания с глаголами движения и местоимениями, менее всего частотны сочетания с частицей чок. Также определена частотность употребления каждого отдельного словосочетания. Таким образом слово кара 'смуглый/смуглянка > милый/милая' активно употребляется в фольклорных любовных лирических песнях тувинского народа. Лексема имеет свой круг синтагматических связей, интенсивность которых определяется темой самих песен.

Ключевые слова и фразы: тувинские народные песни, лексема кара 'чёрный, темный', семантическое поле, синтагматические

связи, эмотивная лексика.

Для цитирования: Саая О. М. Синтагматические связи в лексико-семантическом поле с ядерным словом *кара* ‘черный, темный’ (по материалам тувинских народных песен) // Азиатские исследования: история и современность. 2025. № 1(13). С. 60–80. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-1-13-60-80

SYNTAGMATIC RELATIONS IN THE LEXICO-SEMANTIC FIELD CENTERED AROUND THE WORD *KARA* ‘BLACK, DARK’ (based on Tuvan folk songs)

Oyumaа M. Saaya,

Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci (Philology), Leading Researcher, Kyzyl, Russia, yu5bi@mail.ru

Abstract. The article examines the syntagmatic relations of the lexeme *kara* (‘dear’) in examples selected from Tuvan folk song texts. The semantic characteristics of the Tuvan adjective *kara* (‘black’) in the meaning of ‘dear’ are explored within a socio-communicative context. The primary focus of the study is the combinatory potential of the lexeme *kara* (‘dear’) with other parts of speech. The analysis employs statistical and contextual methods. The source material consists of Tuvan folk songs published in various collections and scholarly works. The study identifies the most and least frequent words that co-occur with *kara* (‘dear’). The analysis reveals that the lexeme *kara* most frequently forms attributive phrases with adjectives, *izafet* constructions with substantives, and verbal combinations. Medium-frequency collocations include those with motion verbs and pronouns, while the least frequent are combinations with the particle *chok*. The frequency of each individual collocation is also determined. Thus, the word *kara* (‘dark-skinned/dark beauty > dear/beloved’) is actively used in Tuvan folk love lyric songs. The lexeme exhibits a distinct range of syntagmatic relations, the intensity of which is determined by the thematic content of the songs themselves.

Keywords: Tuvan folk songs, lexeme *kara* ‘black, dark’, semantic field, syntagmatic connections, emotive vocabulary.

For citation: Saaya, O.M. (2025) “Syntagmatic Relations in the Lexico-Semantic Field Centered Around the Word *Kara* ‘Black, Dark’ (Based on Tuvan Folk Songs)” // Asian Studies: History and Modernity, no. 1(13), p. 60–80. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-1-13-60-80

Введение

Песенное искусство тувинского народа богато и разнообразно. Оно часто привлекает внимание исследователей из разных областей знания [Аксенов, 1964; Тирон, 2016, с. 37-47; Саая, 2017, с. 219-231; Баранмаа, 2017, с. 14; Кан-оол, 2023, с. 51-59; Санчай, 2023, с. 80-109; Донорова, 2024, с. 117-137].

В традиционной культуре тувинцев песни занимают особое место среди фольклорных жанров, отличаясь широкой распространенностью. Как и в любом виде устного народного творчества в тувинских народных песнях также отражено богатство и своеобразие тувинской лексики. Одной из характерных особенностей языка этого жанра является использование слова *кара* ‘смуглый/смуглянка, милый/милая’ в качестве эмотивной лексической единицы, передающей положительную оценку и выражение симпатии к человеку.

Данная лексема является одной из высокочастотных единиц словарного фонда тувинского фольклора, в частности песенного жанра. Ее смысловая палитра была рассмотрена в работах О. М. Саая [2020, с. 162-166], И.М. Кошкендея [2020, с. 433-435]. Несмотря на свою частотность в фольклоре, данная лексема в значении ‘возлюбленный/возлюбленная’ до сих пор не становилась предметом специального исследования в тувинской лингвистике. В связи с этим актуальным представляется детальное изучение её лексико-семантических особенностей.

Поскольку значение слова раскрывается наиболее полно в контексте, цель данной работы – выявление синтагматических связей лексемы *кара* ‘милый/ая; любимый/ая’ и определение наиболее устойчивых и редких словосочетаний с её участием. Анализ проводится в рамках теории семантического поля. Таким образом, понимание языковой единицы *кара* как ядра (центрального семантического компонента) требует рассмотрения её сочетаемости с другими лексемами, формирующими непрерывное семантическое пространство вокруг неё.

«Поле – это термин, применяемый в лингвистике, чаще всего, для обозначения совокупности языковых (лексических) единиц, объединенных общностью содержания (формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Горбунова, 2012, с. 41]. Мы придерживаемся точки зрения Г. М. Поляковой о том, что «лексико-семантическое поле (ЛСП) определяется как особая, иерархически организованная совокупность языковых единиц, принадлежащих к разным частям речи

и объединенных инвариантным значением» [Полякова, 2012, с. 38]. По мнению Л. А. Новиковой, единицы поля входят в синтагматические, парадигматические и ассоциативно-derivационные отношения, которые соответствуют основным измерениям поля и создают его «объемное» представление [Новикова, 2003, с. 242].

Источниками материала для анализа послужили 120 тувинских народных песен, в которых есть слово кара в значении ‘милый/ая’. Выборка песен осуществлялась из следующих работ и сборников песен: А.Н. Аксенов «Тувинская народная музыка», «Тувинские народные песни и обрядовая поэзия», Г. Долгормаа «Ховдын тувачууд: дурсамж, зан заншил, соёл, уламжлалт үг хэллэг, толь бичиг», «Төрээн чурттуң ырылары», «Ырлажыылы», «Тыва улустун ырылары», «Барыын моолда сэнгэл тываларының ырлары».

В работе применялись метод контекстуального анализа, позволяющий изучать слово в его связях с другими элементами текста [Долгих, 1973, с. 89]; статистический метод, направленный на подсчёт частотности употребления лексем в сочетании с ядерным словом *кара*.

Лексическое значение слова «*кара*» и сложных слов со структурой *Adj/N + кара*

Слово кара в «Тувинско-русском словаре» имеет следующие значения: 1. 1) чёрный; тёмный; *кара карак[тар]* чёрные глаза; *кара* хлеб чёрный (серый) хлеб; *кара довурак* чернозём; *кара баиш дүгү* тёмные волосы; 2) вороной (о масти лошади); *кара агът* вороной конь; 3) полигр. жирный; *кара үжүк* жирный шрифт; 4) бесснежный; *кара кыи* бесснежная зима; *кара ховулар* бесснежные степи; 5) уст. простой; светский (не духовного сословия); *кара кижии* простой человек; 2. 1) зрачок; *карактың каразы* зрачок глаза; 2) шелуха (зерна); *тараа каразы* шелуха проса; 3) мишень, цель; *кара адар (боолаар)* а) производить учебную стрельбу; б) стрелять в цель; 4) подозрение; *кара бодаар* подозревать; *кара чокка* без подозрения; ср. *сезик, сезиглел, сезиглээшкин*; 3. очень; совершенно, совсем; *кара хөктүг* очень смешной; *кара эртен* очень рано, чуть свет; *кара кежээ* очень поздно, поздним вечером; *кара шаар* очень много, бесчисленное множество, уйма; *кара чаңгыс* а) совершенно одинокий; единственный; б) очень похожий; *кара чааскаан* совершенно одинокий; совсем один // единолично; *кара кайгамчык* удивительный, потрясающий; ♦ *кара угаан* природный ум [Тувинско-русский словарь, 1968, с. 226]. Но, заметим, в этом словаре отражены не все значения слова *кара*.

В «Толковом словаре тувинского языка» определены 19 значений

данной лексемы. Дополнительно к вышеуказанным, приведены значения, связанные с черным / темным цветом: смуглый; грязный; значения, связанные с отсутствием чего-то светлого, белого: незабеленный, без молока (о чае), нежирный (о мясе); не заправленный крупой, макаронами и т.п. (о бульоне); значение, связанное обветшанием, с бедностью: почерневший от старости, бедный; значения, связанные с негативными ассоциациями: ложь, несправедливость; плохой злой, злонамеренный; усилительное значение: абсолютно всё, весь имеющийся [Толковый словарь тувинского языка, 2011, с. 66-67].

Цыбенова Ч. С., исследуя ассоциативные связи цветолексемы *кара*, сделала вывод о том, что черный цвет в тувинской лингвокультуре связан с семантикой негативного характера. Однако он также имеет широкий спектр положительных коннотаций, связанных с зрелостью, чистотой, богатством [Цыбенова, 2023, с. С. 48-56].

В значении ‘любимый, возлюбленный’ слово *кара* активно употребляется в тувинских народных лирических песнях:

(1) <i>Элээн-түрээн мээң карам</i> <i>Чаңназа-даа чаңы тонмес</i>	‘Горемычная милая моя, Хоть и капризна, но вечная затейница.
<i>Эр-ле кара ол-ла хейде</i> <i>Эвээш-биче сагыш калды.</i>	‘К тому парню удалому Остались еще чувства.’
(2) <i>Чаактары кызаннашкан</i> <i>Чарааш кара уругларны.</i>	‘С щечками румяными Красивые смуглые девчата.
<i>Боостаазы «кыңгырт» кынныр</i> <i>Борбак кара уругларны.</i>	‘С голосами звенящими Круглолицые милые девчата.’
(3) <i>Карамайның сай-ла чажын</i> <i>Саглаңнадыр челер доруг.</i>	‘Косы моей милой колыша на ветру, Пролетит рысью гнедой.
<i>Кап-ла-кара мээң-биле</i> <i>Кады чурттаар шааң бар бе?</i>	‘С черноокою, со мною Есть ли у тебя намерение жить?’

Изучив словарные статьи, контексты употребления данного слова, мы определили словарные признаки лексемы *кара* в интересующем нас контексте – 1. имя прилагательное со значением ‘смуглый/смуглая’, ‘милый/ая, удалой’; 2. субстантивированное прилагательное, употре-

бляется чаще в единственном, редко во множественном числах, значение ‘любимый, возлюбленный’, на наш взгляд, нужно скорректировать на ‘смуглый/смуглянка’ > ~ ‘милый/ая, удалой’, и при этом семантика ‘любимый, возлюбленный’ должна включаться в ‘милый/ая’. Поэтому в данной статье лексема «кара» будет рассматриваться как именная часть речи, в зависимости от контекста выступающая или как имя прилагательное (‘милый/ая), или как существительное (‘милый/ая [мой /моя]; красавица, голубка и т.п.’)).

Нужно отметить, что лексическая единица кара в тувинских народных песнях употребляется в лирических песнях, где выражается отношение, в основном к девушке, поэтому далее значения примеров в основном будут приводится форме женского рода. Единичные случаи употребления в отношении юноши будут отражено в дальнейших примерах.

Слово кара в наших источниках — текстах тувинских народных песен встретилось более 100 раз. Обнаружено 35 случаев употребления лексемы кара и его форм: кара ‘милая’, карам ‘милая моя’, карамай ‘миленькая’, кап-ла-кара ‘милая-премилая’:

(4) <i>Кара барган, дээң-дээң, Кара-Сугну, дээң-дээң.</i>	‘Милая уехала, дээн-дээн, В Кара-Суг, дээн-дээн.
(5) <i>Кайган турган каш-ла кижин Карам сугну канчаар дээр сен?</i>	Что ты думаешь, могут поделаться с моей миленькой Восхищенные ею несколько человек?’
(6) <i>Карам эжим ындыг хей боор, Каргылаарлап, хөөмейлей бээр.</i>	‘Милый друг мой, он такой: Каргыраа, хоомей начнет исполнять.’
(7) <i>Кап-ла-карам чаңнаарынга Кадыг чүрек кайын шыдаар.</i>	‘Когда милая моя ласкается, Как же устоять суровому сердцу.’
(8) <i>Кап-ла-карам болчаан чери Ырак-даа бол, чеде бээр мен</i>	‘Милой, любимой место свидания Хоть и далеко, но туда пойду я.’

В большинстве случаев лексема кара фиксируется как компонент сложных слов, образованных по модели ИМЯ + КАРА. В данной работе, не вдаваясь в подробный анализ того, что является сложным словом и в вопросы их орфографического оформления, которые

обусловлены сложностью и нерешенностью проблемы разграничения слова и словосочетания [Семенова, 2015, с. 67], эти слова написаны через дефис, хотя в текстах-источниках они оформлены по-разному. Это обусловлено тем, что правилами орфографии тувинского языка устанавливается, что через дефис пишутся составные, (т.е. сложные) слова, компоненты которого не слились в одну сложную единицу и связаны между собой по способу сочинения [Тыва орфографияның үндезиннери, 1963, с. 86]. Еще одним существенным признаком для такого написания рассматриваемых лексических единиц послужило их акцентологическое единство (наличие единого ударения).

Сложных слов, образованных по такой модели ИМЯ+КАРА всего выявлено 17. В данной группе слов первым компонентом в большинстве случаев стоит имя прилагательное: 12 из 17 слов. Наиболее частотны (≥ 10) сложные слова с компонентами *анай* ‘козленок’ > *анай-кара* ‘голубка, милая’, *баиштак* ‘шутка’ > *баиштак-кара* ‘милая шалунья’, *ортун* ‘средняя’ > *ортун-кара* ‘[родившаяся средней] милая’, *чараи* ‘красивая’ > *чараи-кара* ‘красавица-смуглянка’, *хеймер* ‘младшая’ > *хеймер-кара* ‘[родившаяся младшей] милая’. Менее частотны (6-10) сложные слова с элементами *эрге* ‘нежная’ > *эрге-кара* ‘нежная милая’, *борбак* ‘круглый’ > *борбак-кара* ‘милая пышечка’, *кускун* ‘ворон’ > *кускун-кара* ‘милая смуглянка’, *дунда* ‘первенец’ > *дунда-кара* ‘[старшенькая] милая’. Меньше всего (1-5) отмечены композиты с частями *биче* ‘маленькая’ > *биче-кара* ‘[родившаяся младшей] милая’, *дозур* ‘блестящий, с огоньком’ > *дозур-кара* ‘черноокая’, *чындыр* ‘расслабленный’ > *чындыр-кара* ‘томно-нежная’, *суук* ‘прямой, гладкий’ > *суук-кара* ‘милая с точеной фигурой’, *тенек* ‘шаловливая’ > *тенек-кара* ‘милая озорница’, *чинге* ‘стройная’ > *чинге-кара* ‘милая стройняшка’, *хөлчүң* ‘волоокая’ (*хөл* ‘озеро’ + *-чүң*) > *хөлчүң-кара* ‘большеглазая смуглянка’, *догулак* ‘круглый’ > *доңгулак-кара* ‘милая пышечка’.

В наших текстах композиты *Adj/N+ кара*, как и сама лексема *кара*, часто употребляются как имена существительные, образованные в результате субстантивации. В этих сложных словах значение лексемы *кара* играет доминирующую роль, поэтому все производные *Adj/N+ кара* приобретают ласкательную семантику. Таким образом, не только для лексемы *кара*, но и для рассматриваемой группы сложных слов, общим является значение ‘смуглый/смуглянка’ с дальнейшим развитием в ‘милый/ая’. Также обнаружена чрезвычайная вариативность слов с компонентом *кара*. В рамках одной песни встречаются вариации *чараи-кара* ~ *борбак-кара*; *чындыр-кара*, ~ *кап-ла-кара*; *дунда-кара* ~ *анай-кара*,

ортун-кара ~ кускун-кара, кускун-кара~чараш-кара и т.д.

В некоторых песнях компоненты указанных сложных слов «перестраиваются» в самостоятельные единицы. При этом к первому компоненту присоединяется усилительная частица -ла (или ее варианты):

(9) <i>Орун-на баары, ой, чинге-ле черден</i> <i>Ортун-на кара, ой, келгеш-ле барды.</i>	‘У кровати, ой, на узкое место Милая, ой, приходила, уходила.’
---	---

Это происходит для выравнивания слогов в строках. Для подобной же цели употреблены формы интенсификации от *кара*: *кап-кара* ‘чернявый’ в основном в виде *кап-ла-кара*:

(10) <i>Кап-ла-кара мээң-биле</i> <i>Кады чурттаар шааң бар бе?</i>	‘С премилою со мною Сможешь ли ты жить?’
(11) <i>Кап-ла-кара кулугуру</i> <i>Кады өскөн эжим чүве</i>	‘Премилая плутовка Вместе выросшая подруга моя’.

В исключительных случаях компоненты сложных слов с *кара* могут меняться местами и употребляются в притяжательной форме:

(12) <i>Карам, эргем сакты-рымда,</i> <i>Каткырымзап орган ышкаш.</i> <i>Хая көрнүп келиримде,</i> <i>Караңгыда хөлегем тур.</i>	‘Когда вспоминаю я милую, нежную [мою], Кажется, она тихо улыбается. Когда я оглядываюсь назад, Стоит моя тень в темноте.’
---	---

Это происходит для соблюдения начальной рифмы — аллитерации.

Таким образом, *кара* и *Adj/N+кара* фактически являются синонимами и в тувинских песнях целесообразно рассматривать лексему *кара* и сложные слова с компонентом *кара* как варианты одного слова. Далее, при описании синтагматических отношений, слово *кара* и производные от него языковые единицы с ласкательным значением будут обозначаться [Adj/N] *кара*.

Лексема [Adj/N]*кара* в текстах тувинских народных песен сочетается с такими частями речи как существительное, прилагательное, местоимение, глагол и причастие.

Наиболее употребительны сочетания *[Adj/N] кара* + глагол. Обнаружены примеры сочетаемости с 22 глаголами. Например:

[Adj/N]кара дезер ‘милая избегает’:

(13) <i>Кап-ла-кара менден дезер,</i> <i>Дулгуякка дужар дээн бе?</i>	‘Милая смуглянка меня избегает, Может, с вдовцом встретиться хочет?’
--	--

[Adj/N]кара уттур ‘милая забудет’:

(14) <i>Карам эжим кайыгын</i> <i>уттур, шуу</i> <i>Харында улам сакылай бээр-ле,</i> <i>шуу [20, с. 45].</i>	‘Милая подруга вряд ли забудет, шуу. Даже сильнее станет скучать, шуу.’
--	--

[Adj/N]кара ойнаар ‘милая играет’

<i>Ортун-карам ойнаар чери</i> <i>Ногаан шыктыг Боом баары.</i> [20, с. 123]	‘Место, где играет моя милая, Подножье Боома с зелеными лугами’
--	---

[Adj/N]кара(-ны) аттынманар ‘не ругайте милую’:

<i>Турган-на боттуң изиг-ле</i> <i>чүрээ —</i> <i>Дунда-карам аттынманар [21, с. 17].</i>	‘Ставшую мне горячим сердцем Милую мою не ругайте’.
---	---

Вторая по частотности сочетаемость: прилагательное/причастие + *[Adj/N]кара*, обнаружены примеры употребления с 20 различными прилагательными/причастиями:

изиг эъттиг [Adj/N]кара ‘горячая милая’:

(15) <i>Чалар от дег изиг эъттиг</i> <i>Чараш-карам үндүрүңер [21, с. 57]</i>	‘Словно жаркое пламя, горячую, Красавицу мою выводите’.
--	--

боостаазы кыңгырт кынныр [Adj/N]кара ‘звонкоголосая милая’:

(16) <i>Боостаазы «кыңгырт» кынныр</i> <i>Борбак кара уругларны.</i>	‘С голосами звенящими Круглолицые милые девчата’.
---	---

Третья по частотности сочетаемость: прилагательное *[Adj/N]кара* + существительное, обнаружены примеры употребления с 16 различными существительными:

[Adj/N]кара уруг ‘милая девушка’:

(17) <i>Баштак-кара уругларның коңгурай.</i>	‘У милых девушек-шутниц, конгурай.
<i>Бажымайлай берген чүзүл, коңгурай.</i>	Головы болят — лукавят, конгурай’.

[Adj/N]кара чаавай ‘милая невестка’:

(18) <i>Чавагазы чарнын каккан Чараш-кара чаавайны</i>	‘Чавага [ее] па лопаткам бьет У милой красавицы-невестушки’.
--	---

[Adj/N]кара хей ‘молодушка / молодец’:

(19) <i>Эр-ле кара ол-ла хейде Эвээш-биче сагыш калды.</i>	‘К этому парню-молодцу Немного чувств еще осталось.’
--	---

[Adj/N]кара(gen) кежегези ‘коса моей милой’:

(20) <i>Хеймер-карам ... кежегези</i>	‘Моей младшей милой девичья коса -
<i>Кедээ черниц пөжү-ле ийин.</i>	Словно кедр, выросший на горке’.

Последняя по частотности сочетаемость с местоимениями, всего обнаружено 6 примеров:

[Adj/N]кара мен ‘милая я’:

(21) <i>Тенек-кара мээн-биле Деңге ойнаар шааң бар бе?</i>	‘С милой плутовкою, со мною Сможешь ли ты наравне играть?’
--	---

Бодум [Adj/N]кара(м) ‘моя милая’:

(22) <i>Ортун-карам, бодум карам Оттуум, бизээм болу берген.</i>	‘Милая, моя милая Стала моим огнем и ножичком.’
--	---

Синтагматические связи слова «кара» и модели Adj/N + кара

Собрав примеры из художественной литературы методом сплошной выборки, мы выстроили синтагматическое поле «милый/ая, смуглянка» с ключевым словом кара. Лексема *[Adj/N]кара* в

зависимости от контекста становится либо именем прилагательным, либо субстантивом. Обладает экспрессивно-эмоциональной окраской. Зоны синтагматического поля сформировались в зависимости от индекса частотности сочетаний: наиболее частотные, среднечастотные и менее частотные сочетания.

Хотя с лексемой *[Adj/N]кара* сочетается большое количество глаголов, вследствие того, что тувинских народных песнях лексемой *[Adj/N]кара* называют тех, кому они посвящены – возлюбленную/ возлюбленного, молодых девушек, молодого человека, родного человека, себя, друзей – наиболее частотными являются сочетания с существительными, где *[Adj/N]кара* является прилагательным в определительных словосочетаниях. Больше всего примеров выявлено с существительными эш ‘милая подруга /милый друг’ (30 примеров), + кулугур ‘милая плутовка/ милый озорник’ (20 примеров), уруг ‘милая девушка’ (15 примеров).

[Adj/N]кара эш ‘милая подруга /милый друг’:

(23) <i>Эрге-кара эжим сенде</i>	‘К нежной, милой подруге — в тебе
<i>Эвээш-биче сеткилим бар</i> [10, с. 76].	Остались у меня еще чувства’.
(24) <i>Карам эжим ындыг хей боор,</i>	‘Милый друг мой, он такой:
<i>Каргылаарлап, хөөмейлей бээр.</i>	Каргыраа, хоомей начнет исполнять’.

[Adj/N]кара кулугур ‘милая плутовка / милый озорник’:

(25) <i>Суук-кара кулугурнуң</i>	‘У милой, стройной плутовки
<i>Сумузунга кириксээр мен</i> [8, с. 19].	В сумоне хотел бы я пожить.’
(26) <i>Каш-ла хонук чара хонмас</i>	‘На несколько суток со мной не разлучится
<i>Каш-ла-кара кулугурну.</i>	Премилая плутовка.’

[Adj/N]кара уруг ‘милая девушка/ девочка/ маленькая дочка’:

<i>Кускун кара уругларны</i>	Милых смуглых девушек
<i>Кудалаза, черле алып.</i>	Если сосватать, непременно в жены возьмешь.

<i>Ала караам огу болган,</i>	Ясных глаз моих зеница,
<i>Ачам күжүр, кайда чор сен.</i>	Отец мой милый, где ты сейчас?
<i>Анай-кара чаңгыс уруун</i>	Твоя единственная маленькая дочь
<i>Арга кезип, дилеп чор мен.</i>	По горным лесам ищу тебя

Словосочетания прилагательное *[Adj/N]кара*+существительное обозначают тех, о ком поется в песнях или к кому они обращены.

Наиболее частотными глагольными сочетаниями со словом *[Adj/N]кара* являются сочетания, где *[Adj/N]кара* является субъектом:

болчаар ‘назначать свидание’: *[Adj/N]кара* болчаар ‘милая назначает свидание’:

(27) <i>Кап-ла-карам болчаан чери</i>	‘С милой моей место свидания
<i>Ырак-даа бол, чеде бээр мен</i> [20, с. 37].	Хоть и далеко, но туда приду я.’

чаңнаар ‘показывать характер’: *[Adj/N]кара(м) чаңнаар* ‘милая заигрывает’:

(28) <i>Каттыраңнап чаңнап орап</i>	‘С улыбкой заигрывающая
<i>Кажан төрээн карам боорул?</i> [20, с. 123]	Когда же родившаяся моя милая?’

В нашей выборке обнаружено 12 примеров *[Adj/N]кара* с глаголом *сактыр* ‘вспоминать, скучать’. В большинстве из них *[Adj/N]кара* является объектом:

[Adj/N]кара(akk) сактыр ‘милая вспоминает’:

(29) <i>Анай-карам сактырымга</i>	‘Когда вспоминаю мою милую голубку
<i>Ажыг баарым эрий-ле бээр</i>	Горькая тоска моя печень растает.’
(30) <i>Эжим, карам сактырымга, шуу</i>	‘Когда вспоминаю милую подругу, шуу
<i>Иңген теве чоруу чымчак, шуу</i>	Поступь верблюдицы становится мягче, шуу.’

Примеров с глаголом *сактыр*, где *[Adj/N]кара* выступает субь-

ектом меньше:

[Adj/N]кара сактыр ‘милая вспоминает’:

(31) Сактыр болза, бодаар болза, Чарши-кара боду сактыр [20, с. 45].	‘Если вспоминает, если думает, То одна моя красавица знает.’
---	---

Указанные глаголы относятся к единицам лексического оснащения сферы любви: *болчаар* ‘назначать свидание’ – глагол поддержания контакта; *сактыр* ‘вспоминать, скучать’ – глагол психической деятельности и *чаңнаар* ‘показывать характер’ – глагол поведения.

Также частотны изафетные словосочетания по модели субстантив [Adj/N]кара + существительные:

[Adj/N]кара(м) караа ‘глаза моей милой’:

(32) Хеймер-карам ийи караа Кежээ үнген шолбан-на ийин.	‘Моей милой две очи Словно Венеры, взошедшие под вечер.’
(33) Анай-карам караа чымчак Аал ишти болуксаар мен.	‘У моего милого мягкий взгляд, Хочу быть хозяйкой его юрты.’

[Adj/N]кара (м) чажы ‘коса моей милой’:

(34) Хеймер-карам сай-ла чажы Кезек арга пөжү-ле дег.	‘Моей младшей милой девичья коса - Словно выросший в бору кедр.’
---	--

При помощи изафетных словосочетаний [Adj/N]кара+ N часто акцентируется внимание на тех деталях внешности качествах человека, которые восхваляются в тувинских лирических песнях.

Таким образом в наиболее частотной зоне отмечаются сочетания [Adj/N]кара с именами существительными и глаголами.

Среднечастотная зона, которая включает от 3 до 5 примеров сочетаемости состоит из следующих словосочетаний:

[Adj/N]кара хей ‘милый/ая молодуха/ молодец, плут/плутовка, непоседа’:

(35) Кап-ла-карам ындыг хей боор - Карангыда болчаг кылыр.	‘Моя милая такая плутовка, Что в темное время свидание назначает.’
--	--

[Adj/N]карам үндүрер ‘милую мою выпустить’:

(36) <i>Оттуг ээttiг, чылыг баарлыг</i> <i>Ортун-карам үндүрүңер.</i>	‘Страстную и добрую Возлюбленную мою выводите.’
--	---

[Adj/N]кара боду ‘милый/ая сама’:

(37) <i>Биче кара боду турда,</i> <i>Билзээн уштуп ойнаар боор бе?</i>	‘Когда черноокая сама здесь, Как же можно, снимая колечко, заигрывать с кем-то?’
---	---

[Adj/N]кара кээр/ чедип кээр ‘милый/ая придет’:

(38) <i>Кежиг аксы бо-ла черге,</i> <i>Хеймер-карам чедип-ле кээр.</i>	‘К этому месту у брода Моя милая приходит всегда.’
(39) <i>Орун-на баары, ой, чинге-ле</i> <i>черден</i> <i>Ортун-на кара, ой, келгеш-ле барды.</i>	‘У кровати, ой, на узкое место Милый мой, ой, приходил, уходил.’

[Adj/N]кара мен ‘милая / красавица я’:

(40) <i>Кап-ла-кара мээң-биле</i> <i>Кады чурттаар шааң бар бе?</i>	‘С премилою, со мною Сможешь ли ты вместе жить?’
--	---

[Adj/N]кара олуртур ‘милую посадить’:

(41) <i>Ортун-кара эжикейни</i> <i>Олуртун-ла калган-на мен.</i>	‘Любимую мою подружку, [Там] хозяйкой я оставил.’
---	--

Среднечастотная зона включает сочетания [Adj/N]кара с глаголами, с именами существительными и местоимениями.

Менее частотная зона представлена довольно широко. Со словом [Adj/N]кара определено 14 сочетаний с различными глаголами: глаголы речи *дээр* ‘говорить, сказать’, *аттынар* ‘ругать’, *бажы-майлаар* ‘жаловаться на головную боль’; глаголы интеллектуальной

деятельности *бодаар* ‘думать’, *уттур* ‘забывать’; глаголы движения *баар* ‘прийти, приехать’; глаголы состояния *болур* ‘быть, стать’, *чы-дар* ‘лежать’; глаголы социальной деятельности *дезер* ‘избегать’, *ко-зулбес* ‘не показываться’; глагол психоэмоциональной деятельности *кайгаар* ‘удивляться’; глагол созидательного действия *даараар* ‘шить’; глагол выражения эмоции *каттырар* ‘смеяться’, глагол действия развлекательного характера *ойнаар* ‘играть’. Например:

(42) <i>Ал-ла боттуң изиг-ле чүрээ</i> <i>Анай-карам аттынмаңар</i>	‘Ставшую моим горячим сердцем Любимую мою не браните.’
(43) <i>Чындыр-кара мээң эжим</i> <i>Чычыы даарап олур-ла боор.</i>	‘Томная милая подруга моя Из шёлка шьёт, сидит, наверное.’

В этой же зоне выявлено 8 имен существительных, сочетающихся с лексемой *[Adj/N]кара*. Три определительных словосочетания, называющие тех, кому посвящена песня: *эр кара* ‘удалец, молодец’, *оол* ‘мальчик, парень’, *өөр* ‘друзья’.

(44) <i>Чараш-кара Чаа-Хөл оглу,</i> <i>Чарашпайым болуруңгай.</i>	‘Красавец парень из Чаа-Холя Стал бы ты милым моим.’
---	---

Вероятно, сочетаний с этими словами мало вследствие того, что большинство песен с *[Adj/N]кара* посвящены девушкам.

Обнаружено 5 изафетных словосочетаний с существительными, которые имеют отношение к единицам лексического оснащения сферы любви: *чааккай* ‘щёчка’, *сеткил* ‘чувства’, *кежеге* ‘коса’, *орун* ‘кровать’, *хойну* ‘пазуха, бок; место рядом с возлюбленный/ой’:

(45) <i>Доңулак хараның сеткили</i> <i>База меңээ доктаады</i>	‘Милой пышечки чувства Также ко мне остались.’
(46) <i>Эрге-карам орнун тытпайн</i> <i>Эжик субап, хана суйбап</i>	‘Милой, нежной бочок отыскивая, Двери щупал, стены щупал.’

Сочетаемость *[Adj/N]кара* с именами прилагательными и причастиями также входит в менее частотную зону, при этом прилагательные выражают положительные внешние или внутренние качества того человека, которого называют словом *[Adj/N]кара*: *чалар от дег изиг эттиг чараш-карам* ‘горячая, как пламя, милая’, *ишти-хөрээ идегелдиг карам* ‘с верными чувствами милая’, *оттуг эттиг, чылыг баарлыг ортун-*

карам ‘горячая, добрая милая’, *каттырацнап чацнап ораp карам* ‘приветливо заигрывающая милая’, *чылар-чылбас чацнап ораp чындыр-кара* ‘томно заигрывающая милая’. Сочетания с причастиями выражают то, как высоко ценится человек, о котором поется в песне: *чаңгыс дуне чара хонмас чараш-кара* ‘милая, без которой невозможно провести одну ночь’, *амы-тыным чамдыы болган анай-карам* ‘голубка, ставшая частью моего существа’, *баарымның чамдыы болган баитак-кара* ‘милая шутница, ставшая частью моей печени’, *оол-ла боттуң чүрээн туткан баитак-кара* ‘милая шутница, держащая сердце парня’.

В некоторых сочетаниях [*Adj/N*]*кара* и прилагательных, имена прилагательные выражают признак или отношение предикативно: *баитак-карам ынак* ‘милая шутница любима’, *карам херек* ‘милая нужна’, *чындыр-карам хөглүг* ‘милая весела’.

В менее частотную зону сочетаемости также входит [*Adj/N*]*кара* с отрицательной частицей чок: *хеймер-кара чок* ‘милой нет’, *кускун-кара чок* ‘милой смуглянки нет’.

Заключение

Проведённый анализ лексемы *кара* в тувинской народной песенной традиции позволил выявить её ключевую роль в формировании поэтики любовной лирики. Установлено, что данная единица функционирует как многозначное прилагательное и субстантив с семантикой ‘смуглый / смуглянка’ и ‘милый / милая’, при этом демонстрируя высокую продуктивность в словообразовании. В рассмотренных народных песнях данная лексема преимущественно используется для именования девушки.

Анализ источников показал, что высокая частотность употребления характерна для сложных слов, образованных по модели *Adj/N + кара*, где семантика компонента *кара* является доминирующей. В результате производные слова наследуют ласкательный оттенок исходной лексемы, иногда дополняясь значениями первого компонента.

Словообразовательная модель *Adj/N + кара* активно используется для создания сложных слов с доминирующим ласкательным значением, что подтверждает их синонимичность базовой лексеме. Это позволило объединить их в единую группу [*Adj/N*]*кара* с обобщённой семантикой.

Синтагматический анализ выявил устойчивые сочетания с: существительными-обращениями (*эи* ‘подруга/друг’, *кулугур* ‘плутовка/плут’, *уруг* ‘девушка’), глаголами романтического дискурса (*болчаар* ‘назначать свидание’, *сактыр* ‘тосковать’), изафетными конструкциями, акцентирующими внешность (глаза, косы) и эмоции (*сеткил*).

Частотность сочетаемости распределяется по трём зонам: высокая (связь с ключевыми существительными и глаголами любовной тематики), средняя (глаголы движения и местоимения), низкая (редкие случаи с обозначением мужчин *эр* 'мужчина', *оол* 'парень') и отрицательной частицей *чок*.

Лексема *[Adj/N]кара* играет ключевую роль в тувинской народной любовной лирике, формируя устойчивый круг синтагматических связей. Интенсивность этих связей напрямую зависит от тематики песен, где преобладают мотивы восхищения внешностью и чувствами возлюбленных.

Источники:

1. Аксенов А. Н. «Тувинская народная музыка». М.: Музыка, 1964. 254 с.
2. Барыын моолда сэнгэл тываларының ырлары» (Песни цэнгэльских тувинцев Западной Монголии) / сост. Э. Таубе. Кызыл, 1995. 48 с.
3. Долгормаа Г. Ховдын тувачууд: дурсамж, зан заншил, соёл, уламжлалт үг хэллэг, толь бичиг (Ховдинские тувинцы: народная память, обычаи, культура, речь, словарь). Улаанбаатар, 2019.
4. Төрээн чурттун ырылары (Песни родного края). Кызыл: Тув. книж. изд., 1952. 58 с.
5. Тувинские народные песни и обрядовая поэзия / сост. З. К. Кыргыс. Новосибирск: Издательский дом «Сибирская горница». 432 с.
6. Тыва улустун ырылары (Тувинские народные песни) / сост. М. Мунзук, К. Мунзук, муз ред. А. Б. Чыргал-оол, ред. Ю. Ш. Кюнзегеш. Кызыл: Тув. книж. изд., 1973. 216 с.
7. Ырлажыылы (Споем вместе). Кызыл: Тув. книж. изд., 1959. 48 с.

Литература:

1. Аксенов 1964 – Аксенов А. Н. «Тувинская народная музыка». М.: Музыка, 1964. 254 с.
2. Баранмаа 2017 – Баранмаа А.Д.-Б. О составности ладовых структур тувинских традиционных песен // Новые исследования Тувы. 2017. №2. С. 14.
3. Горбунова 2012 – Горбунова Е. В. Л-С. Поле «вероятность» в английском языке // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика» № 1. М., 2012. С. 40-45.
4. Долгих 1973 – Долгих Н. Г. Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии // Филологические науки. М., 1973. № 1. С. 89-98.
5. Донорова 2024 – Донорова У.О. Тувинская песня караванщиков: от монгольских истоков и до наших дней // Языки и фольклор коренных народов Сибири

2024 № 1. С. 117-137).

6. Кан-оол 2023 – Кан-оол А.Х. Народная песня моя судьба // В сборнике: Хомей (горловое пение) - феномен культуры народов Центральной Азии. Научные доклады VIII Международного этномузыкологического симпозиума. Кызыл, 2023. С. 51-59.

7. Кошкендей 2020 – Кошкендей И.М. Лексема кара в текстах тувинских народных песен и припевок // Мир науки, культуры и образования № 3(82), 2020. С. 433-435.

8. Кыргыз 2005 – Кыргыз З.К. Тувинские колыбельные песни // Музыка и время. 2005. № 9. С. 28-30.

9. Новикова 2003 – Новикова Л. А. Современный русский язык: Учебник / Под общей ред. Л.А. Новикова. СПб.: Изд-во «Лань», 2003. 242 с.

10. Полякова 2012 – Полякова Г. М. Лексико-семантическое поле «одежда» в аспекте сопоставительной лингвокультурологии // Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика. М., 2012, № 4. С. 38.

11. Саая 2017 – Саая О.М. Язык поэтических текстов современных тувинских эстрадных песен. Новые исследования Тувы. 2017. № 2. С. 219-231.

12. Саая 2020 – Саая О.М. Лексико-семантическое поле с ядром «кара»: синтагматические отношения // Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции «Сохранение и развитие языков и культур народов Сибири». Абакан, 2020. С. 162-166.

13. Санчай 2023 – Санчай Ч.Х. Образы родной земли в музыкально-песенной культуре тувинцев. Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 80-109.

14. Семенова 2015 – Семенова Г. Н. К вопросу об идентификации сложного слова в чувашском языке // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева, 2015. № 3 (87). С. 65-71.

15. Тирон 2016 – Тирон Е.Л. Локальные особенности тувинских песен кожамык (по архивным материалам 1970-х гг. // Вопросы этномузыкознания 2016. № 1(14). С. 37-47.

16. Толковый словарь 2011 – Толковый словарь тувинского языка. Т. II: К-И / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. 599 с.

17. Тувинско-русский словарь 1968 – Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. 646 с.

18. Тыва орфографияның 1963 – Тыва орфографияның үндөзіннери (Основы тувинской орфографии) / сост. А.А. Пальмбах, З.Б. Арагачи. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1963. 86 ар.

19. Цыбенова 2023 – Цыбенова Ч.С. Семантика цветолексемы кара ‘черный’ в тувинском языке // Вестник бурятского государственного университета. Филология. 2023. № 3. С. 48-56.

References:

1. Aksenov, A. N. (1964) “Tuvinskaja narodnaja muzyka” [Tuvan Folk Music], Moscow, Muzyka, 254 p. (In Russ.).

2. Baranmaa, A. D.-B. (2017) "O sostavnosti ladovyh struktur tuvinskih tradicionnyh pesen" [On the Composition of Modal Structures in Traditional Tuvan Songs], *Novye issledovaniya Tuvy*, No. 2, pp. 14. (In Russ.). URL: [указать ссылку, если есть].
3. Gorbunova, E. V. (2012) "L-S. Pole 'verojatnost' v anglijskom jazyke" [The Field of 'Probability' in English], *Vestnik MGOU. Serija «Lingvistika»*, No. 1, Moscow, pp. 40-45. (In Russ.).
4. Dolgyh, N. G. (1973) "Teorija semanticheskogo polja na sovremennom jetape razvitiya semasiologii" [The Theory of Semantic Field at the Current Stage of Semasiology Development], *Filologicheskie nauki*, No. 1, Moscow, pp. 89-98. (In Russ.).
5. Donorova, U. O. (2024) "Tuvinskaja pesnja karavanshhikov: ot mongol'skih istokov i do nashih dnei" [The Tuvan Caravan Song: From Mongolian Origins to the Present Day], *Jazyki i fol'klor korenyh narodov Sibiri*, No. 1, pp. 117-137. (In Russ.).
6. Kan-ool, A. H. (2023) *Narodnaja pesnja moja sud'ba* [Folk Song Is My Destiny], in: *Hoomej (gorlovoe penie) — fenomen kul'tury narodov Central'noj Azii. Nauchnye doklady VIII Mezhdunarodnogo etnomuzykologicheskogo simpoziuma* [Khoomei (Throat Singing) — a Phenomenon of Central Asian Cultures. Scientific Reports of the 8th International Ethnomusicological Symposium], Kyzyl, pp. 51-59. (In Russ.).
7. Koshkendej, I. M. (2020) *Leksema kara v tekstah tuvinskih narodnyh pesen i pripevok* [The Lexeme Kara in the Texts of Tuvan Folk Songs and Refrains], *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya*, No. 3(82), pp. 433-435. (In Russ.).
8. Kyrgys, Z. K. (2005) *Tuvinskie kolybel'nye pesni* [Tuvan Lullabies], *Muzyka i vremja*, No. 9, pp. 28-30. (In Russ.).
9. Novikova, L. A. (2003) *Sovremennyy russkij jazyk: Uchebnik* [Modern Russian Language: Textbook], ed. by L. A. Novikova, St. Petersburg, Lan', 242 p. (In Russ.).
10. Poljakova, G. M. (2012) *Leksiko-semanticheskoe pole 'odezhda' v aspekte sopostavitel'noj lingvokul'turologii* [The Lexical-Semantic Field 'Clothing' in Comparative Linguoculturology], *Vestnik RUDN. Serija «Teorija jazyka. Semiotika. Semantika»*, No. 4, Moscow, pp. 38. (In Russ.).
11. Saaya, O. M. (2017) *Jazyk poeticheskikh tekstov sovremennyh tuvinskih jestradnyh pesen* [The Language of Poetic Texts in Modern Tuvan Pop Songs], *Novye issledovaniya Tuvy*, No. 2, pp. 219-231. (In Russ.).
12. Saaya, O. M. (2020) *Leksiko-semanticheskoe pole s jadrom 'kara': sintagmicheskie otnosheniya* [The Lexical-Semantic Field with the Core 'Kara': Syntagmatic Relations], in: *Materialy IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Sohranenie i razvitie jazykov i kul'tur narodov Sibiri»* [Proceedings of the 4th All-Russian Scientific-Practical Conference "Preservation and Development of Languages and Cultures of Siberian Peoples"], Abakan, pp. 162-166. (In Russ.).
13. Sanchaj, Ch. H. (2023) *Obrazy rodnoj zemli v muzykal'no-pesennoj kul'ture tuvincev* [Images of the Homeland in the Musical and Song Culture of Tuvans], *Novye issledovaniya Tuvy*, No. 1, pp. 80-109. (In Russ.).
14. Semenova, G. N. (2015) *K voprosu ob identifikacii slozhnogo slova v*

- chuvashskom jazyke [On the Identification of Compound Words in the Chuvash Language], Vestnik ChGPU im. I. Ja. Jakovleva, No. 3(87), pp. 65–71. (In Russ.).
15. Tiron, E. L. (2016) Lokal'nye osobennosti tuvinskih pesen kozhamyk (po arhivnym materialam 1970-h gg.) [Local Features of Tuvan Kozhamyk Songs (Based on 1970s Archival Materials)], Voprosy etnomuzykoznanija, No. 1(14), pp. 37-47. (In Russ.).
16. Tolkovyj slovar' tuvinskogo jazyka (2011) [Explanatory Dictionary of the Tuvan Language], Vol. II: K-I, ed. by D. A. Mongush, Novosibirsk, Nauka, 599 p. (In Russ.).
17. Tuvinsko-russkij slovar (1968) [Tuvan-Russian Dictionary], ed. by E. R. Tenishev, Moscow, Sovetskaja enciklopedija, 646 p. (In Russ.).
18. Tyva orfografi-janуң үнөdezinneri (1963) [Fundamentals of Tuvan Orthography], comp. by A. A. Pal'mbah, Z. B. Aragachi, Kyzyl, Tuv. kn. izd-vo, 86 p. (In Tuv.).
19. Cybenova, Ch. S. (2023) Semantika cvetoleksemy kara 'chernyj' v tuvinskom jazyke [Semantics of the Color Lexeme Kara 'Black' in the Tuvan Language], Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija, No. 3, pp. 48-56. (In Russ.).

Информация об авторе:

Саая Оюмаа Маадыр-ооловна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва; 667000, Россия, Республика Тыва, Кызыл, ул. Кочетова, 4, e-mail: yu5bi@mail.ru
Author ID РИНЦ 425743, ORCID: 0000-0002-3775-2391

Information about the author:

Saaya Oyumaa Maadir-oolovna, Cand.of Sci. (Philology), Leading Researcher, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva; 667000, 4 Kochetov St., Kyzyl, the Republic of Tuva, e-mail: yu5bi@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3775-2391

© Саая О. М., 2025

Научная статья

УДК 81'373.21+81'373.6

ОБ ОРОНИМЕ ТУГЛУГА И МИКРОТОПОНИМИКЕ ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

Туруп келгеш чажыым чажар
Туглуга даам, өршээ, өршээ!
(Ш. Аракчаа)

Кызыл-Маадыр А. Симчит

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, кандидат филологических наук, заведующий сектором словарей, Кызыл, Республика Тыва, Россия, kmsimchit@mail.ru

Аннотация. Ороним *Туглуга* вызывает вопросы о своем происхождении. *Туглуга* – сакральная гора, традиционно воспринимаемая как место, где каждое утро «рождается солнце», стала важной частью духовной культуры местного населения. Несмотря на её сакральное значение, название горы не зафиксировано в письменных источниках. В статье рассматриваются несколько версий происхождения этого топонима. Наиболее вероятной для исследователей представляется связь с монгольской лексемой *тугалга* – «гора свинцового цвета». Однако автор склоняется к гипотезе, согласно которой в основе названия лежит многозначное слово *толгой*, также входящее в состав топонима *Цагаан-Толгой* (тув. *Ак-Бедик*). В ходе исследования выяснилось, что слово было ошибочно интерпретировано и переведено на русский язык в тексте известной народной песни «Ореховая тайга». Настоящее исследование направлено на выявление мотивации именования горы, её связи с историческим контекстом, а также её духовно-культурного значения, которое возрастает с каждым днём и становится всё более значимым для местных жителей.

Ключевые слова: топонимика, микротопонимы, оронимы, сакральные места, этимология, тувинский язык, монгольский язык, влияние монголизмов на тувинский лексику

Для цитирования: Симчит К-М. А. Об орониме Туглуга и микротопонимике его окрестностей // Азиатские исследования: история и

современность. 2025. № 1(13). С. 80–94. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-1-13-80-94

ON THE ORONYM OF *TUGLUGA* AND MICROTOPYNYMY OF ITS SURROUNDINGS

Kyzyl-Maadyr A. Simchit

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research, Cand. of Sci. (Philology), Head of the Dictionary Sector, Kyzyl, Republic of Tuva, Russian Federation, kmsimchit@mail.ru

Abstract. The origin of the toponym *Tugluga* is controversial. This sacred mountain, traditionally perceived as the place where the sun “is born” every morning, has become an important part of the spiritual culture of the local population. Despite its sacred significance, the name of the mountain is not recorded in written sources. The article examines several versions of the origin of this toponym. The most probable version for researchers is its connection with the Mongolian lexeme *tugalga* – “mountain of lead color.” However, the author leans towards the hypothesis that the name is based on the polysemous word *tolgoy*, which is also found in the toponym *Tsagaam-Tolgoy* (In Tuvan *Ak-Bedik*). During the research, it was discovered that the word had been mistakenly interpreted and translated into Russian in the text of the well-known folk song “The Nut Forest.” This study aims to identify the motivation behind the naming of the mountain, its connection to the historical context, and its spiritual and cultural significance, which grows with each passing day and becomes increasingly important for the local population.

Keywords: toponymy, microtoponyms, oronyms, sacred places, etymology, Tuvan language, Mongolian language, the influence of Mongolisms on Tuvan vocabulary

For citation: Simchit, K-M. A. (2025) “On the Oronym of *Tugluga* and Microtoponymy of Its Surroundings” // *Asian Studies: History and Modernity*, no 1(13), p. 80–95. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-1-13-80-94

Введение

Гора *Туглуга* находится к северо-востоку от сумона Самагалтай. Священная гора своей вершиной и мощью стоит так, как будто мать обнимает дитя, препятствуя ветру и молний оберегая село Самагалтай от всяких стихийных бедствий и черных сил. На другой стороне горы – зеленый лес, а вокруг горы в необычной красоте расположены чабанские осенние и зимние стоянки. В первый день белого месяца праздника

Шагаа у подножия горы мужское население сумона совершает обряд «Сан салыр». Женщины, по утрам брызгая свежесваренный чай с молоком, молятся в сторону горы, молятся, желая всего наилучшего своим родным. Своей земле». Так красочно описана данная гора в Интернет-энциклопедии, которую мы процитировали здесь без изменений. К сожалению, автор не упомянут.

Туглуга представляет собой не часть протяжённого хребта, а выступающую, относительно невысокую отдельную гору³. С задней стороны она соединяется (через гору Аргалыг-Семис-Тей) с хребтом Танну-Ола. При этом остаётся открытым вопрос: входит ли Туглуга в систему Восточного Танну-Ола, образуя её самую восточную точку? Или же это самая западная точка хребта Хорумнуг-Тайга, который близок к Восточным Саянам? Северо-восточный склон горы покрыт лесной растительностью, тогда как юго-западный склон (со стороны Монголии) является безлесным. Это как бы лицевая сторона горы. С западной (правой) стороны горы протекают речка Дыттыг-Хем, а с южной (левой) стороны речка Холь-Оожу (тув. Хөл-Өөжү), которые сливаются внизу, образуя своеобразный треугольник, вблизи которого располагается с. Самагалтай.

Общеизвестно, что гора Туглуга входит в топонимическую систему Самагалтая. Вероятно, некогда безымянный автор народной песни «Самагалдай», находясь на вершине *Туглуга*, воспевал окрестности Самагалтая, выделяющиеся внизу. С определённой долей уверенности можно утверждать, что для жителей Самагалтая эта гора имеет не просто географическое, но и сакральное значение. Это объясняется тем, что именно за ней происходит восход солнца, что наделяет её священным статусом. Почитание солнца, которое сохраняется в культуре тувинцев по сей день, естественным образом распространилось и на почитание горы, которая, словно каждое утро рождает солнце. Вот так поэтически обращается⁴ к данной горе жительница (Баазан Кыстай Ян-ооловна) с. Самагалтай:

Туглугам	Туглуга моя
Эртен эрте туруп келгеш	ано поутру проснувшись
Чажым чажар Туглугам	Совершаю свой чажыг

³Вершина горы – 2289 м над уровнем моря (По информации Аян В. Ланаа).

⁴Баазан К.Я. «Туглугам» // Газета «Самагалдай», №3 (215), 29 марта 2019 г. – 6-я стр.

Эгээртинмес байлакшылдыг	Неисчерпаемых сокровищ
<i>Чурумалдыг Туглугам.</i>	<i>Ты полна узорчатая</i>
<i>Бурун шагдан ада-өгбөм</i>	<i>Предки испокон веков</i>
<i>Буянный деп ыдыктап каан</i>	<i>Благодатным нарекли</i>
<i>Буян-кежик үзүлбөс</i>	<i>Дары свои о непрерывны</i>
<i>Бурган болган Туглугам.</i>	<i>Божество моя ты, Туглуга.</i>
<i>Артын-иштин аалдар чайлаар</i>	<i>В летних стойбищах твоих</i>
<i>Азыраан // Арбын малы</i> <i>дешкилешкен,</i>	<i>Поголовья резвятся</i>
<i>Ажы-төлү кадын каттаар</i>	<i>Ягод дар собирают дети</i>
<i>Авыралдыг Туглугам.</i>	<i>С благодарностью тебе</i>
<i>Өлчөй кежим, чаялгам</i>	<i>Мой творец ты и создатель</i>
<i>Өөрүшкүм, ынакшылым,</i>	<i>Радость и любовь моя</i>
<i>Чүрээм-биле ханым тудуш</i>	<i>С сердцем, кровью неразрывны</i>
<i>Чүдүлгелиг Туглугам.</i>	<i>Верую тебе, моя Туглуга!</i>

Название *Туглуга* не зафиксировано ни в «Топонимическом словаре Тувы» Б.К. Ондара [ТопСТ 2007], ни на «Old Maps of Tuva» японского автора Todoriki Masahiko [Todoriki 2008-2009]. Отсутствуют подобные названия также в «Mongolische Ortsnamen aus Mongolischen Manuskript-Karten Zusammenestellt von Magadbürin Haltod» («Монгольские топонимы, собранные из монгольских рукописных карт Магадбүрэн Халтод»), которые также охватывают территорию Тувы [Haltod 1966]. Оно также отсутствует в известных сборниках «Кыс-Халыыр» («Девичья скала») [Кыс-Халыыр 1996] или «Тыва улустун мифтери болгаш тоолчургу чугаалары» («Тувинские мифы и легенды») [Арапчор 1995], в которых имеются также народные предания и легенды о названиях тех или иных мест в Туве. С надеждой найти хоть какую-нибудь информацию по названию горы Туглуга мы обратились к художественной литературе, описываемые события в которых происходит в этих местах. Это известные романы «Арзылаң-Күдерек» Б. У. Иргит [Иргит 2019] и «Кайгал» Б-Б. Н. Тараачы [Тараачы 2017]. В первом из них данный топоним не упоминается. А во втором романе

название Туглуга встречается несколько раз. Но тем не менее, это не предоставило значимой информации по этимологии исследуемого топонима.

Название «Туглуга» является устоявшейся и письменно закреплённой формой на сегодняшний день. Однако в недавнем прошлом в устной речи местных жителей название этой горы варьировалось: *Туглуга – Тугулга – Туулга* и др. Например, автор знал эту гору как *Тугулга* и был в свое время несколько удивлен современной формой передачи – *Туглуга*. В рамках настоящего анализа мы ограничимся рассмотрением формы *Туглуга*.

По нашему мнению, долгое время гора Туглуга оставалась как бы в тени своего более величественного соседа – горы *Хайыракан*, древнее название которого – *Амбын-Хайыракан*⁵. Все ритуальные и культовые обряды, связанные с календарными циклами, население проводило либо вблизи *Амбын-Хайыракан*, либо в её честь. Тем не менее, без сомнения, часть местных жителей глубоко почитала гору Туглуга с древности. В 1773 году у подножия *Туглуга* был основан Самагалтайский монастырь. Это значит, что часть населения – духовенство, переходит к оседлому образу жизни. (Полный переход местного населения к оседлости завершился уже в советский период в середине XX века.) В этом контексте исторических событий, мы предполагаем, что в отношении оседлых жителей к окружающей их действительности произошли изменения: их внимание и интерес к ранее «второстепенным» природным объектам повысилась и продолжает расти сейчас.

Целью статьи является попытка установить этимологии тувинского оронима Туглуга. В задачи исследования входят анализ версий происхождения данного термина. Методами работы послужили сравнительно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы и метод описания.

Поиск этимологии оронима Туглуга: анализ версий

Название Туглуга связать с каким-нибудь тувинским словом затруднительно, приходится обращаться к языкам соседних этносов. В первую очередь, это, конечно, монгольский язык. Отсутствие не только самого топонима в различных вариантах в каких-либо письменных источниках, но и какого-либо связанного фольклорного нарратива значительно затрудняло работу. Чтобы наметить путь для дальнейшего изучения, мы решили выяснить возможные варианты его употребления

⁵В XX веке эту гору всё чаще стали называть Улуг-Хайыракан, т.к. имеется также Биче-Хайыракан.

через устную речь. Для этого мы предложили проговорить название «Туглуга» носителям монгольского языка. Опираясь на созвучие, фонетическое сходство или ассоциации с известными им словами, они высказывали свои интерпретации. Затем мы проверяли эти интерпретации, обращаясь к различным лексикографическим базам данных монгольского языка, включая четырехтомный Большой академический монгольско-русский словарь [БАМРС 2001-2002] и онлайн-платформу Института языка и литературы Монгольской академии наук (<https://mongoltoli.mn>).

1) *Тулга*(н) монг. ‘таган’. TULγA (tul-γa) халх., бур. *тулга*, калм. *тулһ*; даг. *туалаг* столб; подпорка, таган. ◇ → Кирг. *тулга* таган-треног, эвк. *турга* подпорки, подставка [ЭСМЯ 3, 180]. Также в алтайском языке *тулга* ‘очаг’ [АлтРС 2018, 706], а также в кыргызском языке *тулга* ‘таган-треног’; *таш тулга* ‘очаг, сложенный из камней’ [КирРС 1985, 265].

2) *Дуулга* монг. ‘шлем’. Имеется в кыргызском языке *туулга* ист. ‘шлем, каска, шишак’; [КирРС 1985, 273] и в форме *дулыга* ‘боевой шлем’ в казахском языке [ККЭС 2017, 284].

Неужели название этой горы возникло на основе принципа уподобления (метафоры), отражающего внешнее сходство горы с треножником (или боевым шлемом)? В таком случае в памяти народа должна была сохраниться какая-либо легенда, объясняющая это сравнение. Однако, повторимся, нам такие предания, к сожалению, неизвестны.

3) Кроме этих двух слов в монгольском языке имеется и другое близкое по форме слово *тугалга* монг. ‘свинец’. TUγULγAN халх. *тугалга*, бур. *туулган* свинец [ЭСМЯ 3, 179]. Данное слово в тувинском языке не зафиксировано. Вместо него используется другое монгольское заимствование – *коргулчун* (монг. *хорголж(ин)*), также обозначающее ‘свинец’ [ТРС 1968, 252].

О самой горе *Туглуга* пока нет достоверных данных, однако в соседних горах обнаружены залежи известняка, где местами выступают светло-серые известковые груды. Например, неподалеку расположена гора Чугайлыг-Даг ‘букв. гора с известью’. Из металлургии известно, что при производстве свинца активно используется известь. Тем не менее, археологические сведения о свинцовых копях в этих местах отсутствуют. Наиболее вероятной для исследователей представляется, что именно белизна известковых пород послужила причиной использования слова для цветового обозначения, например, чтобы описать блеск, напоминающий свинцовый или оловянный оттенок. В

первоначальный период это значение использовалось для обозначения цвета гор – ‘свинцовые горы’ (монг. *тугалган уул*), или более точно, ‘горы свинцового цвета’ (монг. *тугалган энгэтэй уул*). Со временем данный определитель, немного изменившись в форме, закрепился как собственное название этой горы.

Этимологическая реконструкция от монгольского «толгой»

Однако, по нашему мнению, в основе происхождения данного топонима лежит многозначное монгольское слово *толгой* (в нашем случае – ‘возвышенность или вершина’), также встречающееся в некоторых тюркских языках.

«*Тологой* (бур. *Толгой*) ‘голова’. Это широко распространенное в Бурятии название носят сопки, отдельно стоящие небольшие горы, которые резко выделяются среди окружающей местности; иногда так называются резко выделяющиеся горные вершины. Это монголоязычное название встречается в Казахстане» [Мельхеев 1969, 158]. «*Толагай* – назв. куполовидных гор в различных районах республики (Казахстана – КМ). Толагай, как правило, одинокие горы, о чем красноречиво говорит название одного из «толагаев»: *Жетимтолагай* ‘букв. Толагай-сирота’. Значение слова *толагай* не очень ясно [Койчубаев 1974, 220-221]. В западномонгольских диалектах: в ойратский вариант – *толхаа*, в калмыцкий – *толха* [Омакаева 2014, 5]. Подобный топоним встречается и у алтайцев. В «Энциклопедии названий мест Горного Алтая» О. Т. Молчановой зафиксирован топоним *Толокой* (также известный как *Толгой*, *Толо-Кой*), сопровождаемый оригинальной интерпретацией. Для выявления значений лексем автор приводит сопоставления с другими тюркскими и монгольскими языками [Молчанова 2018, 231].

В Юго-Восточной Туве, на границе с Монголией, известна местность Цагаан-Толгой, одним из компонентов которой является объект нашего исследования – *толгой*. Сочетание Цагаан-Толгой, как мы считаем, можно перевести на тувинский язык как Ак-Бедик. По сути, это прямая калька с монгольского (или наоборот). В Туве гор с подобным названием несколько. Вот так описывает название данных гор Б. К. Ондар: Ак-Бедик – горы в Каа-Хемском, Овюрском, Тес-Хемском и Дзун-Хемчикском районах. Ак ‘белый, чистый; священный’, бедик ‘высокий, высоко; возвышенность, гора’. Компонент *ак* в орониме Ак-Бедик имеет оценочное значение: ‘хороший, прекрасный’, т.е. белая (хорошая) высокая гора, высота, вершина. Горы Ак-Бедик считаются священными. К примеру, о горе Ак-Бедик вблизи пос. Берт-Даг в Тес-

Хеме К. Кыргыз пишет: «Богата Тува священными горами. Одна из них – гора Ак-Бедик в Берт-Даге. Гора эта настолько величественна и опасна, что люди боятся подниматься на нее. Они молятся у ее подножия, омывая лицо и руки целебной водой – аржааном, источник которого сочится из недр горы. С южной стороны гора совершенно голая, но ее обратный склон порос лесом, девственной тайгой. По ней не ступала нога человека, поскольку издевле шаманы запретили это делать земным существам» [ТопСТ 2004, 39-40]. Возможно, в мотивировке употребления ак лежит предполагаемая белизна известковых пород. Если же известковые породы отсутствуют, то это может быть связано с сакральным значением символики *ак* – ‘священность’. Данная гипотеза представляет собой отдельную большую тему, требующую комплексного исследования.

При этом, именно значение *бедик* ‘высокий, высоко; возвышенность, гора’ зашифрована в форме *долгай*, которая, как оказывается, давно имеется в обиходе тувинском языке. Данное слово мы обнаружили в народной песне «Тооруктуг долгай таандым» («Ореховая тайга»). Первая строка так и начинается: «Тооруктуг долгай тандым» ‘С кедровыми орехами уступчатая танды моя’. Здесь слово *долгай* переведено как ‘уступчатый (со склонами)’ [Аксенов 1964, 90]. В словаре *долгай* перевоится как ‘скрученный (о стволе дерева)’ (ТувРС 169), выводится от общетюркской основы *долга-* ‘крутить, вертеть’, что ошибочно.

Однако, как мы считаем, *долгай* в песне это чисто монгольское слово *толгой* в адъективном значении ‘возвышенный, высокий (объект)’. И таким образом, в песне поется, про ореховую высокую танды (тайгу). Если монг. *толгой* употребляется в контактной, билингвальной зоне, то в тувиноязычной среде эквивалентом его выступает тувинское *бедик*. Это пример тюрко-монгольской параллели.

Долгай танды = *долгай даг* > *Туглуга даа*

Далее мы раскрываем предполагаемую версию генезиса названия *Туглуга* от слова *толгой*. Здесь аффикс **-гой*, мы считаем, выступает ключевым элементом в генезисе оронима *Туглуга*. А именно в многозначном монгольском слове *толгой* ‘возвышенность’ или ‘вершина’ аффикс **-гой* трансформировался в долгую гласную. Известно, что для монгольских языков характерен процесс трансформации древнего суффикса *-ей* (**-ei*) в долгую гласную [Хабтагаева 2016, 84].

На каком-то этапе, по пока не выясненным причинам, в середине

основы произошла метатеза. Предположительно, это явление связано с эмфатическим ударением аффикса **-гой*, которое, вероятно, добавляло слову особую стилистическую или эмоциональную окраску, особенно в контексте ритуальных песнопений, обращений. Если бы метатеза не затронула слово **толгогой*, то возникла бы лишь вторичная долгота, аналогичная форме **толгоой*. Однако, чтобы избежать такой трансформации, на границе первого и второго слогов произошла перестановка звуков. Именно влияние аффикса **-гой* определило современный облик слова *туглуга* (или **тоглого*).

Аффикс *-гой* имеет разные фонетические (или семантически близкие) варианты (*-гой*, *-кой*, *-ой*, *-ай*, *-най*, *-май* и др.). Этот аффикс характерен для тюрко-монгольских языков в целом, используется для образования уменьшительно-ласкательных форм. Он присоединяется к существительным, прилагательным и другим частям речи, придавая им более мягкое, доброжелательное или ласковое значение. В застывшей форме данный суффикс встречается во многих антропонимах, особенно в женских именах, таких как *Бичекей*, *Чечекей*. Кроме того, он широко представлен в топонимии.

В этом плане, т.е. с точки зрения аффикса топоним **Тоглогой* близок к другому известному тувинскому топониму *Межегей*. Где мы также видим подобный аффикс. И который придает уменьшительно-ласкательное значение к основе **меже*, имеющей также твердояркий вариант **мажа*, со значением 'холм, сопка' (ср. *мажалык*), который в чистом виде, т.е. без аффиксов, в тувинском языке не встречается. В «Топонимическом словаре Тувы» указывается, что аффикс *-гей* в топониме *Межегей* имеет уменьшительно-увеличительное значение [ТопСТ 2004, 137].

Таким образом, мы имеем следующую схему: *Толгой* > *тоглой* > *тогло(й)* + *-гой* > *тоглого(й)* // *тоглого́*. Примечательно то, что все вышеуказанные изменения происходили не в тувинской речи, а в монгольскоязычной среде, причем исключительно в устной форме. Либо же они наблюдались в билингвальной среде, где доминировала именно монгольская речь.

Особенности адаптации названия Туглуга в тувинском языке

Дальнейшие изменения, возможно, происходили уже в тувинской речи, где полное название на сегодняшний день звучит как *Туглуга даа*⁶.

6 От *Туглуга даг+ы*, где *даг* 'гора' в притяжательном значении, по-русски «гора местности Туглуга».

При этом фонетический вариант **тоглого́* в тувинской языковой среде не подходит, поскольку он контаминируется с основой тувинского глагола *тогла-*, означающего: 1) крошиться; 2) сыпаться; 3) изнашиваться (об одежде) [ТРС 1968, 414], что могло бы вызывать семантический диссонанс, никак не связанный с возвышенностью, с горами. При этом предполагаемое слово, согласно орфоэпическим нормам тувинского языка, могло бы произноситься как **тоглага*.

Вместо этого стало произноситься на *-у-* в первом слоге, который далее повлиял на последующие слоги, типа *туглуга*. Смещение лабиализованных (огубленных) *-о-* в первом слоге на *-у-*, возможно, объясняется сближением *туглуга* с глаголом дуглаар ‘закрывать, прикрывать, заслонять’ со многими производными [ТРС 1968, 180]. Ведь самагалтайцы поклоняются этой горе потому, что *Туглуга* «как будто мать, обнимающая дитя, полностью прикрывает Самагалтай, препятствуя ветру и молний оберегая от всяких стихийных бедствий и от черных сил». Но это, подчеркнем, уже современная, как бы народная интерпретация.

Изначально присмотреться к версии **тоглого* (~*туглуга*) нас подтолкнуло созвучное тувинское слово *дуглаг*, означающее ‘закрытое или прикрытое место’, а также ‘верх чего-либо’ (например, крышка казана). Во втором значении это слово сближается с одним из значений монгольского слова *толгой* ‘голова, макушка’. Слово *дуглаг* также встречается в других тюркских языках Южной Сибири. Например, в хакасском языке существует слово *тулгаг* ‘препятствие, запруда, заграждение’ [ХРС 2006, 675]. Производные формы в тувинском языке наглядно демонстрируют весь семантический спектр, лежащий в основе мотивации данного обозначения: *дуглаглыг* 1) закрытый; прикрытый; 2) засланённый; 3) перегороженный, загороженный; 4) забитый, заделанный, заткнутый [ТРС 1968, 180].

К слову, согласно данным Б.И. Татаринцева, основа данного глагола, имеет не монгольское, а тюркское происхождение: *дуг*, *туг* диал. ‘закрытый, заваленный вход в нору; крышка’; *дугла-* закрывать, прикрывать, заслонять; перегораживать; забивать, затыкать, заделывать’ [ЭСТувЯ 2, 254-255].

Что касается начальных *т-* и *д-*. Отметим, что в латинизированный период тувинской письменности рассматриваемые слова передавались с использованием буквы *т-*. Например, *tuglaar* (*tugla*) ‘закрывать, запирать, покрывать’ [Тойул 1932, 180]; *tolgaar* (*tolga*) ‘крутить, вертеть’; *tolgaj* ‘ломаный’ [Тойул, 175], которые на сегодня в письме передаются

через д-. Однако многие топонимы (напр. Тоора-Хем, Ак-Туруг) до сих пор сохраняют традиционное написание, характерное для латинизированного периода.

Микротопонимика окрестностей Туглуга

Если макротопонимика Тувы, можно сказать, в целом зафиксирована, то микротопонимический слой до сих пор остается недостаточно изученным. В рамках нашего исследования мы собрали названия более или менее значимых географических объектов, расположенных в окрестностях горы Туглуга:

1. Адыглыг-Өзен (из художественной литературы)
2. Адыр-Тей
3. Ак-Бедик // Ак-Хая
4. Амбын-Туглуга (кыштаг, зимовка)
5. Ара-Хонаш
6. Белдирлиг (Улуг-Белдирлиг, Биче Белдирлиг)
7. Биче-Ажык (урочище)
8. Биче-Семис-Тей
9. Богача (тей)
10. Боомнар (Алдыы-Боом, Ортаа-Боом, Үстүү-Боом)
11. Бөрүлүг (речка)
12. Даштыг-Тей
13. Кара-Хөл
14. Көшкелиг
15. Кудуктуг-Хем
16. Кускуннуг-Хем
17. Кызыл-Даг
18. Кызыл-Колду (кыштаг, зимовка)
19. Малгаштыг
20. Мурнуу-Ажык
21. Оргу
22. Орта-Семис-Тей
23. Сайыр-Бажы-Даг
24. Сарыг-Сиген (кыштаг, зимовка)
25. Соңгу-Ажык
26. Тарбаганныг-Каът
27. Теректиг-Сайыр (речка)
28. Узун-Сайыр
29. Улуг-Ажык (ложбина, речка)
30. Улуг-Семис-Тей

31. Хараал-Тей (Үстүү Хараал-Тей, Алдыы Хараал-Тей)
32. Ховужук
33. Хөл-Өөжү (речка)
34. Чоткан баткан чер
35. Чугайлыг-Даг
36. Чээрэн-Арт
37. Шиви-Кудуруу (речка)
38. Ширээ-Даш

Данный список не претендует на полноту. Безусловно, существуют и другие географические объекты со своими названиями. Как вы могли заметить, микротопонимика окрестностей *Туглуга* вполне понятна и преимущественно имеет тувинское (тюркское) происхождение. Структурно большинство из них имеет описательный характер, где название местности сочетается с географическими аппелятивами. При этом значимые географические объекты (высокие горы, реки) сохранили свои древние монгольские названия или омонголизированные тюркские названия.

Заключение

В первой половине средневековья после древних тюрков (уйгуров, кыргызов), можно предположить, что в данной местности стали преобладать монголоязычные этносы. Однако позже они были постепенно вытеснены, этот процесс завершился окончательно в период маньчжурской экспансии. Предки тувинцев, заселившие эти территории, с незначительными изменениями переняли названия более значительных объектов макротопонимики, в то время как менее значимые объекты описывали средствами родного языка по их каким-либо признакам (внешней форме).

Даже если наше предположение о происхождении оронима *Туглуга* от монгольского слова *толгой* окажется ошибочным, в процессе наших изысканий мы обнаружили неоспоримую параллель между монгольским топонимом *Цагаан-Толгой* и тувинским *Ак-Бедик*. Кроме того, мы выявили ошибку в переводе текста тувинской народной песни «Тооруктуг долгай тандым» («Ореховая тайга»). Лексема *долгай* в тувинском языке может быть монголизмом с адъективным значением 'высокая' или 'величественная' или тувинским (тюркскими) наречием со значением 'скрученно' или 'уступчато'.

Кроме того, интересно отметить, что в Туве существует две горы с одинаковым названием – *Туглуга*. Одна из них, которую мы уже рас-

смотрели, расположена в юго-восточной части Тувы, в окрестностях Самагалтая. Другая гора Туглуга находится в западной части республики, в Дзун-Хемчикском районе, примерно в 10 километрах западнее Чыргакы.

Что скрывается за этим омонимичным названием? Было ли название перенесено с одного места на другое? Название которой из них является первичным? Похожи ли обе горы внешне? Существуют ли связанные с ними легенды или предания? Эти вопросы остаются пока открытыми и ожидают дальнейшего исследования. В связи с этим представляет также особый интерес геологический состав этих гор. Имеются ли в окрестностях второй горы известковые залежи? Если подтвердится наличие таких залежей, то первая версия происхождения названия – «свинцовые горы» – станет практически неоспоримой.

Мы надеемся, что сравнительный многоаспектный анализ обеих гор с одинаковым названием позволит глубже понять мотивацию их именования, связь с историческим контекстом, а также возрастающее культурно-историческое значение, которое они приобретают для местных жителей. Это исследование является первой попыткой анализа оронима Туглуга, которая станет основой для дальнейших изысканий.

Источники:

1. АлтРС 2018 – Алтайско-русский словарь. Отв. ред. А.Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018, 936 с.
2. БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001-2002.
3. ККЭС 2017 – Краткий казахский этнографический словарь на 6 языках / А.Қ. Құсайынов, Ә.Жүнісбек, М.Х. Жакыпов. Алматы: «Rond&A» баспасы, 2017, 304 б.
4. Койчубаев 1974 – Койчубаев, Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата, 1974, 275 с.
5. Молчанова 2018б – Молчанова, О.Т. Энциклопедия названий мест Горного Алтая. В 2-х т. Т. II Л–Я. Щецин, 2018б, 506 с.
6. Тойул 1932 – Тувино-русский словарь (Тыва-орустун тойул пижии) / под ред. Арцыбашевой. Кызыл, 1932, 200 с. (на латинице).
7. ТопСТ 2004 – Топонимический словарь Тувы, сост. Б.К. Ондар. Кызыл, 2004, 256 с.
8. ТРС 1968 – Тувинско-русский словарь / Под ред. Э.Р.Тенишева. М.: СЭ, 1968, 648 с.
9. ХРС 2006 – Хакасско-русский словарь / под общ. ред. О.В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006, 1111 с.

10. ЭСМЯ III – Санжеев, Г.Д., Орловская, М.Н., Шевернина, З.В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3-х т. / Гл. ред. Г.Д. Санжеев, М.: ИВ РАН, 2018, Т.III. Q-Z. 240 с.

11. ЭСТувЯ II – Этимологический словарь тувинского языка / Б.И. Татаринцев. Новосибирск: Наука, 2002. Т.2. Д-Й, 388 с.

Литература:

1. Аксенов 1964 – Аксенов, А.Н. Тувинская народная музыка. М.: Музыка, 1964, 254 с.
2. Арапчор 1995 – Тыва мифтер болгаш тоолчургу чугаалар. / А.Д. Арапчор чыып тургускан. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. 1995, 144 ар. (на тув. яз.).
3. Иргит 2019 – Иргит, Б.У. Арзылаң-Күдерек / Романнар, чечен чугаалар, тоолдар. Кызыл: Национал школа хөгжүдөр институт, 2019, 656 ар.
4. Кыс-Халыыр 1996 – Кыс-Халыыр: Тыва улустуң тоолчургу болгаш төөгү чугааларының чыыжызының катап үндүрүлгези / Куулар Д.С., Куулар Ч.Ч. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1996, 164 с. (на тув. яз.)
5. Мельхеев 1969 – Мельхеев, М.Н. Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических названий. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1969, 187 с.
6. Омакаева 2014 – Омакаева, Э.У. «К характеристике общего тюрко-монгольского лексического фонда калмыцкого языка и западномонгольских ойратских говоров: сравнительно-сопоставительный анализ» / «Интернет-журнал «Мир науки», Выпуск 4 – 2014 (обращение: 25.02.2025).
7. Тараачы 2017 – Тараачы, Б.-Б.Н. Кайгал (Удалец), Кызыл: Тываның Ю.Ш. Кюнзегеш аттыг ном үндүрер чери, 2017, 452 ар. (на тув. яз.)
8. Хабтагаева 2016 – Хабтагаева, Б. О монгольских элементах в тувинском языке / Лингвистический журнал «Родной язык», № 1(4). Москва, 2016, сс. 77-111.
9. Haltod 1966 – Mongolische Ortsnamen aus Mongolischen Manuskript-Karten Zusammengestellt von Magadbüirin Haltod // Монгольские топонимы, собранные из монгольских рукописных карт Магадбюрэн Халтод. Wiesbaden 1966. (на нем. яз.)
10. Todoriki 2008-2009 – Todoriki, Masahiko. Old Maps of Tuva. В 2-х т. Tokyo, V 1. 2008, 297 p.; V 2. 2009, 223 p. (на англ. яз.).

References:

1. Aksenov, A.N. Tuvinskaya narodnaya muzyka [Tuvan Folk Music], Moscow: Muzyka, 1964, 254 p. (In Russ.).
2. Habtagaeva, B. O mongol'skih elementah v tuvinskom yazyke [On Mongolic Elements in the Tuvan Language] / Linguistic Journal "Native Language," No. 1(4). Moscow, 2016, pp. 77-111. (In Russ.).
3. Irgit, B.Y. Arzylyan-Kuderek [Lion Kuderek] / Novels, Stories, Fairy Tales, Kyzyl, 2019, 656 p. (In Tuv.)
4. Kys-Halyyr [Maiden's Cliff] / Comp. by Kuular D.S., Kuular Ch.Ch. Kyzyl, 1996,

164 p. (In Tuv.)

5. Mel'heev, M.N. Toponimika Buryatii. Istoriya, sistema i proiskhozhdenie geograficheskikh nazvanij [Toponymy of Buryatia: History, System, and Origin of Geographical Names], Ulan-Ude, 1969, 187 p. (In Russ.).

6. Mongolische Ortsnamen aus Mongolischen Manuskript-Karten Zusammengestellt von Magadbürin Haltod // Монгольские топонимы, собранные из монгольских рукописных карт Магадбүрэн Халтод. Wiesbaden 1966. (In Germ.).

7. Omakeeva, E.U. «K harakteristike obshchego tyurko-mongol'skogo leksicheskogo fonda kalmyckogo yazyka i zapadnomongol'skih ojratskih govorov: sravnitel'no-sopostavitel'nyj analiz» [On the Characteristics of the Common Turkic-Mongolic Lexical Fund of the Kalmyk Language and Western Mongolian Oirat Dialects: A Comparative Analysis] / Internet Journal 'World of Science', Issue 4 – 2014 (accessed: February 25, 2025). (In Russ.).

8. Taraachy, B.-B.N. Kajgal [Brave man], Kyzyl, 2017, 452 p. (In Tuv.).

9. Todoriki, Masahiko. Old Maps of Tuva. В 2-х т. Tokyo, Т 1. 2008, 297 p.; Т 2. 2009, 223 p. (In Engl.).

10. Tyva mifter bolgash toolchurgu chugaalar (Тувинские мифы и легенды) [Tuvan Myths and Legends] / Comp. by A.D. Arapchor, Kyzyl, 1995, 144 p. (In Tuv.)

Информация об авторе;

Кызыл-Маадыр А. Симчит, кандидат филологических наук, заведующий сектором словарей Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва; 667000, Россия, Республика Тыва, Кызыл, ул. Кочетова, 4, e-mail: kmsimchit@mail.ru

Author РИНЦ ID: 967502, ORCID 0000-0003-0843-9985

Information about autor:

Kyzyl-Maadyr A. Simchit, Cand. of Sci. (Philology), Head of the Dictionary Sector, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva; 667000, 4 Kochetov St., Kyzyl, the Republic of Tuva, e-mail: kmsimchit@mail.ru

ORCID 0000-0003-0843-9985

© Симчит К-М. А., 2025

Научная статья
УДК 811.512.156

АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ИМЕННЫМ СКАЗУЕМЫМ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Чойган Г. Ондар

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, кандидат филологических наук, научный сотрудник, Кызыл, Республика Тыва, Россия, choygandi@mail.ru

Салбак Р. Чалбак

Тувинский государственный университет, студент, Кызыл, Республика Тыва, Россия, salbakcalbak@mail.ru

Аннотация. Коммуникативная структура предложения в тувинском языке остаётся практически неизученной областью лингвистики, несмотря на её важность для понимания функционально-прагматических особенностей языка. В данной статье приводится системный анализ актуального членения предложений с именным сказуемым на материале художественных текстов и газетных статей. Особое внимание уделяется способам выражения темы и ремы, порядку слов, а также роли частиц в оформлении коммуникативной перспективы высказывания. Проведённое исследование позволяет выявить специфику функционирования именного сказуемого в различных коммуникативных контекстах, что вносит вклад не только в изучение тувинского синтаксиса, но и в типологию тюркских языков. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших работах по грамматике, дискурсивному анализу и преподаванию тувинского языка.

Ключевые слова: актуальное членение, тема, рема, предложения с именным сказуемым, тувинский язык

Для цитирования: Ондар Ч. Г., Чалбак С. Р. Актуальное членение

предложения с именным сказуемым в тувинском языке // Азиатские исследования: история и современность. 2025. № 1(13). С. 95–104. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-1-13-95-104

THE ACTUAL DIVISION OF SENTENCES WITH A NOMINAL PREDICATE IN THE TUVAN LANGUAGE

Choigan G. Ondar,

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (Philology), Researcher, Kyzyl, Republic of Tuva, Russia, choygandi@mail.ru

Chalbak R. Salbak,

Tuvan State University, student, Kyzyl, Republic of Tuva, Russia, salbakchalbak@mail.ru

Abstract. The communicative structure of a sentence in the Tuvan language remains an almost unexplored area of linguistics, despite its importance for understanding the functional and pragmatic features of the language. This article provides a systematic analysis of the actual division of sentences with a nominal predicate based on the material of literary texts and newspaper articles. Special attention is paid to the ways of expressing themes and rhymes, the order of words, as well as the role of particles in shaping the communicative perspective of an utterance. The conducted research makes it possible to identify the specifics of the functioning of the nominal predicate in various communicative contexts, which contributes not only to the study of Tuvan syntax, but also to the typology of Turkic languages. The results of the investigation can be used in further work on grammar, discursive analysis and teaching of the Tuvan language.

Keywords: actual division, theme, rhyme, sentences with a nominal predicate, Tuvan language

For citation: Ondar, Ch.G., Chalbak, S.R. (2025) “The Actual Division of a Sentence With a Nominal Predicate in the Tuvan language” // Asian Studies: History and Modernity, no.1(13), p 95–104. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-1-13-95-104

Введение

В тувиноведении тема актуального членения предложения

является недостаточно разработанной. Между тем анализ актуального членения предложений на материале отдельных синтаксических моделей имеет большое значение для понимания соотношения между формально-грамматической и коммуникативной структурами предложения. Целью данной работы является описание особенностей актуального членения предложений с именным сказуемым в тувинском языке.

Методологической базой данного исследования послужило понимание синтаксиса предложения, разрабатываемое в рамках исследований новосибирской синтаксической школы [Черемисина, 1998]. Модели простых предложений с именным сказуемым в тувинском языке были описаны Н. Ч. Серээдар [Серээдар, 1995].

Материалом исследования послужили около 100 предложений с именным сказуемым в тувинском языке, отобранные методом сплошной выборки из текстов художественной литературы и публицистических текстов. Основными методами исследования являются структурное моделирование, а также актуальное членение с помощью субъективного логического и контекстуального анализа.

Нейтральные линейные позиции темы и ремы в языках определяются обычно стандартным порядком слов. Первую позицию в предложении обычно занимает подлежащее, которое является «первым претендентом на роль смысловой темы» [Падучева, 2010, с. 116]. В тюркских языках сказуемое занимает конечную позицию и включает в себе новую информацию о теме высказывания, «поэтому сказуемое на своем обычном месте всегда обладает коммуникативной активностью» [Амиров, 1970, с. 38]. Такое линейное расположение темы и ремы в предложении главным образом связана с развитием суждения, содержащегося в предложении, от известной информации к новой, т.е. сначала приводится предмет сообщения, а затем – сообщаемое об этом предмете [Матезиус, 1967, с. 239].

В предложениях с именным сказуемым выражаются различные связи между понятиями или явлениями, а также статичные ситуации действительности [Самойлова, 2004, с. 218]. В данной работе мы рассмотрели актуальное членение пяти моделей.

1. Модель $\{N_{Nom} N_{Loc} \text{ бар/чок/хэй}_{(cop)}\}$

Данная модель выражает пропозиции наличия, отсутствия и количества с указанием местонахождения. Роль сказуемого играют связки *бар* ‘есть’, *чок* ‘нет’, *хэй* ‘много’. С точки зрения формальной линейной структуры, возможности варьирования ограничены

изменением порядка размещения объекта (N_{Nom}) и локализатора (N_{Loc}). При актуальном членении темой является элемент, стоящий в первой позиции [Ондар, 2022, с. 50]. На примерах нашего материала встретилось два варианта актуального членения для данной модели:

А. $[N_{Nom}]_T \{N_{Loc} \text{ бар/чок/хөй} \}_R$

(1) <Кандыг-даа тренер Олимпий чемпионун белеткеп үндүрер дээш кызар болгай.> *Ындыг сорулга менде база бар*⁷

ындыг сорулга=Ø мен=де база бар

такой цель=NOM я=LOC тоже есть

‘<Любой тренер будет стараться подготовить олимпийского чемпиона.> Такая задача есть и у меня.’

Актуальное членение: [Ындыг сорулга]_T {менде база бар}_R

Б. $[N_{Loc}]_T \{N_{Nom} \text{ бар/чок/хөй} \}_R$

(2) <... оруктап аъттыг кижы калгып орган. ...> *Орукта истер-ле хөй*.⁸

орук=та ис=тер=Ø=ле хөй

дорога=LOC след=PL=NOM=part много

‘<... по дороге ехал всадник. ...> На дороге много следов.’

Актуальное членение: [Орукта]_T {истер-ле хөй}_R

2. Модель $\{N_{Nom} \text{ бар/чок/хөй} \}_{(cop)}$

Эта модель передает пропозицию наличия, отсутствия, количества без указания местонахождения. При объекте могут быть различные определения. В линейной структуре предложения изменение порядка слов недопустимо, и здесь возможно два варианта актуального членения: либо в теме находится подлежащее, а в реме – группа сказуемого,

⁷ Газета «Шын». № 19, 13 марта 2024 г. URL: <https://shyn.ru/medeeler/kadykshyl-e-ne-kol/> (дата обращения: 17.04.2024).

⁸ Кудажы К.-Э. К. Ыржым булуң [Тихий уголок]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1965. С. 5.

либо всё предложение является ремой:

А. $[N_{Nom}]_T \{бар/чок/хөй\}_R$

(3) <Кырганнар ам-даа бар ирги? ...> *Авам шагда-ла чок.*⁹

авам шагда=ла чок

мама=LOC давно=part нет

‘<Старики всё еще живы? ... > Мамы давно нет.’

Актуальное членение: $[Авам]_T \{шагда-ла чок\}_R$

Б. $\{N_{Nom} бар/чок/хөй\}_R$

(4) <...Баштайгы үеде, шынында, ооң суурга дөмейлежир чузү-даа чок турган.> *Чүгле «улаан-булуң» дээр чаңгыс багай бажың бар.*¹⁰

чүгле улаан-булуң дээр чаңгыс багай бажың=Ø
бар

только улаан-булуң называть один плохой дом=NOM
есть

‘<... Правда, в первое время у него ничего схожего с селом не было.>
Был только один ветхий дом, который называли «улаан-булун».’

Актуальное членение: $\{Чүгле «улаан-булуң» дээр чаңгыс багай бажың бар\}_R$

3. Модель $\{(N_{Gen}) N_{Nom} бар/чок/хөй_{(cop)}\}$

Эта модель выражает пропозицию наличия, отсутствия, количества через отношение принадлежности объекта. Линейный порядок слов фиксированный. Мы выделили здесь три возможные варианта актуального членения. Частотным является первый вариант А:

А. $[N_{Gen}]_T \{N_{Nom} cop\}_R$

⁹Кудажы К.-Э. К. Ыржым булуң [Тихий уголок]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1965. С. 49.

¹⁰Там же. С. 38.

(5) <Аныяк-даа болза мага-бот туруптар, кадыкшыл кошкаш дээр таварылгалар турар.> *Дайынның кижиге багай салдары хөй.*¹¹

дайын=ның кижиге багай салдар=ы=Ø хөй

война=GEN человек=DAT плохой следствие=POSS.1Sg
много

‘<Несмотря на молодость организм может утомиться, бывают ситуации, в которых здоровье может дать слабину>... У войны для человека плохих последствий много.’

Актуальное членение: [Дайынның]_T {кижиге багай салдары хөй}_R

Б. [N_{Gen} N_{Nom}]_T {cop}_R

(6) <Улуг-Хем, Агылыг, Чодураа. ... Бо үш ат чырык өртемчейге кезээ мөңгеде кады чурттап келген чүве ышкаш.> *Ынчалза-даа оларның төөгүзү бар.*¹²

ынчалза-даа олар=ның төөгү=зү=Ø бар

однако они=GEN история=POSS.1Sg=NOM есть

‘<Улуг-Хем, Агылыг, Чодураа. Кажется, что эти три названия всегда были вместе.> Однако у них есть своя история.’

Актуальное членение: [Ынчалза-даа оларның төөгүзү]_T {бар}_R

В. {N_{Gen} N_{Nom} cop}_R

(7) <Даарга эрте турар херек, ажыл-агый ат болду.> *Колхозтуң, хөй-ниитиниң ажылы кончуг...*¹³

¹¹ Газета «Шын». № 13, 21 февраля 2024 г. URL: <https://shyn.ru/medeeler/didim-dajynchy-kesha/> (дата обращения: 17.04.2024).

¹² Кудажи К.-Э. К. Ыржым булуң [Тихий уголок]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1965. С. 38.

¹³ Кудажи К.-Э. К. Ыржым булуң [Тихий уголок]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1965. С. 66.

колхоз=туң хөй-ниити=нин ажыл=ы=Ø кончуг
 кохоз=GEN общественность=GEN работа=POSS.1Sg=NOM важно

Актуальное членение: {Колхозтуң, хөй-ниитинин ажылы кончуг}_R

4. Модель $\{N_{Nom} N_{Nom (cop)}\}$

Эта модель фиксирует определенные отношения между несколькими предметами действительности: идентификация или вписывание в класс [Самойлова, 2004, с. 223]. Первый компонент всегда является темой, а второй – ремой, поэтому даже при изменении порядка следования компонентов формальной структуры предложения, порядок актуального членения не меняется, т.е. актуализируемый компонент всегда находится на постпозиции:

$$[N_{Nom}]_T \{N_{Nom}\}_R$$

(8) <Дерте, уругларымның ачазының кады-чурттаан эжи болганым-а-ас-кежим.> Эң-не кол чүүл – өөм ээзиниң кадыкшылы.¹⁴

ЭН-не кол чүүл= ө=өм ээ=зи=нин кадыкшыл=ы=
 самый главный вещь=NOM дом=POSS.1Sg х о з я -
 ин=POSS.3Sg=GEN здоровье=POSS.3Sg=NOM

‘<В-четвертых, счастье быть опорой в жизни отца моих детей.> Самое главное – это здоровье моего мужа.’

Актуальное членение: [Эң-не кол чүүл]_T – {өөм ээзиниң кадыкшылы}_R

5. Модель $\{N_{Nom} ADJ_{(cop)}\}$

Данная модель служит для определения свойств, качественных характеристик предмета или лица [Самойлова, 2004, с. 219]. Первый компонент – характеризируемый предмет или лицо, второй – характеризующий предикат, обычно выраженный качественным прилагательным. Порядок следования компонентов формальной структуры фиксированный. Как и в предыдущей модели, по данным нашего материала здесь возможен один вариант актуального членения, где темой является харак-

¹⁴Газета «Шын». № 19, 13 марта 2024 г. URL: <https://shyn.ru/medceeler/kadykshyl-e-ne-kol/> (дата обращения: 17.04.2024).

теризуемый субъект, а ремой – предикат:

$[N_{\text{Nom}}]_T \{ \text{ADJ} \}_R$

(9) <Булуттар чавыс-чавыс.> *Булуттар кара-кара.*¹⁵

булут=тар= кара-кара

облако=PL=NOM черный-черный

‘<Облака низкие-низкие.> Облака черные-черные.’

Актуальное членение: $[\text{Булуттар}]_T \{ \text{кара-кара} \}_R$

Заключение

Таким образом, корреляция формально-грамматического и актуального членения не носит необходимого характера. В предложениях с именным сказуемым возможности изменения порядка следования компонентов ограничена – сказуемое всегда находится в конце. Рема всегда сфокусирована в конечной позиции высказывания, тема – в начальной. Подлежащее действительно чаще находится в теме, а сказуемое – в реме, такое актуальное членение является базовой. Однако в теме могут находиться и второстепенные члены предложения, и частотны случаи нахождения в реме всего предложения, поэтому возможности варьирования актуального членения больше у моделей с тремя компонентами. В перспективе мы намерены собрать более обширный материал, который включал бы все модели простых предложений с именным сказуемым, и на его основе провести дальнейшее исследование их коммуникативной структуры.

Список условных сокращений

= – границы между морфемами; Ø – имплицитное грамматическое значение; 1 – первое лицо; 2 – второе лицо; 3 – третье лицо; ADJ – имя прилагательное; ADV – наречие; сор – связка; GEN – генитив (родительный падеж); DAT – датив (дательный падеж); LOC – локатив (местный падеж); N – имя существительное; NOM – номинатив (именительный падеж); part – частица; PL – показатель множественного числа; POSS – аффикс принадлежности; R – рема; Sg – показатель единственного числа; T – тема.

¹⁵Кудажы К.-Э. К. Ыржым булун [Тихий уголок]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1965. С. 5.

Литература:

1. Амиров 1970 – Амиров Р.С. Способы актуального членения в казахском языке // Советская тюркология. Баку, 1970. №6. С. 34–39. 140 с.
2. Матезиус 1967 – Матезиус В. О так называемом актуальном членении // Пражский лингвистический кружок: Сборник статей. М., 1967. 560 с.
3. Ондар 2022 – Ондар Ч.Г. Синтагматический подход к дифференцированному маркированию прямого дополнения в тувинском и хакасском языках // Языки и фольклор коренных народов Сибири. Новосибирск, 2022. № 1 (43). С. 39-58. 120 с.
4. Падучева 2010 – Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. Изд. 6-е, испр. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 296 с.
5. Самойлова 2004 – Самойлова Е.Г. Элементарные простые предложения с именным сказуемым в эвенкийском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. Вып. 14. Новосибирск: НГУ, 2004. С. 218-235. 236 с.
6. Серээдар 1995 – Серээдар Н.Ч. Основные типы предложений с именным сказуемым в тувинском языке. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Новосибирск, 1995. 22 с.
7. Черемисина 1998 – Черемисина М.И. Итоги исследования простого предложения в языках Сибири // Языки и фольклор коренных народов Сибири. Вып. 4. Новосибирск: НГУ, 1998. С. 3-30. 270 с.

References:

1. Amirov, R.S. (1970) Sposoby aktual'nogo chleneniya v kazakhskom yazyke // Sovetskaya tyurkologiya. Baku, 1970. №6. Pp. 34–39. 140 p.
2. Matezius, V. (1967) O tak nazyvaemom aktual'nom chlenenii // Prazhskiy lingvisticheskiy kruzhok: Sbornik statey. M., 1967. 560 p.
3. Ondar, Ch.G. (2022) Sintagmaticheskiy podkhod k differentsirovannomu markirovaniyu pryamogo dopolneniya v tuvinskom i khakasskom yazykakh // Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri. Novosibirsk, 2022. № 1 (43). Pp. 39-58. 120 p.
4. Paducheva, E.V. (2010) Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu: referentsial'nye aspekty semantiki mestoimeny. Izd. 6-e, ispr. M.: Izdatel'stvo LKI, 2010. 296 p.
5. Samoylova, E.G. (2004) Elementarnye prostye predlozheniya s imennym skazuemym v evenkiyskom yazyke // Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri. Vyp. 14. Novosibirsk: NGU, 2004. Pp. 218-235. 236 p.
6. Sereedar, N.Ch. (1995) Osnovnye tipy predlozheniy s imennym skazuemym v tuvinskom yazyke. Avtoref. diss. kand. filol. nauk. Novosibirsk, 1995. 22 p.
7. Cheremisina, M.I. (1998) Itogi issledovaniya prostogo predlozheniya v yazykakh Sibiri // Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri. Vyp. 4. Novosibirsk: NGU,

1998. Рр. 3-30. 270 р.

Информация об авторах:

Ондар Чойган Геннадиевич, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языкознания Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва; 667000, Россия, Республика Тыва, Кызыл, ул. Кочетова, 4, e-mail: choygandi@mail.ru

Author ID РИНЦ 673786, ORCID: 0000-0001-5779-4217

Чалбак Салбак Радиковна, студентка, филологический факультет, Тувинский государственный университет, Кызыл, Республика Тыва; 667000, Россия, Кызыл, ул. Монгуша Сата, 9, mail: salbakcalbak@mail.ru

Information about autor:

Ondar Choigan Gennadievich, Cand. of Sci. (Philology), Researcher, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva; 667000, 4 Kochetov St., Kyzyl, the Republic of Tuva, e-mail: choygandi@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5779-4217

Chalbak Salbak Radikovna, student, Faculty of Philology, Tuvan State University, Kyzyl, Republic of Tuva; 667000, Russia, Kyzyl, Mongush Sat str., 9., e-mail: salbak-calbak@mail.ru

© Ондар Ч. Г., Чалбак С. Р., 2025

ПЕРСОНАЛИИ

Научная статья
УДК 811.512.15

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (К 70-ЛЕТИЮ МОЛЛЕРОВА НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА)

Аяна А. Самдан

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Кызыл, Республика Тыва, Россия, samayana@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена обзору научно-исследовательской и педагогической деятельности доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Республики Тыва Николая Михайловича Моллерова, являющегося крупным исследователем новейшего периода истории Тувы. Его труды посвящены широкому кругу социально-политических проблем Тувы в XX в. Кроме того, в списке научных работ Н. М. Моллерова особое место занимают публикации архивных документов.

Ключевые слова: Н. М. Моллеров, тувиноведение, история Тувы XX в., архивные документы

Для цитирования: Самдан А. А. К 70-летию Моллерова Николая Михайловича // Азиатские исследования: история и современность. 2025. № 1(13). С. 105–116. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-1-13-105-116

THIRTY-FIVE YEARS OF SCIENTIFIC ACTIVITY (TO THE 70TH ANNIVERSARY OF MOLLEROV, NIKOLAI MIKHAILOVICH)

Ayana A. Samdan

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (History), Leading Researcher, Kyzyl, Republic of Tuva, Russia,

camayana@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the review of the research and teaching activities of Doctor of Historical Sciences, Honored Scientist of the Republic of Tuva Nikolay Mikhailovich Mollerov. He is a major researcher on the modern period of Tuva history. His works are devoted to a wide range of socio-political problems of Tuva in the 20th century. In addition, publications of archival documents occupy a special place in the list of scientific works of N.M. Mollerov.

Keywords: N.M. Mollerov, Tuvan studies, history of Tuva in the 20th century, archival documents

For citation: Samdan, A. A. (2025) "On the 70th Anniversary of Nikolai Mikhailovich Mollerov" // Asian Studies: History and Modernity, no. 1(13), p 105–116. DOI: 10.63124/2782-6139-2025-1-13-105-116

16 февраля 2025 г. исполнилось 70 лет научному руководителю ТИГПИ, доктору исторических наук, действительному члену Российской академии социальных наук, заслуженному деятелю науки Республики Тыва (2010), лауреату премии Главы Правительства Республики Тыва (2017 г.) Николаю Михайловичу Моллерову.

Моллеров Николай Михайлович родился 16 февраля 1955 г. в г. Туран Пий-Хемского района Тувинской АССР в семье служащих. Трудовую деятельность он начал сразу после окончания школы, устроившись учеником слесаря-агрегатчика моторного цеха Пий-Хемского отделения «Сельхозтехники». В 1973-1975 гг. Н. М. Моллеров исполнил воинскую обязанность в рядах Советской Армии. Затем он поступил на историко-архивное отделение исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького. По окончании учебного заведения в 1980 г. он был принят археографом в Центральный государственный архив Тувинской АССР (ныне – Национальный архив Республики Тыва). В 1982 г. он был приглашен директором ТНИИЯЛИ Ю. Л. Аранчыном в качестве младшего научного сотрудника сектора истории.

В 1986 г. Н. М. Моллеров поступил в заочную аспирантуру Института истории, филологии и философии СО АН СССР (г. Новосибирск) и в 1990 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию

по теме «Русская самоуправляющаяся трудовая колония в ТНР и ее роль в укреплении советско-тувинских отношений (1917-1932 гг.)», а в 2006 г. диссертацию «Советско-тувинские отношения (1917-1944 гг.)», получив научную степень доктора исторических наук. Между этими датами Николай Михайлович работал в разных должностях в Администрации Президента Республики Тыва, в том числе советником Президента Республики Тыва Ш. Д. Ооржака. Вернувшись в 2002 г. в Институт, он занимал должности заместителя директора по науке, главного научного сотрудника сектора истории, а в настоящее время является научным руководителем Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Таким образом, творческая жизнь Н. М. Моллерова неразрывно связана с ТНИИЯЛИ – ТИГИ – ТИГПИ, где он прошел путь от младшего научного сотрудника до научного руководителя.

Н. М. Моллеров является одним из крупных специалистов в области новейшей истории Тувы, в частности, социально-политической истории Тувинской Народной Республики. Впрочем, Николая Михайловича отличает широкий охват исследовательских тем. О вкладе исследователя в развитие исторического тувиноведения, археографии, популяризации науки красноречиво говорит список его научных трудов: 10 монографий (четыре из них – в соавторстве), около 300 исследовательских и научно-популярных статей, главы и разделы в коллективных трудах, публикации архивных документов.

Статьи Николая Михайловича опубликованы в ведущих российских исторических журналах «Вопросы истории», «Проблемы Дальнего Востока», «Отечественная история», «Проблемы отечественной истории», «Отечественные архивы», «Проблемы истории Сибири», «История науки и техники», «Родина», а также научных изданиях, выходящих в республике: «Ученые записки ТИГПИ», «Вестник Тувинского государственного университета» и многих других.

Его перу принадлежат монографии «Истоки братства. Русская самоуправляющаяся трудовая колония в Тувинской Народной Республике: исторический очерк» [Моллеров 1989]; «История советско-тувинских отношений (1917-1944)» [Моллеров 2005]; «Урянхайский вопрос» в политической истории Тувы: возникновение и долговременная актуальность» (в соавторстве с В. Д. Март-оолом) [Моллеров, Март-оол 2013]; «Иннокентий Сафьянов» [Моллеров 2014]; «На окраине двух империй (130 лет Турану)» [Моллеров 2015]; «Русские в Туве (конец XIX – первая половина XX в.)» (в

соавторстве с М. П. Татаринцевой [Моллеров, Татаринцева 2016], «По пути народовластия: представительско-законодательная власть Тувы (предпарламентский период)» (в соавторстве с О. Д. Натсак, А. А. Самдан) [Моллеров, Натсак, Самдан 2021]; «История советской зарубежной колонии в Тувинской Народной Республике (1921-1944 гг.)» [Моллеров 2022]; «Радикальные ответы на вызовы социально-политической трансформации (вооружённые восстания в Тувинской Народной Республике)» (в соавторстве с О. Д. Натсак, А. А. Самдан) [Моллеров, Натсак, Самдан 2023]; «История древней Тувы (от ашельцев до жужаней)» [Моллеров 2024].

Николай Михайлович, вслед за В.И. Дуловым, продолжил изучение русско-тувинских отношений, которые, по его мнению, являются «одним из магистральных направлений научного изучения Тувы» [Моллеров 2022, с. 5].

Монография *«Истоки братства. Русская самоуправляющаяся трудовая колония в Тувинской Народной Республике: исторический очерк»* написана на основе значительного количества разнообразных источников [Моллеров 1989]. В начале пути, по признанию Николая Михайловича, он опирался только на единственную статью Ю.Л. Аранчына об РСТК и на несколько номеров газеты «Красный пахарь».

В работе показана роль Русской самоуправляющейся трудовой колонии (РСТК) в социальных преобразованиях, происходивших в то время в тувинском традиционном обществе. Раскрыты правовое положение РСТК, форма самоуправления, хозяйственное и культурное строительство, взаимоотношения Совета РСТК с государственными органами ТНР. Отмечается, что промышленность РСТК (золотодобыча, разработка угля, лесозаготовка и др.), переданная в дар ТНР составила основу тувинской национальной промышленности. Также РСТК оказала существенную помощь в организации первых школ, больниц, клубов в Туве.

Дальнейшим углубленным изучением истории русско-тувинских отношений является труд «История советско-тувинский отношений (1917-1944)», вышедший в Москве в 2005 г. [Моллеров 2005]. Автор проделал огромную работу по выявлению и анализу документальных источников центральных и местных архивов. Кроме того, были использованы опубликованные сборники архивных документов о советско-тувинских отношениях, материалы периодических изданий

зарубежной, советской и тувинской печати и рукописи мемуаров советских дипломатов. Результатом систематизации огромного массива документов, объективной оценки и действительно научного подхода к анализу непростых политических событий в ТНР и СССР в рассматриваемое время вышеназванная монография стала достойным вкладом в историческое тувиноведение.

Тува, находясь полтора века в составе Цинской империи, так и не вошла в конфуцианскую цивилизацию и не интегрировалась в единое целое с буддийской Монголией, тогда как за XX в. она, развиваясь по советской модели, «тесня и отодвигая на задний план ценности традиционного тувинского общества» сделала качественный... скачок в социально-политическом развитии [Моллеров 2005, с. 9].

Результатом 30-летнего исследования является монография «История советской зарубежной колонии в Тувинской Народной Республике (1921-1944 гг.)» [Моллеров 2022]. В ней описана не только история РСТК. В начале 1930-х годов положение русских, проживающих в Туве, кардинально изменилось. РСТК была преобразована в Комитеты советских граждан, общее руководство которыми возлагаясь на консульский отдел полпредства СССР в ТНР. Одной из причин упразднения формы самоуправления явилось участие советских граждан в вооруженном восстании в 1930 г. против перегибов коллективизации.

Согласно соглашения между ТНР и СССР от 24 мая 1932 г. за русскими сохранилось право иметь культурно-правительские и образовательные учреждения, а в остальных вопросах они подпадали под юрисдикцию ТНР. Интересно, что почти десять лет русские не имели всей полноты политических прав и только в апреле 1941 г. Малый Хурал ТНР предоставил им тувинское гражданство, а значит и основные политические права, включая право избирать и быть избранными в органы власти ТНР.

В исторических работах по Туве авторы в основном рассматривали политические события, социально-культурные процессы, но мало касались личностей. Автором проведено скрупулезное исследование по советским советникам, инструкторам и специалистам в области культуры, образования, торговли и военного дела, которые сыграли большую роль в развитии социально-экономического развития Тувы.

Историко-биографическое издание «Иннокентий Сафьянов» посвящено жизни и деятельности крупной политической фигуры, известного революционера, представителя минусинского купечества, чело-

века, искренне любившего Туву и ее народ [Моллеров 2014]. В более ранних исследовательских работах личность И. Г. Сафьянова освещена крайне односторонне, поэтому перед автором стояла задача не повторять расхожих стереотипов и показать всю многогранную и сложную жизнь И. Г. Сафьянова.

Особое место занимают региональные тома «Книги Памяти. Республика Тыва» [Книги памяти 1995; Книги памяти 2010], которые выдержали переиздание в 2020 г. [Книги памяти 2020]. Работа по увековечиванию памяти ветеранов Великой Отечественной войны началась в 1991 г. постановлением Правительства Республики Тыва от 12.11.1991 г. «О подготовке и издании республиканской Книги Памяти». Научно-поисковая группа, руководителем которой был Н. М. Моллеров, проделала огромную работу: изучены документы Архива Внешней политики РФ, Российского государственного военного архива, Центрального государственного архива Республики Тыва, военкомата, списки фронтовиков Совета ветеранов войны и труда, а также публикации ученых, мемуары фронтовиков, журналистов. Велась переписка как с военкоматами, так и с боевыми друзьями, родственниками погибших, состоялись многочасовые телефонные разговоры и личные беседы. На страницах республиканской газеты «Тувинская правда» публиковались списки фронтовиков, сведения о которых нуждались в уточнении. Таким образом, при подготовке издания необходимо было решить множество задач: нужно было не только собрать и обработать материалы, но и оформить их в доступном для читателя виде.

В результате в Книгу Памяти были занесены имена около 2000 погибших воинов. «За каждым именем – героическая драма военного лихолетья: будни кровопролитных боев, ранения, полные непоколебимой веры в победу фронтовые письма, надежды и горечь невосполнимых утрат для родных и близких» [Книги памяти 1995, с. 169].

10 ноября 2004 г. вышло распоряжение Председателя Правительства Республики Тыва Ш. Д. Ооржака «Об утверждении состава общественной редакционной коллегии по подготовке и изданию второго тома Книги Памяти. Республика Тыва». При его подготовке проделана огромная работа по уточнению, систематизации и унификации информации, отбору документальных материалов. В 2005 г., к очередному юбилею Победы, вышел второй том, в котором в первом разделе продолжен поименный список погибших в годы Великой Отечественной войны. Во втором разделе включены имена земляков, погибших при исполнении воинского долга в локальных войнах и

вооруженных конфликтах. А третий раздел содержит дополнительные или уточняющие сведения о включенных в первый том погибших воинов. Оба тома снабжены приложениями.

В процессе подготовки томов были собраны сведения о фронтовиках, вернувшихся с фронта. О необходимости и важности сохранения памяти вернувшихся земляках, которые также заслуживают быть зафиксированными в отдельном издании, Н. М. Моллеров пишет в своей статье «Подготовка и издание двухтомников региональной Книги Памяти» [Моллеров 2007, с. 371]. В настоящее время данная работа закончена и под названием «Вернулись с Победой! Тува» вышла в свет к 80-летию Великой Победы [Моллеров, Самойкин, Иргит 2025]. Помимо работы над персоналиями, Н. М. Моллеров написал в ней введение, заключение и приложения.

В 2020 г. вышло второе издание Книги Памяти с учетом изменений, уточнений и дополнений, а также внесены свыше 200 новых имен. Кроме того, во II томе и переиздании опубликованы статьи Н. М. Моллерова «Взаимоотношения ТНР и СССР в 1941 – 1944 гг.» [Книги памяти 2005, с. 11–22] и «Подвиги наших земляков» [Книги памяти 2020, с. 9–16]. Важно понять, что за каждым именем в этих изданиях стоит драматургия человеческих судеб, вклад каждого отдельного человека в общую Победу.

Н. М. Моллеров является одним из ведущих авторов таких крупных коллективных работ, как «Заслуженные люди Тувы XX века: Государственная книга» (Новосибирск, 2004); II и III томов «Истории Тувы»; «Салчак Тока» (М., 2015); «Урянхайско-тувинская энциклопедия» (Кызыл, 2021). Кроме того, он выступил и в качестве редактора вышеперечисленных книг.

Другим направлением его публикационной активности является участие в качестве составителя, научного редактора архивных документов. К ним можно отнести двухтомное издание «История города в центре Азии» (Новосибирск, 2009, 2011); «Историю Тувинской Народной Республики в архивных документах. 1921–1944» (Новосибирск, 2011); «На перекрестке времени: Урянхайский край, Тувинская Народная Республика, Тувинская автономная область, Тувинская АССР» (Новосибирск, 2014); «Собрание архивных документов о протекторате России над Урянхайским краем – Тувой (к 100-летию исторического события)» (Абакан, 2014); «Война далекая

и близкая: сб. арх. док. об участии Тувы в ВОВ: к 70-летию Победы» (Новосибирск, 2015) и др.

Несколько в ином плане выполнены две следующие публикации, подготовленные к печати Н. М. Моллеровым. Он написал к ним предисловия, составил комментарии и примечания. Им был обнаружен в Архиве МИД Российской Федерации и введена в научный оборот рукопись историка, профессора ответственного консультанта Политархива Наркомата иностранных дел СССР Е. А. Адамова «Урянхайский вопрос при царском и временном правительствах» (Кызыл, 2007). Как вытекает из названия издания, на основе документов МИД СССР рассмотрены основные этапы российской политики урянхайского вопроса до Октябрьской революции в России. Данная работа, по оценке Н. М. Моллерова, носит научно-популярный, прикладной характер, и написана в помощь сотрудникам Наркомата иностранных дел СССР.

Вышедшая затем подобная работа «Рассекреченный Минцлов» (Кызыл, 2007) состоит из нескольких самостоятельных материалов: предисловия от составителя, критико-биографического очерка, написанного П. М. Пильским, основной части – доклада С. Р. Минцлова о пребывании в Туве, списка его научно-библиографических работ и примечания. Такая контекстуализация была нацелена на полное представление об авторе, поскольку в отечественной историографии его личность искажена предвзятыми оценками. В частности, Н. М. Моллеров считает чересчур категоричной характеристику Сергея Рудольфовича как «великорусского шовиниста» из-за многочисленных нелестных оценок тувинцев в своем докладе. На взгляды С. Р. Минцлова повлияли господствовавшие в то время идеи социал-дарвинизма об исторических и неисторических, культурных и некультурных народах [Рассекреченный Минцлов 2007, с. 11]. Основной целью поездки чиновника по особым поручениям С. Р. Минцлова было изучение положения Урянхайского края для дальнейшего переселения русских земледельцев. Его выводы были учтены российскими властями. Был отстранен от должности заведующий пограничными делами Усинского округа А. П. Церерин, а также на время приостановлено переселение в Туву русских крестьян.

Таким образом, можно смело утверждать, что благодаря усилиям Н. М. Моллерова введён в научный оборот обширный пласт архивных источников, которые способствовали расширению рамок исследования и позволили не только переосмыслить и пересмотреть некоторые устоявшиеся стереотипы и мифы, существовавшие как в научной среде, так

и в общественном сознании.

Значительным вкладом в распространение исторических знаний стали статьи, написанные Н. М. Моллеровым для трехтомного издания «Историческая энциклопедия Сибири» (Новосибирск, 2009) и двухтомной работы «Урянхайско-тувинская энциклопедия» (Кызыл, 2021).

Понимая исключительную важность создания учебных пособий, Н.М. принял предложение дирекции ТИГПИ участвовать в подготовке учебников по истории Тувы с древности по современное время для средних школ. Это важный и ответственный вклад в сохранение исторической памяти, поскольку учебники формируют у подрастающего поколения глубокое понимание прошлого, что особенно важно для сохранения культурной идентичности и исторической преемственности.

На российском уровне были созданы единые учебники по истории для 5-7 классов, поэтому вместо одного учебника для 9 класса, необходимо было подготовить региональную линейку учебников по истории для 5-7 классов. В своем Послании Глава Республики Тыва В. Т. Ховалыг на 2022 г. создание учеников по истории Тувы для школ обозначил как одну из приоритетных задач.

Н. М. Моллеров делится своими знаниями с молодым поколением историков, участвуя в обсуждениях их работ. Здесь нужно отметить, что он всегда делает это в атмосфере доброжелательности, благорасположения и профессионализма.

Он принимал участие в редактировании материалов научных конференций «Россия и Тува: 60 лет вместе» (2004), «Аранчыновские чтения» (2009, 2023), «Единая Тува в единой России: история, современность, перспективы» (2014) и отдельных книг «Сафьянов И. Г. Тува в прошлом» (2 тома, М., 2012), Самдан А. А. «Тувинские монголоязычные летописи» (Абакан, 2016) и многих других изданий. Также он – бессменный редактор многих выпусков «Ученых записок» института.

Н. М. Моллеров является главным редактором журнала «Азиатские исследования: история и современность», издаваемого Институтом с 2022 г. Журнал индексируется и реферируется в базе данных РИНЦ.

Н. М. Моллеров не ограничивается только научной работой. Он в должностипрофессора читал лекции по истории Тувы, источниковедению, архивоведению и археологии на историческом факультете Тувинского государственного университета (ТувГУ) и в филиале Восточно-Сибирской Академии культуры и искусства. Он автор учебного пособия для студентов 5-го курса исторического факультета ТувГУ. В пособии

«Актуальные проблемы современной Тувы (исторический аспект)» в систематизированном виде даны самые важные вопросы новейшей истории Тувы на рубеже XX – XXI вв. Этот этап характеризуется глубокой трансформацией политической и социально-экономической структуры России и Тувы. В целом, учебное пособие призвано помочь студентам уяснить ключевые события и процессы, характерные черты и основное содержание почти двух десятилетий демократического этапа российской истории на примере Тувы, что крайне важно для понимания текущих политических и социальных процессов в стране.

Н. М. Моллеров – член Ученых Советов ТИГПИ, Национальной библиотеки им. А.С. Пушкина Республики Тыва, Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Выступает в качестве научного эксперта Национального архива Республики Тыва и принимает участие в обсуждении вопросов научно-исторического характера на заседаниях Правительства Республики Тыва.

Награжден Почетной грамотой Председателя Правительства Республики Тыва (2008 г.), памятной медалью «65 лет Победы в Великой Отечественной войне» (2010 г.), медалью к 300-летию М.В. Ломоносова (2011 г.) и медалью Республики Тыва «За доблестный труд» (2019 г.), медалью «за заслуги перед Республикой Тыва» (2025 г.).

Коллеги горячо поздравляют Николая Михайловича с прекрасным юбилеем и желают ему крепкого здоровья, благополучия и долгих лет плодотворной научной деятельности.

Литература:

1. Книги памяти 1995 – Книги памяти. Республика Тыва. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1995. 175 с.
2. Книги памяти 2005 – Книги памяти. Республика Тыва. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2005. 81 с.
3. Книги памяти 2020 – Книги памяти. Республика Тыва. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2020. 382 с.
4. Моллеров 2005 – Моллеров Н. М. История советско-тувинский отношений (1917-1944). М., 2005. 326 с.
5. Моллеров 2007 – Моллеров Н. М. Подготовка и издание двухтомникам региональной Книги Памяти // Ученые записки ТИГПИ. Вып. XXI. Кемерово: Изд-во КеМГУКИ. 2007. С. 368–371.
6. Моллеров 2014 – Моллеров Н. М. Иннокентий Сафьянов. М.: Слово, 2014. 320 с.
7. Моллеров, Натсак, Самдан 2023 – Моллеров Н. М., Натсак О. Д., Самдан А. А. Радикальные ответы на вызовы социально-экономической трансформации (вооружённые восстания в Тувинской Народной Республике). Кызыл: ОАО

«Тываполиграф». 2023. 197 с.

8. Моллеров, Натсак, Самдан 2021 – Моллеров Н. М., Натсак О. Д., Самдан А. А. По пути народовластия: представительско-законодательная власть Тувы (предпарламентский период). Абакан: ООО «ИП «Журналист». 2021. 304 с.

9. Рассекреченный Минцлов 2007 – Рассекреченный Минцлов / сост. Н. М. Моллеров. Кызыл: Типография КЦО «Аныяк». 2007. 75 с.

10. Вернулись с Победой! Тува 2025 - Вернулись с Победой! Тува. Абакан: Хакасское книжное издательство имени В.М. Торосова, 2025. 290 с.

References:

1. “Knigi pamyati. Respublika Tuva” (1995) [Books of Memory. Republic of Tuva], Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izd-vo, 175 p. (In Russ.)

2. “Knigi pamyati. Respublika Tuva” (2005) [Books of Memory. Republic of Tuva], Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izd-vo, 81 p. (In Russ.)

3. “Knigi pamyati. Respublika Tuva” (2020) [Books of Memory. Republic of Tuva], Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izd-vo, 382 p. (In Russ.)

4. Mollerov, N. M. (2005) “Istoriya sovetsko-tuvinskij otnoshenij (1917-1944)” [History of Soviet-Tuvan relations (1917-1944)], Moscow, 326 p. (In Russ.)

5. Mollerov, N. M. (2007) “Podgotovka i izdanie dvuhtomnikam regional'noj Knigi Pamyati” [Preparation and publication of a two-volume regional Book of Memory], Uchenye zapiski TIGPI, vol. 21, Kemerovo, Izd-vo KemGUKI, p. 368-371. (In Russ.)

6. Mollerov, N.M. (2014) “Innokentij Saf'yanov” [Innokenty Safyanov], Moscow, Slovo, 320 p. (In Russ.)

7. Mollerov, N. M., Natsak, O. D., Samdan, A. A. (2023) “Radikal'nye otvety na vyzovy social'no-jekonomicheskoy transformacii (vooruzhjonnye vosstaniya v Tuvinskoj Narodnoj Respublike)” [Radical Responses to the Challenges of Socio-Economic Transformation (Armed Uprisings in the Tuvan People's Republic)], Kyzyl, ОАО «Тываполиграф», 197 p. (In Russ.).

8. Mollerov, N. M., Natsak, O. D., Samdan, A. A. (2021) “Po puti narodovlastija: predstavitel'no-zakonodatel'naja vlast' Tuvy (predparlamentskij period)” [On the Path of Democracy: Representative Legislative Power of Tuva (Pre-Parliamentary Period)], Abakan, ООО ИП “Zhurnalist”, 304 p. (In Russ.).

9. “Rassekrechennyj Minclov” [Declassified Mintslov] (2007), sost. N.M. Mollerov, Kyzyl, Tipografiya KCO «Aanyak», 75 p. (In Russ.).

10. Vernulis' s Pobedoj! Tuva 2025 [Back with Victory! Tuva 2025], Abakan: V.M. Torosov Khakass book publishing house, 2025, 290 p. (In Russ.).

Информация об авторе:

Аяна А. Самдан, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва; 667000, Россия, Республика Тыва, Кызыл, ул. Кочетова, 4, e-mail: samayana@mail.ru

Author ID РИНЦ: 604541, ORCID: 0000-0002-7785-7497

Information about the author:

Ayana A. Samdan, Cand. of Sci. (History), Leading Researcher, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva; 667000, 4 Kochetov St., Kyzyl, the Republic of Tuva, e-mail: samayana@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7785-7497

© Самдан А. А., 2025

АЗИАТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

№ 1(13), 2025

Научный журнал

Учредитель – Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва

Издатель – Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва

Главный редактор: Моллеров Н. М.

Заместитель главного редактора: Натсак О. Д.

Выпускающий редактор: Ооржак Б. Ч.

Вёрстка: Бады-оол Ч. А.

Точка зрения авторов публикуемых материалов
не обязательно отражает мнение редакции

При перепечатке материалов ссылка на журнал
«Азиатские исследования: история и современность» обязательна.

Тел.: (394-22) 3-24-47, 3-04-71

Подписано в печать 11.08.2025

Дата выхода __.08. 2025

В розницу – цена свободная

Адрес редакции:

667000, Республика Тыва, Кызыл, ул. Кочетова, 4,
тел.: (39422)2-36-39

Формат 70X100 1/16. Бумага офс. №1.

Печать офсетная. Объём 7,0 п.л. Тираж 50 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинала-макета
в ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство им. В. М. Торосова»
655017, г. Абакан, ул. Советская, 173.

e-mail: asvestnik@tigpi.ru

Сайт журнала: asvestnik.ru

© Азиатские исследования:
история и современность, 2025